

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «КУРЧАТОВСКИЙ ИНСТИТУТ»
Петербургский институт ядерной физики им. Б. П. Константинова
Национального исследовательского центра «Курчатowski институт»

Страницы истории

Выпуск 3

Счастье видеть красоту мироздания

Памяти физика А. А. Ансельма

Гатчина
2018

УДК 001; 82-94

Страницы истории. Выпуск 3.

Счастье видеть красоту мироздания. Памяти физика А. А. Ансельма. – Гатчина: Издательство НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ, 2018. – 147 с.; 53 ил.

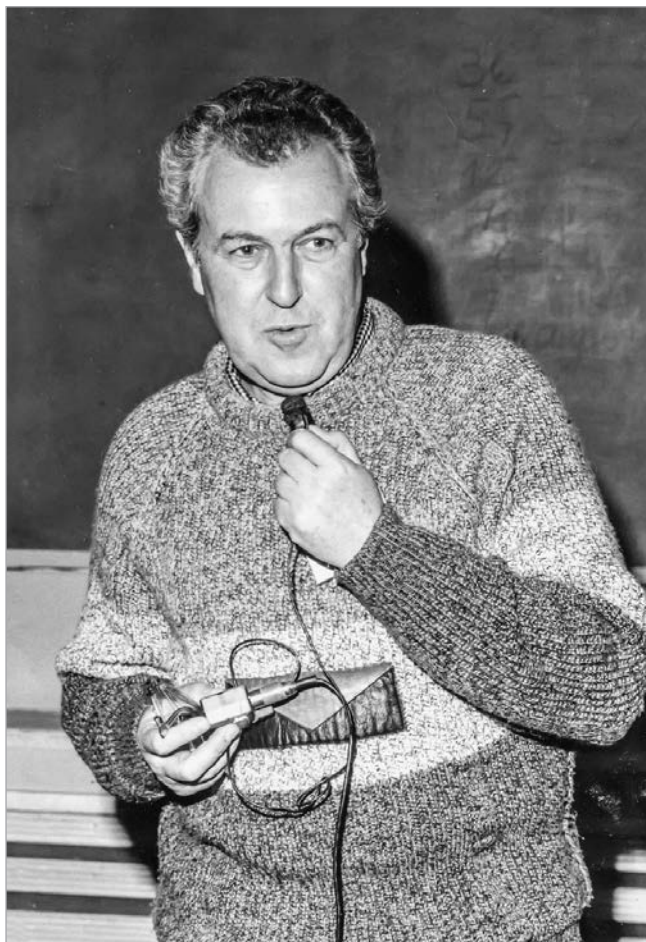
Автор-составитель Л. Н. Ансельм

Настоящий сборник, продолжающий серию «Страницы истории» о становлении и развитии Института, посвящен ученому с мировым именем, физико-теоретику Алексею Андреевичу Ансельму. Вошедшие в книгу воспоминания позволяют судить о масштабе личности этого удивительного человека, оставившего яркий след в этом мире.

Печатается по решению редакционно-издательского совета НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ.

ISBN 978-5-86763-407-0

© НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ, 2018

Алексей Андреевич Ансельм (1934–1998)

Предисловие

Книга, которую вы открыли, продолжает серию «Страницы истории», посвященную становлению и развитию Института, и рассказывает об ученом с мировым именем, физике-теоретике А. А. Ансельме.

В этом году исполняется двадцать лет, как ушел из жизни Алексей Андреевич. Ученый – лишь одна сторона деятельности этого удивительного человека, физика и лирика в одном лице, энциклопедиста, совместившего в себе целую палитру знаний. Талантливый организатор, дипломат, А. А. Ансельм сумел сохранить Институт в самые сложные перестроечные годы, укрепил связи с мировым научным сообществом, придумал международные Зимние школы по теоретической физике, которые проходят по сей день.

Автор-составитель сборника – физик, литератор Людмила Ансельм, супруга ученого. Материалы, представленные в настоящей книге, в свое время уже публиковались, но теперь, собранные воедино и дополненные воспоминаниями Людмилы Николаевны, они воссоздают яркий и многогранный образ ученого и ту удивительную интеллектуальную атмосферу, которая создавалась в его присутствии.

О масштабе личности Ансельма можно судить в том числе по его окружению. Среди мемуаристов, вспоминающих Алексея Андреевича, – выдающиеся люди: мировые ученые, именитые поэты, писатели, журналисты. Тексты, в совокупности охватывающие практически все этапы жизни и творчества ученого, написаны в разном ключе: развернутые наблюдения, включающие его биографию, фрагменты дневников, выдержки из публицистических статей и личной переписки (Л. Ансельм), короткие очерки с описанием наиболее заметных жизненных эпизодов (В. А. Назаренко, А. А. Мигдал, Э. Лидер и др.), стихотворные посвящения А. Кушнера и размышления А. Мелихова, деловое изложение его научной деятельности и работы на посту директора Института (Д. И. Дьяконов). Авторы единодушны в восприятии образа

Ансельма: нежное *Алеша* звучит у всех, кто близко знал Алексея Андреевича, в каждой статье читается – для коллег, родных, друзей Ансельм стал образцом жизнелюбия, оптимизма, мужества.

Ученый, прекрасный организатор, мыслитель, популяризатор науки – все эти грани творческой личности А. А. Ансельма нашли отражение в книге и составились в разноцветную мозаику образа невероятного человека, оставившего яркий след в этом мире.

У меня это была большая любовь...

Людмила Ансельм

В 2018 году исполняется двадцать лет со дня смерти моего мужа Алексея Ансельма. За это время умерли совсем молодыми любимые ученики Алеши – Дмитрий Дьяконов и Николай Уральцев, а я потеряла двух братьев, но пока остаются еще наши друзья, и, я надеюсь, эта книга напомнит им об Алеше. Перебирая его письма и просматривая журналы с его научно-популярными статьями, которые ему так и не пришлось при жизни увидеть напечатанными, я решила собрать Алешины письма, воспоминания родственников и наших друзей о нем и опубликовать все вместе. К прежним моим воспоминаниям, напечатанным в книге Людмилы Колесниковой «Штрихи к портрету теоретика», я добавила воспоминания о сорока шести годах, прожитых с Алешей. Из книги Колесниковой были взяты и воспоминания друзей Алеши.

Оказалось, что написать о нашей жизни, когда не ведешь дневника, совсем непросто. Одно воспоминание цепляется за другое. Достать из памяти что-то совсем забытое, и тут же появляется неожиданно еще одно, тоже забытое, и хочется обо всем рассказать и все события соединить в одно связное повествование. «Но расходятся швы незаживших времен». Передо мной встал вопрос: как соединить эти швы? В какой последовательности?

Сегодня во сне я вдруг оказалась перед железными воротами высокого забора, на воротах висел ржавый замок. Позади меня толпились какие-то люди, которым, как и мне, надо было пройти через эти ворота. Всю ночь во сне искала ключ к этому старому замку. Незнакомый мужчина, неожиданно появившийся передо мною, вложил в мою руку отмычку и показал, как ею пользоваться. Под утро, когда проснулась, поняла, что в моей голове толпятся воспоминания, и я все время думаю, как о них написать, что оставить, а что отбросить. В конце концов, прокрутив пленку воспоминаний назад, я поняла, что мы тугими узлами были привязаны к политическим событиям, происходившим в нашей стране: сталинский террор, война, смерть Сталина, периоды оттепели,

застоя, перестройки, и решила расположить свои воспоминания в такой же последовательности. Но насколько это получилось связно – не знаю.

Моя история напоминает всем известную сказку о Золушке: провинциальная девочка из Иркутска попадает в Ленинград и встречает там...

Мы учились с Алешей вместе на одном курсе физического факультета Ленинградского государственного университета, но только на третьем курсе познакомились ближе и стали общаться друг с другом. Я жила в общежитии. Помню, была весна... В окна заглядывали долгожданные белые ночи. У нас в общежитии был вечер. Музыка, танцы... Неожиданно на этом вечере появился Алеша. Он подошел ко мне и пригласил на танец. На другой день мы встретились на лекции. Алеша сел рядом со мной. Так началась наша дружба, которая затем переросла в любовь.

Передо мной открылся новый интересный мир. Алешу, как и меня, привлекала не только наука, но и литература, искусство, и он обо всем, что знал, увлеченно говорил, говорил, говорил... Алеша помог мне осмотреться в новом для меня городе и многое понять... А поженились мы после окончания университета. К этому времени я окончательно определилась в своих чувствах – это была большая любовь.

Родившись в семье физиков, Алеша не представлял жизни без науки. Во времена нашей юности, в пятидесятые годы, после создания атомной бомбы, физика считалась модной и востребованной. Способная молодежь нашего поколения ринулась на этот передний край науки. В те годы не только в нашей стране, но и во всем мире многие талантливые люди мечтали стать физиками. Попасть на физический факультет было счастьем, те, кому это удалось, чувствовали себя избранными, значительными, интеллектуалами. Хотя что потом получилось... У каждого была своя судьба.

У Алеши рано проявились математические способности. Еще будучи учеником восьмого класса, он пошел во Дворец пионеров и записался в математический кружок, где руководитель познакомил его с проблемой чисел Фибоначчи. Алеша на всю жизнь сохранил интерес и любовь к этим числам. Андрей Иванович Ансельм, отец Алеши, всячески поощрял его интерес к математике и физике. Когда Алеша учился в девятом классе, Андрей Иванович начал читать ему и его приятелю лекции по физике, чтобы подготовить мальчиков для поступления в университет.

Алешины родители были замечательными, интеллигентными и образованными людьми, имели широкие интересы – история, лите-

ратура, музыка, политика и, конечно, физика. Отец Андрей Иванович Ансельм (А. И.) – профессор, заведующий Теоретическим отделом Физико-технического института АН СССР, мать Ирина Викторовна Мочан (И. В.) – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института полупроводников АН СССР.

Алешины предки, Ансельмы, переехали в 1817 году в Россию из Германии. Потомственные виноделы и пивовары, они на Северном Кавказе продолжали заниматься виноделием, разбогатели и начали скупать земли в Белоруссии и Крыму. После революции многие из них эмигрировали в Европу. В начале войны 1941 года деда Алеши Ивана Адамовича и бабушку Терезу Маргтыновну Ансельм выслали в Казахстан, поскольку они были этническими немцами. Бабушка умерла в Казахстане, дед – в Елабуге, куда А. И. перевез его после смерти Терезы Маргтыновны.

Дед по материнской линии Виктор Осипович Мочан – педиатр, основоположник советской педиатрической школы и первый директор Ленинградского научно-практического института охраны материнства и младенчества. Он родился в Одессе, затем переехал в Петербург, во время войны был эвакуирован в Омск, где умер и был похоронен на Староеврейском кладбище. В 2014 году студенты Омского медицинского университета нашли его могилу и привели в порядок.

При первом же знакомстве Алеша удивил меня необычайной доброжелательностью. Она переходила обычные рамки, перехлестывала через край. Он сразу же познакомил меня со своими друзьями, при этом старался показывать их с лучшей стороны, а сам держался в тени. Он не только любил своих друзей, но и гордился дружбой с ними. Позже такая же ситуация повторилась с его коллегами и учениками. Он радовался, когда кто-то в его отделе получал интересный результат или премию за отличную работу.

У Алеши было развито как творческое воображение, так и логическое мышление. Недавно узнала, что разносторонность интересов часто встречается у переправленных левшей. (Алеша подозревал, что он был врожденным левшой, но потом его переучили. Он писал правой рукой, а брился левой.) Он интересовался не только физикой, но и политикой, историей, литературой, умел четко формулировать мысли, обобщать их, ясно и понятно объяснять свои идеи, с первых же дней нашего знакомства старался поделиться со мной своими знаниями. Я любила читать, но в глубокой провинции в библиотеках книг зарубежных писателей не было. В Алешиной комнате стоял шкаф с книгами, которые принадлежали А. И. Алеша, заметив мой интерес к шкафу, вынул оттуда «Про-

щай, оружие!» Хемингуэя со словами: «Только читай по-быстрому. Это любимая книга папы и моя. Если он заметит, что она не на месте, мне влетит». Я оценила Алешин жест и, вернувшись в общежитие, немедленно приступила к чтению. Не успела я дочитать первую страницу, как уже на пороге моей комнаты появился Алеша и попросил срочно вернуть книгу. Ему все-таки влетело, отец потребовал принести «Прощай, оружие!» немедленно... Алеша рассказал, как после моего ухода А. И. орлиным взглядом окинул шкаф и сразу заметил пустоту на месте любимой книги. Со временем А. И. привык ко мне, оттаял и разрешил прочитать и «Прощай, оружие!», и другие книги. Некоторое время спустя мне удалось отблагодарить А. И. за доверие. Он мечтал прочитать роман Хемингуэя о войне в Испании «По ком звонит колокол». В СССР этот роман был запрещен: он не нравился Долорес Ибаррури, а может быть, и по какой-то другой причине. С нами на курсе учился студент из Восточной Германии. Я попросила его привезти из Германии этот роман на немецком языке, что он и сделал. А. И. прекрасно знал немецкий и проглотил роман в одночасье – я с огромным удовольствием выслушала его благодарность. Роман великолепный! И замечательный эпиграф – слова Джона Донна: «...смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе». Сама я с огромным трудом продралась сквозь препоны немецкого языка из любви к писателю и испанской революции. Алеша прочитал роман позже на английском языке.

Вообще, во времена нашей молодости настольными книгами Алешы и его друзей были «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Алеша знал их почти наизусть. Чтобы тебя уважали, нужно было весь разговор пересыпать цитатами из этих книг. Алеша однажды позвонил поздно ночью известному в городе знатоку этих книг и задал вопрос позаковыристее: «Назови-ка фамилии директора и музыкантов театра, которые работают на теплоходе, курсирующем по Волге». Хотя в ответ он услышал что-то вроде «сам дурак», это не помешало ему радоваться и всем рассказывать об остроумном ответе знатока. Вся компания Алешиных друзей увлекалась поэзией Блока, Маяковского, Ахматовой, Северянина. Алеше нравился Багрицкий. Некоторые из его друзей писали стихи; Алеша тоже как-то попробовал свои способности в поэзии, но потом бросил это занятие и больше к нему не возвращался.

Мы были молоды, шутили, развлекались, танцевали, любили... Наша молодость совпала с интереснейшим временем хрущевской оттепели. Но сначала была смерть Сталина. Когда умер Сталин, мы учи-

лись на втором курсе. Несколько студентов из университета кинулись в Москву посмотреть на похороны. Мы с Алешей не поехали. Я жила в общежитии. Студентки, с которыми я делила комнату, в эти траурные дни не ходили на лекции, а сидели на кроватях с глазами, красными от слез. Я боялась их: они могли заметить, что я не плачу, и кому-нибудь пожаловаться.

Доклад Никиты Сергеевича на XX съезде в 1956 году стал потрясением для всей страны. Я была подготовлена Алешей и понимала, что происходит в нашем правительстве и кто такой Сталин. В воздухе повеяло теплым ветром перемен. Стали возвращаться люди из лагерей. Хотя в Алешиной семье никто не был арестован, возвращение узников было радостным событием для всех нас. Моего деда, священника, забрали в 1937 году, я не надеялась, что он еще жив. Появилась гениальная повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», ставшая одним из главных событий в жизни всей страны и нашего поколения.

У нас был жгучий интерес ко всем современным явлениям. Казалось, вот-вот произойдет что-то и «темницы рухнут – и свобода нас примет радостно у входа». Зазвучали голоса молодых поэтов – Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной. В то время была удивительная тяга к поэтическому слову. Еще много оставалось запретных тем, которые хотелось бы прояснить, люди думали, что именно в поэзии можно услышать ответы на интересующие всех вопросы. Помню, когда Андрей Вознесенский выступал в Ленинграде в Октябрьском зале, не всем желающим его послушать хватило билетов. Толпа взломала входные двери и хлынула в зал. Также большой интерес вызывало творчество художников-авангардистов, которое возродилось вновь в оттепельное время. Раньше знакомиться с их творчеством можно было только на выставках в частных домах. Позднее, после скандала, связанного с разгромом «бульдозерной» выставки художников в одном из пригородов Москвы, им разрешили выставлять свои картины в Доме культуры Газа, а затем в «Невском» в Ленинграде. Очереди были огромные. После выставок художников стали называть газоневцами. Но в конце концов выставки художников-авангардистов были запрещены (проводились лишь изредка в Гатчинской школе физиков).

Появилась авторская песня. Городницкий, Визбор, Окуджава, Галич, Клячкин, Высоцкий – знаменитые авторы-исполнители. Первые магнитофоны на бобинах были несовершенны: купленные на барахолке, они хрипели, шипели, скрежетали, пленка часто рвалась. Надо было напрягать слух, чтобы что-нибудь понять, прижимались к самым бобинам

и повторяли друг другу едва различимые слова. Собирались у друзей послушать песни, как раньше, ходили к соседям посмотреть на телевизор.

Мы много спорили с друзьями, обсуждая прочитанное и услышанное, обменивались книгами из самиздата. Алеша в споре руководствовался логикой и не спорил с теми, кто был не готов выслушивать доводы оппонентов и только отстаивал свои взгляды без всяких доказательств и объяснений. Начались публичные дискуссии по поводу современных книг. В университете был организован диспут по роману Дудинцева «Не хлебом единым». Молодежь активно участвовала в этом диспуте.

В пятидесятые годы на экранах кинотеатров появились замечательные фильмы, нам посчастливилось познакомиться с итальянским неореализмом: «Рим в одиннадцать часов», «Рим – открытый город», «Похитители велосипедов», «Умберто Д.», и был особенно запомнившийся датский фильм «Чайки умирают в гавани». Не знаю, почему его купили для советского проката? Может быть, потому что он был в какой-то степени антиамериканским? Достаточно необычный фильм для того времени. Мы смотрели его с Алешей несколько раз и купили билеты для его родителей, но фильм на них не произвел особенного впечатления.

В 1956 году мы окончили университет и получили распределение на работу: Алеша – в Физико-технический институт АН СССР на должность младшего научного сотрудника (в этом институте он и проработал всю свою жизнь), я – в секретный «почтовый ящик». Чтобы я могла остаться в Ленинграде после окончания университета, нужна была ленинградская прописка, а получить ленинградскую прописку можно было только выйдя замуж. В 1956 году мы с Алешей поженились, и я переехала к нему жить. Не знаю, какие чувства испытывал Алеша, но для меня после общежития оказаться в такой семье было потрясением. Родители Алеши приняли меня хорошо.

Конечно, я была безмерно счастлива. И Ленинград, и любимый муж, и работа – все, о чем я мечтала...

Что завтра? Завтрак. Завтракать вдвоем,
и послезавтракать вдвоем...
что нового? А то, что самый-самый
любимый муж на свете – это ты,
что больше не боюсь ни простоты,
ни старости, что дом – прообраз храма,
что завтра – завтрак.

Вера Павлова

С утра все уходило на работу. Алеша, будучи теоретиком, часто работал дома. Вечером все встречались за ужином и обсуждали новости.

Мы жили с родителями Алеши в одной квартире, одной семьей, жили дружно. Когда к нам приходили гости, мы приглашали родителей посидеть за общим столом с нашими гостями, а также с удовольствием общались со знакомыми и друзьями родителей.

Родители Алеши охотно делились с нами своими воспоминаниями. На их долю выпали большие испытания: голодные годы после революции, террор Сталина, война. А. И. с особенным удовольствием вспоминал свои студенческие годы. Он учился с 1924 по 1927 год в Ленинградском государственном университете вместе с Ландау, Кравцовым, Иваненко, Гамовым. А. И. рассказывал, как он с университетскими приятелями организовал компанию, которая называлась «джаз-банд». У всех были прозвища: А. И. – Альди, Ландау – Дау, Гамов – Джонька, Матвей Бронштейн (примкнувший к ним позже) – Аббат, он был самый образованный и начитанный из всей компании. В физике это было бурное время – становление квантовой механики. Всех объединял интерес к физике, все горели наукой и непрерывно говорили о науке. В компании были и девушки – Вера Мирославская и Ирина Сокольская, которая стала первой женой А. И. Хватало времени и на шутки и розыгрыши. А. И. утверждал, что традиция считать первое апреля праздником теоретиков, а затем и физиков пошла от них.

Он со смехом вспоминал, как вместе с Гамовым разыграл Иваненко и Кравцова. Гамов заинтересовал друзей своей мифической девушкой Людой из «Ленфильма» и обещал приятелям прийти с ней на оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». Поскольку никакой девушки у Гамова не было, А. И. вызвался изображать эту девушку. Ирина Сокольская нарядила его в свое платье, на голову приладила шляпку. А. И. и Гамов вошли в ложу. Иваненко с друзьями заняли выжидательную позицию в соседней ложе. А. И. разговаривал писклявым женским голоском и вел себя развязно. Друзья в соседней ложе не узнали в девушке Люде своего близкого приятеля – Альди. Девушка не понравилась. Из ложи Иваненко послышался неодобрительный шепот: «Так я и думал, какая у него эта девушка – Люда».

С Гамовым у А. И. были самые близкие отношения: оба работали в Одессе в астрономической лаборатории, оба приехали из Одессы учиться в Ленинградском университете. Гамов со своей женой в 1933 году эмигрировал в Америку, стал невозвращенцем и был проклят на родине. О нем почти ничего не было известно, только доходили слухи о его знаменитых работах: количественной теории альфа-распа-

да, теории горячей Вселенной, формулировке проблемы генетического кода (они перечислены в статье А. А. Ансельма «Как устроен этот мир»). В молодые годы в СССР Гамов ничем не болел и не пил (за это друзья прозвали его Компотником) – в Америке он начал пить. Гамов – гениальный физик с удивительной судьбой. Он заслужил своими работами по крайней мере три Нобелевские премии – по физике, космологии и генетике, но не получил ни одной. А. И. всю жизнь интересовался работами Гамова и его судьбой, с опасностью для жизни хранил его запрещенные в СССР научно-популярные книги.

В тридцатые годы атмосфера в Советском Союзе изменилась, начались массовые аресты. Родители Алеши с ужасом вспоминали это время. Все боялись арестов, было страшно, особенно по вечерам, потому что арестовывать приходили чаще всего ближе к ночи. Сначала с улицы был слышен звук машинных тормозов, потом шаги на лестнице, и тревожное ожидание дверного звонка. Из университета стали исчезать ученые. Арестовали Виктора Робертовича Бурсиана, Юрия Александровича Круткова, Всеволода Константиновича Фредерикса, Матвея Петровича Бронштейна. Льва Давидовича Ландау тоже арестовали, но он вскоре вышел на свободу – за него заступился Петр Леонидович Капица. А. И. вспоминал свой разговор с Матвеем Бронштейном накануне его ареста. Они рассуждали на тему, как надо держаться на допросах при аресте. А. И. настаивал: нельзя ни в чем признаваться, Матвей считал наоборот: надо во всем признаваться и доводить признание до абсурда. Он не учитывал, что следователям нужна была только подпись под признанием заключенного, а абсурд это или нет, им неважно.

И. В. пережила однажды тяжелый момент. В университете, где в то время работали она и А. И., существовала Доска почета, которую называли «арестометром». Если человека арестовывали, его фотография с Доски почета исчезала. Проходя мимо доски, И. В. с ужасом заметила, что нет фотографии А. И. Она кинулась в аудиторию, где он читал лекцию. А. И. был на месте. Позднее выяснилось, что какая-то студентка, которая увлеклась им, решила взять фотографию на память. В это можно было легко поверить: А. И. был обаятельным мужчиной, держался открыто и благожелательно. Может быть, эти качества и невысокая должность, которую он занимал в то время в университете, спасли его от ареста.

А потом были воспоминания о войне... Алеша запомнил первый день войны на всю жизнь: молчаливая, мрачная толпа соседей собралась на лестнице под громкоговорителем. Многие взрослые плакали.

Алеша, когда увидел слезы на материнском лице, испугался и спросил: «Мама, ты плачешь, потому что у меня насморк?»

Между родителями Алеша возникли разногласия из-за необходимости эвакуации из Ленинграда. А. И. считал, что уезжать не надо, потому что Ленинград будут защищать изо всех сил. И. В. решительно была настроена на отъезд. В первые же дни она получила в университете отпуск и, взяв Алешу и его няню Дуню (Дуня приехала из белорусской деревни совсем молодой девчонкой и всю жизнь прожила в семье Ансельм), на маленьком катере «Клара Цеткин» уехала из Ленинграда.

У А. И. в первые же дни войны украли все документы. Ему пришлось бегать по учреждениям и получать их. Поскольку в паспорте в графе «национальность» он был записан немцем, жить без документов ему было особенно опасно. А. И. остался в Ленинграде и эвакуировался позже вместе с университетом в Елабугу. И. В. с Алешей и няней Дуней пришлось добираться до Елабуги по Волге, а затем по Каме. Алеше запомнилось это плавание, хотя ему было всего семь лет. Они плыли на барже, не спускаясь в трюм. Наверху баржи И. В. соорудила из простыней палатку, вспомнив свою туристскую молодость. Сначала плыть было спокойно и хорошо, но на какой-то пристани к их барже прицепили еще одну с голодными уголовниками, которые грозились перебраться к ним и всех перерезать. Было страшно, но приходилось продолжать путешествие наверху, так как в трюме от тесноты и душного воздуха начались эпидемии – там находиться было еще опаснее. Наконец после долгого путешествия произошла встреча всего семейства.

В Елабуге первый год жизни был трудным и тяжелым, особенно для Алеша. Он пошел в первый класс. Замечательный новенький портфель остался в Ленинграде. Алеше сшили сумку для учебников из старых штанишек. А пальто он позаимствовал у своей двоюродной сестры и сразу получил прозвище Полудевчонка-полумальчишка. Он отличался от здешних детей и внешним видом, и воспитанием. Они сразу заметили, что Алеша не может произносить некоторые грубые слова, и под предводительством Нюрки Фырловой время от времени устраивали Алеше экзамен – подводили его к выгребной яме около дома и спрашивали: «А ну-ка, скажи, что это?» Когда Алеша мялся, стесняясь называть вещи своими именами, и произносил что-то неразборчивое вроде «а-а», они покатывались со смеху. Ребята в классе были жестокие, драчливые – Алеше было неуютно и страшно, не хотелось ходить в школу. Он начал симулировать болезни, стал прихрамывать и жаловаться, что у него болит нога. И. В. разволновалась, немедленно повезла его на саночках в больницу. Врачи посоветовали сделать рентген, но в Елабуге

не было рентгена, надо было ехать в соседний город. Алеше очень хотелось поехать в этот город, и он постоянно приставал к И. В.: «Мама, когда мы поедem?» И. В. объяснила ему: «В другом городе нет городского транспорта, нам придется долго идти пешком. Мы поедem, когда ты сможешь хоть немного наступать на свою больную ногу». И тут произошло чудо: Алеша запрыгал на больной ноге и радостно закричал: «У меня нога уже не болит. Мама, мы можем теперь ехать?» На другой день ему пришлось снова пойти в школу. Все это неудобное существование сопровождалось постоянным чувством голода. Алеша всю войну вспоминал недоеденное мороженое.

А. И., как я писала ранее, – этнический немец, поэтому в Елабуге во время войны ему грозила трудовая армия*, если он срочно не принесет бумагу из университета, что он нужен в тылу как специалист. Возглавлявший филиал ЛГУ в Елабуге проректор В. А. Амбарцумян (будущий президент армянской АН), посоветовавшись с партийной и профсоюзной организациями, отказал А. И. в этой бумаге. Тогда академик В. А. Фок и профессор В. И. Смирнов написали такую бумагу на тетрадном листке и подписались. На некоторое время А. И. оставили в покое, но угроза увольнения возникла вновь. Еще в Ленинграде он начал писать докторскую диссертацию, и по просьбе друга семьи Анатолия Петровича Александрова (А. П.) А. Ф. Иоффе, директор Ленинградского физико-технического института (эвакуированного в Казань), вызвал А. И. в командировку в Казань для завершения работы над диссертацией.

А. И. надо было идти пешком около семидесяти километров из Елабуги до ближайшей железнодорожной станции. Его пристроили к обозу с уголовниками, которые ехали на фронт. В Казани А. И. поселился у Александровых. С утра он уходил в институт, работал над диссертацией, а вечером возвращался к Александровым. Если в доме нечего было есть, А. П. брал ружье, выходил во двор и стрелял ворон. Потом все вместе, ощипав перья, варили из них суп. В институте Александров имел привычку в поисках А. И. спрашивать у сотрудников: «Где мой фриц? Вы не видели моего фрица?» Когда А. И. попросил Александрова

* В 1942 году вышли три постановления ГКО СССР о призыве немцев в армию (неофициальное название): № 1123 «О порядке использования немецко-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» от 10 января 1942 года, № 1281 «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках» от 14 февраля 1942 года, № 2383 «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» от 7 октября 1942 года.

не называть его фрицем, тот ответил: «Пусть все знают, что ты немец и что ничего страшного в этом нет». Наконец А. И. защитил докторскую диссертацию и получил приглашение академика А. Ф. Иоффе на работу в Физтехе, в лаборатории Александрова. Вся семья переехала из Елабуги в Казань.

После войны Ансельмы вернулись из Казани в Ленинград, но жить было негде: квартиру заняли уцелевшие после блокады жители. Пришлось судиться с этими людьми, чтобы они освободили комнаты. Это была обычная практика после войны для получения своих же комнат или квартир. Отсудили все комнаты, кроме одной, которая до войны была кабинетом профессора Виктора Осиповича Мочана, – в результате квартира стала коммунальной. А. И. начал хлопотать о получении кабинета, так как защитил докторскую диссертацию и имел право на дополнительную площадь. Кабинет занял пенсионер по фамилии Капцов, он не хотел уступать комнату и объявил войну. А. И. стали каждую неделю вызывать в Большой дом на Литейном проспекте, где он иногда сталкивался с Капцовым, который, по-видимому, писал на А. И. доносы. В Большом доме А. И. уговаривали работать на КГБ, намекая на его немецкое происхождение и дружбу с Гамовым, пугали, что он может потерять работу, но А. И. не соглашался с теми предложениями, которые ему делали. Потом неожиданные вызовы прекратились – может быть, убедились в бессмысленности уговоров.

Пока судились за получение комнат, вся семья жила у знакомых в Лесном. Алеша пошел в шестой класс ленинградской школы на Выборгской стороне. Здесь дети были такие же жестокие и злые, как и в Елабуге. Они подкарауливали его после школы (от Алешиного приятеля узнали, что Алеша по происхождению немец), объявив охоту на фрица, и периодически избивали. Алеше было страшно одному возвращаться из школы, и он обычно ждал приятелей, чтобы пойти домой вместе с ними. В конце концов семья переехала в свою коммунальную квартиру на Петроградской стороне, и Алеша пошел в школу на Большом проспекте. Именно в этой школе он встретил своих друзей, с которыми подружился на всю жизнь. Его перестали избивать. В восьмом классе проявились Алешины математические способности, и его стали уважать – вместе со своими друзьями он оказался в классной элите.

После войны наступило золотое время для физиков: им повысили зарплату – эффект атомной бомбы. Родители Алеши стали получать в три раза больше денег, чем раньше. Можно было комфортабельно путешествовать на Кавказ, в Крым – уже не с палатками, как раньше, а останавливаться в полупустых гостиницах, обедать в ресторанах.

Но из-за высокой зарплаты родителей у Алеши появились новые переживания. Все его друзья, которыми он обзавелся в новой школе на Петроградской стороне, жили бедно, у многих отцы погибли на войне. Алеша на вопрос «Сколько получают родители?», краснея и смущаясь, называл их зарплату. Он часто вспоминал своего одноклассника и друга Диму Канарейкина. Дима жил с матерью, отец умер от истощения в Ленинграде во время блокады. Хотя Дима учился хорошо, ему пришлось уйти из восьмого класса и поступить в мореходное училище – не на что было жить.

С Канарейкиным судьба неожиданно свела Алешу позже. Дима окончил Академию им. А. Ф. Можайского, стал военным инженером и основателем новой научной школы по радиолокационной поляриметрии, а затем возглавил фирму, которая занималась мониторингом радиоактивных выбросов в атмосферу. В то время очень актуальны были задачи обнаружения радиоактивности в атмосфере, и Диме понадобились консультации по этой теме. Он решил использовать стандартные уровни выбросов из реактора Института ядерной физики для калибровки оборудования и обратился в Теоретический отдел института. Как раз в это время Алеша был заведующим Теоретическим отделом и охотно помог Диме связаться со специалистами своего института. Я помню, как радостный Алеша привел Диму к нам в дом и они хорошо отметили неожиданную встречу.

Родители Алеши принимали активное участие в воспитании сына. У А. И. была идея: если сын учится хорошо, то он в конце недели заслуживает вознаграждение, и Алеша каждую субботу получал от отца десять рублей в школе и двадцать пять рублей (старыми деньгами) в университете. Этих двадцати пяти рублей с нетерпением ждали и его друзья. Когда Алеша получал награду, вся компания отправлялась в кафе или к кому-нибудь в гости.

Когда пришло время Алеше получать паспорт, возник вопрос, какую выбрать национальность. И. В., по национальности еврейка, настаивала, чтобы его записали немцем. Поскольку Алеша был наполовину немец, наполовину еврей, родители боялись, что его не примут на физический факультет университета, где национальность студентов строго проверялась специальной комиссией.

После окончания ленинградской школы Алеша имел серебряную медаль и должен был при поступлении в университет проходить собеседование. Благодаря стараниям А. И. он был хорошо подготовлен для поступления на физфак, но комиссия по собеседованию гоняла его два дня. Он ответил на все вопросы, и даже на вопрос «Какие были

последние передовицы в „Комсомольской правде“?» был дан быстрый ответ: «Своевременно подготовиться к уборке урожая», что повергло комиссию в шок. Тем не менее на физфак его не взяли, но приняли на географический факультет, где был высокий конкурс, и таким образом удалось соблюсти «чистоту рядов» поступающих на геофак. Позже, после отъезда комиссии, проверявшей национальный состав студентов университета, Алешу перевели на физический факультет.

В период оттепели, примерно в шестидесятые годы, двоюродный брат И. В. Леон Эдмондович Мочан вдруг появился в нашей квартире, прямо из Парижа. В начале революции он со всей семьей эмигрировал за границу, окончил университет в Лозанне и в 1924-м переехал во Францию. До нас доходили слухи, что после войны он организовал Институт математики в городе Бюр-сюр-Иветт под Парижем.

Дядя приехал в Ленинград с намерением пригласить советских физиков в свой институт. Алеша поспорил с ним на бутылку коньяка, что русского математика Фаддеева ему удастся заполучить, а еврею Грибову не дадут разрешения на поездку. Дядя не поверил Алеше, ведь ему «сам Косыгин обещал помощь». Но Алеша оказался прав и в конце концов получил бутылку от дяди, будучи в командировке в Лондоне, куда Леон Эдмондович приехал повидать его. Что и говорить, мы все были потрясены появлением Леона Эдмондовича из-за железного занавеса. Потом дядя стал часто появляться в Ленинграде. Приезжал не один, а со своей новой женой Анни.

Дядя оказался хорошим рассказчиком, ему было что вспомнить: человек объездил почти весь мир, и теперь этот мир предстал перед нами... Рассказывая, он часто замолкал, будто что-то припоминая, это усиливало впечатление. Говорил негромко на прекрасном, чистом, забытом в наше время русском языке. Его изящная речь, пересыпанная вышедшими из обращения словами, например «аэроплан», «верую», «голкипер», независимо от содержания как бы в машине времени переносила нас в начало века... Мы удивлялись и восхищались его рассказом о заграничной жизни, полной опасностей и приключений. Например, представьте только: едет в Африку, что-то строит, покупает, а затем продает участок земли и таким образом, благодаря своей активности и предприимчивости, становится вполне зажиточным человеком. Потом были рассказы о Второй мировой войне. Что мы знали об участии Франции в этой войне? Совсем немного. Знали, что немцы победным маршем вошли в Париж без боев и сражений, а уж после в стране началось партизанское движение, которое назвали Сопротивлением. Наш дядя был участником этого движения, о чем рассказывал также очень

по-французски – с изящной легкостью: никаких поездов, спущенных под откос, никаких взрывов и даже ни одного выстрела... Был еще рассказ о встречах с немецким офицером, жившим с дядей в Париже по соседству. Дядя приглашал этого офицера в ресторан и платил за обед. Там, в ресторане, в перерыве между лягушачьими лапками, паштетами из гусяной печени и устрицами заводил разговоры сперва на самые общие темы, а затем осторожно выспрашивал о планах офицера на будущее. И из этих расспросов делал выводы о продвижении немецких войск. Хитро? Мы не могли скрыть своего восхищения... Нас смущало только, что его рассказы о войне были совсем нестрашные – с трудом верилось, что перед нами действительно участник Французского сопротивления. Но оказалось, что воткнутая в его петлицу маленькая красная пуговица, которую он пренебрежительно назвал «декорасьон», не что иное, как медаль Сопrotивления...

Леон Эдмoндoвич не был лишен и нoстальгических переживаний – иначе чем объяснить желание посетить дом, в котором прошло его детство? Помню, он сразу узнал этот дом, когда мы с ним ехали на такси вдоль канала Грибoедoвa. Мы вошли в подъезд, немытый и неубранный, где к запаху кошек примешивался еще острый запах туалета, подошли к дверям, украшенным гирляндой электрических звонков с четкими указаниями: «Ивановым звонить один раз, Петровым – два, Сидоровым...» Дядя грустно постоял перед дверью, изучая надписи, но в квартиру войти не решился. Он только подергал дверную ручку и сказал: «Нам принадлежал здесь целый этаж». Я помню стыд за нашу неустроенность и облегчение, которое я испытала, когда мы с ним наконец оказались на набережной канала. Еще я помню, как дядя реагировал на песни Галича. Стоило нам поставить пленку с записью его песен, в руках у нашего дяди появлялся белый носовой платок.

Александрoв часто бывал в нашей квартире, всегда в сопровождении охранника, которого он называл Духом. Дух мирно сидел на деревянном диванчике в нашей прихожей, кормить и поить его спиртным было не положено по инструкции. А. П. никогда ничего не рассказывал о цели своего приезда в Ленинград. Мы понимали – это секрет. Зато он с удовольствием говорил о своих детях. Их у него было четверо: три сына и дочь. Рассказывал, как они проводили лето всей семьей на одном из островов в устье Волги. Во время отпуска они снимали любительские фильмы всей семьей. Жена Александрoвa Мaрьяна, по профессии художница, была режиссером этих фильмов и художником по костюмам. А. П. показывал нам несколько фильмов. Один фильм назывался «История с географией». Девочка Маша случайно попадает на остров

дикарей-людоедов. Дикари хотят ее зажарить на костре и съесть. Девочку Машу играла дочь Маша, а А. П. исполнял роль вождя дикарей и был очень эффектен с пучком перьев на лысой яйцевидной голове и с повязкой из женской шали на бедрах. Конечно, все закончилось хеппи-эндом: девочка Маша просыпается – оказывается, ей все приснилось.

А. П. входил в близкий круг любимчиков Брежнева и часто получал от него в подарок кабаньи ноги. Однажды, когда мы были в гостях у Александровых, они угостили нас кабаньим мясом – вкус специфический. А. П. живо интересовался всеми событиями в стране. Он первый сообщил нам о трагедии, которая произошла с туристами на Урале, на перевале Дятлова. Долго не было должного объяснения, почему туристы выскочили из палатки и все погибли. Только недавно по телевизору было показано внятное, засекреченное ранее объяснение их гибели.

В один из приездов А. П. рассказал историю, как он обманул иностранцев, приехавших в Курчатовский институт, где он был директором. На дверях лабораторий, в которых проводились секретные работы, висели объявления: «Вход запрещен». Перед приездом делегации А. П. попросил сотрудников перевесить объявления – там, где секретные работы не велись, написать: «Вход запрещен». Александров гостеприимно распахивал двери перед иностранцами и объяснял им, что показывает секретные лаборатории. Он рассказывал эту историю, весело смеясь, мы тоже смеялись, все, кроме А. И. Ему эта история не понравилась.

«Трагедия Чернобыля стала личной трагедией самого А. П. Александрова. В конструкции атомного реактора на Чернобыльской станции был дефект, поэтому произошел взрыв. А. П. принимал этот реактор и считал себя виноватым, что не настоял на устранении дефекта. Дело в том, что у него были очень напряженные отношения с конструктором реактора академиком Доллежалем. Дефект был ему известен, но не хотелось опять собачиться с Доллежалем. Было решено, что при правильной эксплуатации этот дефект не скажется. Но беда была в том, что атомные станции передали из Средмаша (с его бериевской дисциплиной) в министерство энергетики, и управлением реакторов стали заниматься люди, малограмотные в атомной технике, которые пошли на легкомысленные эксперименты с потенциально опасной техникой. А. П. Александров глубоко переживал свою вину» (из воспоминаний Е. Б. Александрова, племянника А. П. Александрова).

А. П. хоронили на том же кладбище, где находятся могилы погибших спасателей, которые работали на очистке ЧАЭС от радиоактивных элементов. На этом кладбище был установлен памятник погибшим

спасателям. По иронии судьбы гроб с телом Александрова расположили для прощания у самого подножия памятника. На всем кладбище не нашлось другого подходящего места для произнесения прощальных слов.

Незабываемой для всей нашей семьи была встреча с сэром Рудольфом Пайерлсом (сэров надо называть только по имени, я не знала и называла его «сэр Пайерлс»), маленьким седым старичком, и его женой леди Евгенией Пайерлс, представительной и громко говорящей, всегда пребывающей в центре внимания. Они появились у нас по приглашению А. И., который учился в Ленинградском университете вместе с Евгенией Канигиссер (Пайерлс). Первый вопрос А. И. к Евгении был о Гамове: «Что случилось с Джонькой?» На что та громкогласно объявила: «Кристалл гамовского эгоизма разбился о кристалл эгоизма его жены. После развода с женой Джонька начал пить и стал алкоголиком». Возможно, такое объяснение не удовлетворило А. И. В Америке Гамов был принят на работу в Вашингтонский университет на должность полного профессора. Затем перешел в Университет штата Колорадо. Во время войны Гамов хотел принять участие в создании атомной бомбы, но его не пригласили в Лос-Аламос, так как американцы выяснили, что он служил полковником в Красной армии. Гамов объяснил, что он только читал лекции по физике бойцам Красной армии и в сражениях не участвовал. После этого объяснения американцы разрешили ему принимать участие в создании водородной бомбы.

Сэр Рудольф во время Второй мировой войны участвовал в Манхэттенском проекте. Он совместно с Отто Фришем подсчитал критическую массу радиоактивного урана в бомбе. Масса оказалась намного меньше, чем считали другие физики. Это активизировало работу над бомбой. За участие в создании атомной бомбы английской королевой Пайерлс был возведен в рыцари. Кроме того, как выяснилось позже, он невольно помог Советскому Союзу в разработке атомной бомбы. По его рекомендации в Манхэттенский проект был приглашен немецкий физик Клаус Фукс, который оказался советским шпионом. Мы расспрашивали Пайерлса о его работе над атомной бомбой, он охотно обо всем рассказывал. Перед самым концом войны американские физики изготовили две бомбы, и было много дискуссий, куда их сбросить. Одни предлагали сбросить на теплоходы, подальше от больших городов, другие – в пустыне: песок расплавится, и все поймут, какая разрушающая сила заключена в атомных бомбах. Сам Пайерлс предлагал сбросить бомбу на маленький поселок, но при условии, чтобы там обязательно были люди, – все увидели бы, что происходит с людьми после атом-

ной бомбардировки. Но американские военные распорядились бомбой по своему усмотрению, не послушались советов ученых, создавших ее. У сэра Рудольфа мы не почувствовали никакого раскаяния или сожаления, что он принимал участие в создании смертоносного оружия. Он только обижался, что военные не последовали его совету. Мы смотрели на «гуманиста» сэра Рудольфа и думали, как меняются моральные представления в зависимости от обстоятельств. Сейчас он больше всего напоминал мирного Деда Мороза, а не грозного ученого, советовавшего «чтобы обязательно в поселке были люди». Сэр Рудольф приезжал к нам еще раз, но уже без жены: она умерла от рака. Он был одинокий и грустный, но живо и с интересом обсуждал с Алешей ситуацию в нашей стране после перестройки.

В книге Юнга «Ярче тысячи солнц», которую мы читали всей семьей с большим интересом, описана история создания атомной бомбы в Америке. Мы узнали, что некоторые западные физики относились к созданию бомбы с большой ответственностью. Из рассказов знакомых физиков Алеша знал об атмосфере, сопутствовавшей созданию советской атомной бомбы: все участники (А. И. тоже принимал участие в создании бомбы в самом начале) стремились как можно скорее создать атомную бомбу в СССР и об ответственности перед человечеством не задумывались. Алеша тогда еще не знал, как А. Д. Сахаров (А. Д.) боролся с Хрущевым за прекращение испытаний водородной бомбы. Радиоактивные элементы после взрывов разносились по всей планете и были опасны для здоровья людей. Перед испытанием водородной бомбы Сахаров звонил на аэродром, чтобы задержать самолет-носитель до решения комиссии ЦК, и тем самым он надеялся избежать опасного взрыва. Ему сообщили, что уже поздно: испытания были специально перенесены на четыре часа раньше и самолет-носитель уже пересек Баренцево море... *«Это было уже окончательное поражение, ужасное преступление совершилось, и я не смог его предотвратить! Чувство бессилия, нестерпимой горечи, стыда и унижения охватило меня. Я упал лицом на стол и заплакал... Вероятно, это был самый страшный урок за всю мою жизнь: нельзя сидеть на двух стульях. Я решил, что отныне я в основном сосредоточу свои усилия на осуществлении плана прекращения испытаний...»* (из мемуаров А. Д. Сахарова).

В 1960-м у нас с Алешей родилась дочь Ирина, чудесное маленькое существо. Алеша хотел именно дочку. Дочка часто плакала по ночам от голода, но врачи-педиатры строго-настрого запретили кормить ребенка ночью через четыре часа – можно было кормить только через

шесть часов. Запретили брать на руки: «Покормили, и сразу в кроватку. А то, чего доброго, ребенок привыкнет к рукам, а как вы сможете уходить на работу?» Алеша был суровым отцом, строго соблюдал порядок кормления, не разрешал кормить дочку чаще. Еще бы! Его дедушка был профессором педиатрии. Через некоторое время, благодаря доктору Споку, все оказалось можно – и кормить, и брать на руки, и прижимать к груди. Но к этому времени наша дочь уже выросла, и у нас начались другие проблемы. Психиатр, которого я спросила, почему в наше время было столько запретов при воспитании маленького ребенка, сказал: «У нас тогда была свиная педиатрия».

«Когда я росла, мы с папой проводили много времени вместе. Мы говорили обо всем, начиная с книг, политики и заканчивая разговорами о том, как устроена Вселенная. Я помню, как он мне рассказывал про двухмерных клопов, живущих в трехмерном пространстве, проводя аналогии с нами, живущими в пространстве, которое, скорее всего, не трехмерно. Я никогда не собиралась стать физиком, но, по-моему, папу это не очень огорчало. Выбирая между тем, чтобы стать художником или врачом, я выбрала последнее. Кто мог знать, что этот выбор спустя много лет поможет мне в Америке не только устроить свою жизнь, но и помочь папе с лечением, когда в последние годы жизни ему пришлось переехать в Штаты.»

Папа был очень энергичным и жизнерадостным человеком. В детстве мы играли в игру, которая называлась «Ассоциации». Я помню, что кто-то спросил, с кем из знакомых ассоциируется закипающий чайник. На что все хором сказали: с дядей Алешей. Действительно, он был все время в приподнятом состоянии духа, я не помню, чтобы у него было когда-либо плохое настроение. Иногда я думаю о том, на какое время пришлось жизнь моих родителей. Это время было лучше, чем то, что досталось на долю наших бабушек и дедушек: революция, две войны, сталинские репрессии. Тем не менее родителям тоже досталось: Великая Отечественная война, когда они были детьми, потом оттепель, потом застой, тяжелые девяностые годы. По сравнению с нашей относительно безоблачной жизнью им пришлось пережить гораздо больше. Тем не менее они умели радоваться и веселиться так, что нам было бы неплохо взять с них пример.

Я помню папу, когда мне было около трех лет. Значит, ему в это время было двадцать девять – меньше, чем моей дочери сейчас! Память устроена странным образом: почему-то что-то помнится ярко, а что-то исчезает бесследно. Я помню хорошо наши путешествия по стране: по Золотому кольцу, Прибалтике, поездку в Иркутск на по-

езде в течение трех суток. Я также помню, что всегда могла рассчитывать на то, что папа меня защитит от неприятностей. Каждому человеку нужно ощущение, что его родители всегда готовы встать на его защиту. Пока папа был жив, у меня было это чувство. Я знаю, что и папа чувствовал себя защищенным, пока была жива его мама, и это чувство исчезло, когда она умерла, хотя в это время папе было уже сорок три года.

Папа старался мне помочь уехать из страны в июне девяносто первого года. Он сказал, что, когда произошел августовский путч и исход его был еще неясен, его первым чувством была радость, что мы с дочкой уже уехали из России.

Когда мой отец умер, ему было всего шестьдесят четыре года. Это было почти двадцать лет назад. Мне трудно это представить: это случилось как будто вчера, но, с другой стороны, за это время произошло столько событий! У меня родился сын Алеша, которому сейчас шестнадцать лет, названный в честь папы. У моей дочери родились дети. Как всегда бывает, боль утраты не прошла, но притупилась, при этом сменившись глубоким сожалением. Мне очень жаль, что папа никогда не видел своего внука и своих правнуков, а также жаль, что я никогда не смогу о стольком с ним поговорить. Папа не дожил до таких событий! 11 сентября, нынешней России, выборов Трампа. Папино мнение всю жизнь для меня было бесконечно важным. Моя жизненная позиция сформировалась под его влиянием. Я думаю, что мои нынешние взгляды тоже совпадали бы с его взглядами. По крайней мере, мне хочется в это верить» (из воспоминаний Ирины Ансельм, дочери А. А. Ансельма).

К этому же периоду относится участие Алеши в кино «Улица Ньютона, дом 1». Эдвард Радзинский написал сценарий фильма о физиках. Сюжет незамысловатый: один молодой физик находит ошибку в работе, которая была сделана совместно с другим физиком, а за эту работу они получили медаль. Первый физик, честный, предлагает второму сказать правду на Ученом совете и вернуть медаль. Второй, нечестный, отказывается это сделать. Девушка, присутствующая в этом фильме, конечно, уходит от плохого к хорошему. Молодая пара едет в какой-то рыбацкий поселок, и на доме, где они поселились, положительный физик прибывает новое название: «Улица Ньютона, дом 1». Режиссер фильма Тед Вульфович пригласил Алешу и его друга Владимира Шехтера в качестве консультантов, но, помимо консультаций, им вдвоем пришлось даже сняться в небольшом эпизоде, чтобы достоверно изобразить Ученый совет. Мы познакомились со многими участниками фильма: Юли-

ем Кимом, Юрием Ковалем, с московскими художниками Лемпортом и Силисом. Художники для украшения зала заседаний из пенопласта вырезали огромные портреты ученых – Эйнштейна, Курчатова, Ландау и др. Заодно из керамики соорудили маленькие брошки. Брошки они дарили разным девушкам и тут же лезли целоваться. Мы, конечно, подружались с Тедом Вульфовичем и его красавицей женой Полиной Лобачевской, родственницей математика Лобачевского. Дружба продлилась долгие годы.

С Радзинским у нас тоже возникли отношения, но их трудно было назвать дружбой – что-то вроде взаимного интереса. В 1964 году он написал пьесу «Еще раз про любовь», которая была поставлена во многих театрах нашей страны, и по ней был снят фильм. Эдвард стал знаменитым. Пьеса была задумана Радзинским как очень современная. В ней он смело показывал, как в настоящее время изменились принятые ранее нормы в сексуальных отношениях между молодыми мужчинами и женщинами: физик Электрон Евдокимов знакомится со стюардессой в молодежном кафе, приглашает ее домой, и в тот же вечер она остается у Электрона ночевать. Но цензура была на страже и не пропустила такой вариант – секс разрешался только после второго свидания. Эдику пришлось добавлять еще одну сцену – получилось сто четыре страницы, поэтому первоначальное название пьесы было «Сто четыре страницы про любовь». Товстоногов решил поставить пьесу в своем театре, стюардессу играла Татьяна Дорониная. Вот тогда и закрутился у Эдика роман с актрисой БДТ Татьяной Дорониной. Он стал часто приезжать в Ленинград, заходил к нам, и мы все вместе шли к Московскому вокзалу, чтобы он мог позвонить Дорониной по телефону-автомату. Звонить из частного дома Эдику запрещалось. Эдик женился на Дорониной, она перебралась в Москву, и теперь он все пьесы и сценарии писал для нее – «Чуть-чуть о женщине», «Чудный характер», «Ольга Сергеевна» и др. Он рассказывал много интересного про свои постановки в Москве. Любил прихвастнуть. Обычно, сообщая о колоссальном триумфе своих новых пьес, как бы между прочим прибавлял: «Пришлось вызывать конную милицию». На его лице всегда присутствовала лукавая усмешка Мефистофеля, за которой пряталась уверенность в будущем своем успехе и что-то еще непонятное, загадочное, о чем мы должны были узнать позднее.

Однажды наша московская подруга Полина Лобачевская, жена Теда Вульфовича, привела к нам в гости Григория Чухрая и Беллу Ахмадулину. Фильм Чухрая «Баллада о солдате» произвел на всех нас незабываемое впечатление. Мы засыпали Чухрая вопросами: как возник-

ла идея этого фильма и как ему удалось снять такой правдивый и такой щемящий фильм о войне. Он во всех подробностях с нескрываемым удовольствием рассказал, сколько подводных камней ему пришлось обойти, сколько преград преодолеть, чтобы показать хотя бы малую часть правды. Эпизод с куском мыла, который привозит солдат с фронта, цензура долго не пропускала, но Чухраю удалось настоять на своем. Цензура требовала придумать подвиги для главной героини (Жанна Прохоренко), иначе ей, цензуре, было непонятно, за что мог полюбить ее солдат Алеша, подбивший немецкий танк. Объяснение «просто полюбил» их не удовлетворяло. В моей памяти остался тот теплый, душевный разговор и ощущение полного взаимопонимания. Мы тоже понравились Чухраю, Полине Лобачевской он сказал: «Какие замечательные у тебя друзья».

Теперь, по прошествии лет, я понимаю, какое интересное время мы прожили. Это было счастье – иметь столько друзей, так интересоваться разнообразными новостями, ждать и надеяться, что вот-вот что-то произойдет. Помню наше неистребимое желание попасть на Запад, хотелось раздвинуть решетки железного занавеса и попутешествовать... Во времена оттепели в нас еще тлела надежда, что ситуация изменится и нам удастся повидать другие страны, но занавес держался крепко и не поднимался.

И все-таки один раз, в 1968 году, на излете оттепели Алеше удалось побывать в Англии целых три месяца. Это было похоже на чудо. Англия произвела на Алешу такое сильное впечатление, что, по его словам, вся его жизнь с тех пор разделилась на два периода: до Лондона и после. В своих воспоминаниях Алеша писал: *«Хотя это был 1968 год и нормального человека с моими данными (с немецкой национальностью и беспартийный) из России за границу не выпускали, тем более в одиночку, но меня пустили, притом одного, на целых три месяца в Лондон. Это чудо объяснялось разными причинами, из которых главной было вторжение советских танков в Чехословакию... Почти все западные страны стали рвать с нами контакты, в том числе и научные. Мне же продолжали присылать приглашения, возможно, потому, что мои западные коллеги чувствовали, что я не несу большой ответственности за Чехословакию...»*

Так случилось, что в это же время в Лондоне был еще один физик из Ленинградского государственного университета – Лев Прохоров. Алеша был с ним знаком и в Лондоне сошелся с ним еще ближе. Они гуляли по паркам и улицам города, ходили вместе в кафе, заглядывали иногда в стриптиз-клуб... Алеша влюбился в Лондон и, когда мы по-

пали в этот город уже вместе, показывал мне отдельные, самые любимые улицы и уголки с особенным удовольствием. Обычно мы садились с ним на передние сиденья на втором этаже красного лондонского автобуса и ехали по определенному маршруту. Господи, как нам было тогда хорошо!

В Англии Алеша познакомился и подружился с Володей фон Шлиппе, физиком, немцем русского происхождения, и стал постоянным гостем в его доме. Жена Володи Ирина работала радиоведущей на Би-би-си. Именно в этот период появилась книга Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Ирина читала эту книгу на Би-би-си по-русски, и иногда нам в Ленинграде удавалось услышать ее голос сквозь вой глушилок. Неслучайно именно в этот момент были самые плохие отношения Советского Союза с Би-би-си.

После возвращения из Англии Алешу вызвал начальник Первого отдела института на допрос. Первые вопросы к нему были: знаком ли он с женой Володи фон Шлиппе, под какой фамилией она выступает на Би-би-си, посещал ли он их дом. Непонятно, каким образом до КГБ дошли слухи о тесной дружбе Алешы с семейством Володи. Алеша отрицал все: знакомство с Ириной, посещение ее дома, фамилию ее он не знает (хотя знал, и в голове у него вертелось: «Ирина Мельникова»). Алеша был человеком твердых взглядов и принципов, не шел ни на какие компромиссы и сотрудничество с КГБ. Поняв провал операции, посреди разговора сотрудник КГБ демонстративно захлопнул папку и молча удалился из комнаты. Алеше пришлось догонять его уже в коридоре и еще раз напоминать: «Имейте в виду, я отказался...» За отказ от сотрудничества его после допроса не выпускали пятнадцать лет за границу, хотя в это время он получал много приглашений и каждый год заполнял документы для поездки за рубеж. (После перестройки знакомство с Володиной и его семьей было продолжено. Когда Володя фон Шлиппе вышел в Англию на пенсию, Алеша принял его на работу в свой отдел, и Володя с Ириной на несколько лет переехали в Санкт-Петербург.)

Из Англии Алеша привез пластинку с песнями Булата Окуджавы, которая была записана, когда Булат выступал в Париже. Пластинку подарил Алеше Володя. Это был драгоценный подарок, украсивший нашу жизнь на продолжительное время. Мы приглашали гостей, ставили на проигрыватель пластинку и слушали, а Алеша подпевал Булату: «...дай же ты всем понемногу... / И не забудь про меня». Очень хотелось отблагодарить Володю. Его дети изучали русский, им нужны были книги и пластинки на русском, но все контакты были невозможны: оттепель кончилась, наступили времена застоя...

В Англии у Алеши появились новые друзья, физики: Эллиот Лидер, Норман Домби и другие, которые смогли посещать нас только через двадцать лет, уже после перестройки.

За описываемый период Алеша написал и в двадцать семь лет защитил кандидатскую диссертацию, а в тридцать пять, через год после возвращения из Англии, защитил докторскую и в 1974 году стал профессором университета.

Поскольку нам не разрешали поехать за границу, мы не упускали случая отправиться в путешествия по стране: ходили по горам Кавказа, Тянь-Шаня, Памира, выходили через перевалы к морю, озеру, реке и после трудных переходов отдыхали. Алеша любил эти путешествия. Так мы посмотрели с ним и с нашими друзьями разные уголки страны. Пожалуй, больше всего запомнилось путешествие в Фанские горы – красивые, окрашенные в разные цвета: розовый, красный, голубой, меняющиеся в зависимости от освещения. Горы особенно были хороши при закате. Но самыми впечатляющими были озера с совершенно прозрачной водой, а если бросить в озеро камень, то он оставлял за собой фиолетовый след.

По приглашению нашего друга одессита Валентина Носкина мы посетили Одессу, родину Алешиных предков. Иван Адамович Ансельм, отец А. И., до революции был директором Одесского пивоваренного завода в районе Молдаванки. Валентин помог нам найти это место. По рассказам А. И., вокруг завода был сад, в саду стоял дом, в котором жила семья Ансельм. Теперь на месте пивоваренного завода мы обнаружили музыкальное училище – ни сада, ни дома не было. Алеша принялся и почувствовал, что земля около училища пахнет пивом. Мы вспомнили рассказ А. И. о его отце. Иван Адамович Ансельм был немцем, строгим, добросовестным директором. Однажды в огромную бочку с пивом попала крыса – Иван Адамович распорядился все пиво из бочки вылить. Такое решение огорчило рабочих пивзавода, они столпились около бочки, подставляли свои картузы, чтобы набрать хоть немного пива и выпить.

После оттепели у нас в стране начались другие времена – застойные, душные, безнадежные... Нами овладело равнодушие, апатия, депрессия, казалось, это время никогда не кончится. Согласно Сократу все люди смертны. Вожди тоже люди. Значит, вожди – смертны. Только одна эта надежда и теплилась. Было такое ощущение, что всем на все наплевать, никто не хочет работать и утруждаться, глядя, как хозяйство и экономика страны разваливаются. Брежнев получал одну награду за другой неизвестно за что, еле выговаривал слова и был постоянным

объектом всеобщих насмешек. Помню, приехал к нам из Москвы Алешин учитель Карен Аветович Тер-Мартirosян. Мы угостили его купленным в магазине кексом. Он удивился: «Неужели еще кто-то работает и печет такие вкусные кексы?»

С продуктами становилось все хуже и хуже. Некоторые наши знакомые получали пайки в специальных закрытых распределителях, имели знакомых мясников, которые без очереди давали хорошие куски за дополнительную плату. За рыбой и мясом были огромные очереди. Труднее всего было выстаивать очередь с маленькой внучкой на руках в душном магазине (пустая коляска стояла на улице около магазина). Я помню, какое счастье мне довелось испытать, когда однажды обнаружила на Литейном проспекте открытое окно в столовой, откуда продавались остатки мяса проходим на улице, – не надо стоять в длинной очереди, подходи с коляской к окну и покупай. Сейчас трудно объяснить, как мы жили тогда, но забавно, что самые незначительные успехи от удачных покупок запоминались как моменты счастья на всю жизнь. Помню, в Вильнюсе мы с друзьями обнаружили в магазине туалетную бумагу, накупили большое количество рулонов, повесили их на шею в виде бус и гуляли, довольные и счастливые, по улицам. Сейчас, мне кажется, многие люди, жившие во времена Сталина, Хрущева и Брежнев, стали забывать, какова была тогда реальная жизнь. Конечно, современная молодежь даже не в состоянии представить, с чем нам приходилось сталкиваться – огромные многочасовые очереди с постоянным страхом: хватит – не хватит, когда достоимся... Мы не должны забывать, как все было, – надо писать и говорить об этом, чтобы эти времена не повторились.

После доклада Хрущева на XX съезде имя Сталина было на время как бы забыто – ни в газетах, ни по телевизору не произносилось. Но к середине семидесятых постепенно о нем начали вспоминать, и даже наши друзья-физики стали поговаривать: «А что, если народ так хочет поставить ему памятник, пускай ставит». Алеша яростно возражал: «Если у народа такая плохая память, то сталинские репрессии снова могут повториться в нашей стране».

К этому периоду относится следующий эпизод. Как-то раз мы с Алешей пригласили в гости Даниила Александровича Гранина с женой Риммой Михайловной. Между нами давно уже была взаимная симпатия, мы часто на даче заходили к ним, но пригласить к себе отважились впервые. Мы очень нервничали, думали, что приготовить, чем угощать. Я зажарила в духовке курицу, нарезала помидоры и огурцы в салат, купила торт в «Норде». Гости пришли вовремя. Конечно, гово-

рили о политике, беседа текла мирно, так как наши взгляды в основном совпадали. Курица и салат были благополучно съедены. Наступила очередь десерта. Вдруг раздался звонок – совершенно неожиданно пришел коллега Алеши, тоже физик, сотрудник из его отдела. Меня очень удивило его появление. Обычно он не приходил к нам в гости без приглашения. Я побежала в кухню за тортом, а когда возвращалась, услышала конец разговора:

– А что такого, если народ хочет поставить памятник Сталину? Я, например, не против – пусть ставят.

– Вы не против? Тогда это не к нам, – возразила Римма Михайловна нашему коллеге.

– Почему? Вы же не будете отрицать, что Сталин выиграл войну?

– Буду! Войну выиграл русский народ...

– Советский, – поправил жену Гранин.

– Сталин на банкете в честь Победы поднимал тост за русский народ. Слава богу, во время войны он не устраивал своих массовых репрессий, но, благодаря его трусливой политике, страна не была готова к войне.

– Может быть, в самом начале, но потом очень быстро...

– По-вашему, очень быстро... Молодой человек, что вы знаете о войне? – Римма Михайловна поднялась из-за стола, расправила широкие плечи. – Когда началась война, на Кировском заводе, где работал мой муж Доня, было создано народное ополчение. Доня тоже пошел в ополчение, но на заводе не было достаточно винтовок, и Доне дали в руки палку. Ему сказали: «Убьете немца, забирайте у него оружие». Чем убить? Палкой? Разве это не унижительно? В индустриальной стране... А кто виноват?

Наш коллега не нашел слов для возражения. Гранин тоже поднялся из-за стола. Римма Михайловна двинулась к дверям: «Доня, пойдем...» Алеша кинулся провожать уходящих гостей. Я услышала, как в коридоре Алеша извинялся за неприятный разговор. Он проводил гостей и вернулся за стол. Мы молча сидели втроем, на столе «стыл» недоеденный торт. Алеша налил водки, мы выпили. Настроение было ужасное. Я так и не поняла, как Алешин коллега узнал, что у нас будут Гранины, ведь специально пришел, чтобы «пощекотать» писателя.

В этот период застоя самые активные люди стали уезжать за рубеж, тем более что КГБ потихоньку выталкивал «этих активных», чтобы «не мучили воду». Им присылали вызовы из Израиля от существующих и несуществующих родственников. Те, кто не имел таких вызовов, искали невест и женихов, живущих за рубежом, вступали в браки, иногда

фиктивные. Наш знакомый Симон Маркиш, сын расстрелянного поэта Переца Маркиша, женился на Алешиной аспирантке Юлии Нири, венгерской гражданке, и уехал в Венгрию. Это был не фиктивный брак. Первое время он приезжал к нам в Советский Союз, рассказывал, как он полюбил Венгрию, как там хорошо, почти как на Западе, пересказывал содержание книг, которые ему удалось там прочесть: романы Оруэлла «Скотный двор» и «1984», Кестлера «Слепящая тьма» и т. д. Мы чувствовали себя пасынками судьбы, жадно слушали его и мечтали поехать в Венгрию, где можно было прочитать запрещенные у нас книги на русском. Но при всей любви к Венгрии Сима там задержался ненадолго: он, известный литератор и переводчик, был приглашен в Швейцарию, в Женевский университет, для чтения лекций, а затем ему предложили там постоянную работу. Он не вернулся в Венгрию. Для его жены Юлии этот поступок был полной неожиданностью. Хотя Сима звал ее в Швейцарию, она так и не уехала из родной Венгрии. Сима женился в Женеве второй раз, и снова на венгерке. А Юля через некоторое время вышла замуж за выдающегося российского физика Владимира Грибова, директора Теоретического отдела, Алешиного руководителя. Грибов получил работу в Москве и переехал туда.

Наш близкий друг Жора Бен, переводчик с английского, поэт, литератор, уехал в Израиль, чтобы оттуда попутешествовать, посмотреть мир и устроиться на хорошую работу. Отец Жоры когда-то, перед началом революции в России, уехал в США с тремя друзьями, чтобы устроить там революцию, но, когда узнал, что в России началась революция, вернулся домой строить социализм. При этом он из Бендецкого превратился в Бена, но революцию в Америке не организовал, а как известно, с социализмом тоже получилась незадача. Жора ругал отца за то, что тот не остался в Америке. Сам Жора не смог приладиться к Израилю, так как бюрократическая машина Израиля против бюрократической машины Советского Союза, по его словам, была «как собака Баскервилей против Моськи». Жора перебрался в Германию, но и там его не устроила немецкая педантичность и упорядоченность, наконец, переехал в Лондон, нашел работу диктора на Би-би-си и вроде успокоился. Когда Алеша приехал в Париж, он позвонил Жоре в Лондон и объяснил, где он остановился. Наутро, к своему огромному удивлению, увидел Жору, который, высунувшись из окна отеля напротив, радостно махал руками. Жора за одну ночь получил на работе отпуск на несколько дней, купил билет на самолет, прилетел в Париж, устроился в отеле напротив и снял машину, на которой они вдвоем объехали часть Франции. То же самое повторилось, когда Алеша приехал в Италию. При встрече Але-

ша почувствовал, как Жора истосковался по своим российским друзьям. После перестройки, когда открылись границы, Жора часто приезжал в Петербург, и умер он в своем городе, «знакомом до слез». Его пригласили выступить перед русскими литераторами, но, увы, долгожданное выступление не состоялось.

Уехал со всей семьей близкий приятель Алеши Феликс Ярошевский. Уезжали Ярошевские в Израиль, но потом быстро перебрались в Канаду, в Торонто. Феликс сдал необходимые экзамены и стал врачом-психиатром. Мы навещали их несколько раз в Торонто. Уехал в Америку физик Рудик Казаринов с женой Наташей, моей подругой. Все время ходили слухи: тот уехал, этот уехал. Круг близких людей сужался на глазах, тревожное ощущение, что мы остаемся одни, не покидало нас.

Некоторые наши друзья становились диссидентами. Однажды у нас в доме появился физик Юрий Орлов. Алеша с ним познакомился в Ереване, когда Орлов участвовал в строительстве армянского ускорителя. Он сообщил нам, что бросил физику и начал заниматься политикой. Потом до нас дошли слухи, что он стал правозащитником и организатором Московской хельсинской группы. В 1976 году он был арестован, просидел до 1984 года, затем его обменяли на советского разведчика Г. Захарова и отпустили в Америку, где он был принят в Корнеллский университет. В девяностых годах он приезжал к нам как профессор этого университета с молодой американской женой. Жена, утомленная осмотром Эрмитажа, задремала на диване, и мы смогли спокойно поговорить по-русски. Орлов был доволен американской жизнью, но продолжал заниматься из Америки правозащитной деятельностью.

Конечно, Алешу не устраивала та ситуация, которая существовала в СССР: ему трудно было смириться со своей вынужденной пассивностью, но у него не было желания становиться диссидентом, сидеть в тюрьме или уезжать из страны. Он любил свою профессию, любил физику, свой институт, город Ленинград, друзей.

Особенное восхищение вызывал у Алеши академик Андрей Дмитриевич Сахаров. О его научной деятельности как физика мы ничего не знали: она была засекречена, но общественная деятельность оставалась на виду. В 1968 году за рубежом появилось его письмо-манифест об опасности термоядерного уничтожения человечества. Когда приятель А. Д. Яков Борисович Зельдович (Я. Б.) узнал об этом письме, он воскликнул: «Андрей Дмитриевич – человек непредсказуемый, я уверен, что он получит в конце концов Нобелевскую премию». Так и случилось – в 1975 году Сахаров получил Нобелевскую премию мира.

В 1984 году у нас в гостях был Я. Б. со своей второй женой. Сахаров еще находился в Горьком. Доходили слухи о его голодовке. Голодовка длилась долго, и А. Д. получал принудительное кормление. Алеша расспрашивал знакомых физиков, но никто ничего не знал, в каком состоянии Сахаров. Алеша надеялся, что Я. Б. знает, что происходит с ним. Они вместе работали в городе Сарове и были друзьями. Но, к сожалению, Зельдович тоже ничего не мог сообщить нам, так как он поссорился с А. Д. Сахаров обратился к Зельдовичу с просьбой, чтобы тот посодействовал отправке за границу Алексеевой, которую ждал в Америке сын Боннер. Из-за нее А. Д. в 1981 году объявил голодовку. Я. Б. самого не пускали за границу, поэтому он не мог, не имея никаких связей, помочь Сахарову в этом деле. Сахаров обиделся на Зельдовича и прекратил с ним все контакты. Из разговора с Я. Б. мы поняли, что он не одобрял эту голодовку.

Жена Зельдовича рассказала нам удивительную историю: она тоже работала в Сарове и из окна наблюдала, как Я. Б. и А. Д. идут в институт на работу. Несколько дней назад грузовик привез землю для клумбы и высыпал ее прямо перед входом в институт. Долгое время земля горкой лежала перед дверью, и никто не спешил делать клумбу. И вот А. Д., идя на работу, шагал прямо по этой земле в институт, хотя смотрел вниз, под ноги. А Я. Б., разговаривая с Сахаровым и глядя на него, ловко обегал эту кучу. «И вот представьте, – в заключение сказала жена Зельдовича, – через некоторое время Сахаров протоптал на этой „клумбе“ дорожку». Алеша от этого рассказа был в восторге: «Сахаров проложил свой путь! Замечательно! Просто библейская притча!» Из всех физиков Алеша выделял Сахарова и преклонялся перед его смелостью и упорством. Даже наша маленькая дочь, когда ей было десять лет, заметила это и спросила Алешу: «Папа, почему ты так относишься к Сахарову? Он ведь создал водородную бомбу». На что Алеша ответил: «Водородную бомбу создал не только он, но и другие ученые, но он первый и единственный из советских физиков выступил против испытания этой бомбы».

Мы с Алешей встретили А. Д. после его возвращения из ссылки на конференции в Грузии. Сахаров приехал в Тбилиси помолодевший, жизнерадостный, энергичный. Алеша сразу кинулся к нему. В этот период Сахарову предложили возглавить какой-то комитет (название не помню). А. Д. раздумывал и стал советоваться с Алешей, надо ли соглашаться на это предложение. На что Алеша заявил: «Неприменно соглашайтесь – вы очень популярны в стране, и лучшей кандидатуры не найти».

В те годы Алеша больше всего боялся провинциальности, замкнутости в узком кругу профессионалов, настаивал: теоретическая физика – наука интернациональная, она не содержит никаких военных секретов и должна объединять ученых всех стран: «Теоретики всех стран, объединяйтесь!» Он старался всеми доступными способами расширить связи с зарубежными учеными. Поскольку в семидесятые годы его, как и других беспартийных физиков, не выпускали за границу, он стал приглашать в Теоретический отдел физиков из США, Англии, Германии, которые считали своей миссией устанавливать контакты с оторванными от мира науки советскими физиками, общаться с ними и самим учиться у них. Так мы познакомились с такими учеными, как Дж. Д. Бьёркен, Майрон Бендер, Йохен Бартелс, Эллиот Лидер, Альфред Мюллер, Генри Абарбанель, Ларри Макларен и др. Алеша, когда стал заведующим Теоретическим отделом, а затем директором института, приветствовал их появление и много сделал для расширения международных контактов Института ядерной физики. Мы обычно приглашали приехавших физиков-иностранцев домой в гости, поили, кормили тем, что удавалось с трудом достать. В те годы почти все люди жили скудно, мы были в их числе. С этими учеными мы стали друзьями на долгое время.

Не могу не рассказать о Гатчинской школе при филиале Физико-технического института (впоследствии ЛИЯФ), которую в конце шестидесятых годов организовал профессор Л. А. Слив. Примерно с 1980 года большое внимание разработке научной программы Школы уделял Алеша. В годы перестройки, когда забрезжила свобода, он смог приглашать западных физиков – Школа стала международной.

Школа работала две недели зимой или ранней весной в каком-либо доме отдыха, расположенном в одном из живописных пригородов Ленинграда. Туда стремились попасть не только молодые сотрудники ЛИЯФ, но и специалисты-физики из других регионов страны. Для чтения лекций приглашались известные ученые как из ЛИЯФ, так и из научных институтов Москвы, Новосибирска, Киева. Лектором мог быть и аспирант, и профессор, и академик; контроль посещаемости лекций отсутствовал. Расширению знаний, рождению новых, креативных идей, безусловно, способствовали вечерние теоретические семинары, продолжавшиеся иногда до ночи, на которых теоретики встречались с экспериментаторами. Запомнились, например, «липатники», которыми руководил академик Л. Н. Липатов; начинались эти семинары около двух часов ночи и заканчивались около шести утра.

В свободное время можно было покататься на лыжах. А по вечерам проходили незабываемые встречи физиков с лириками. В памя-

ти остались выступления режиссера Г. А. Товстоногова, драматурга А. М. Володина, историка И. М. Дьяконова. Увлекательно рассказывала о замалчиваемых художниках – П. Филонове, Е. Михнове-Войтенко, А. Звереве и других – блестящий экскурсовод Эрмитажа Н. А. Лифшиц. Показывал свои запрещенные фильмы А. Сокуров, организовывались выставки непризнанных художников. Читал стихи И. Бродского С. Юрский, исполняли свои песни Е. Бачурин, Б. Окуджава, В. Высоцкий – барды, которым не разрешалось петь в официальных аудиториях. Часто после встреч и выступающие, и слушатели, человек тридцать-сорок, собравшись в двухместном номере, не хотели расходиться до утра – задавали всевозможные вопросы, дискутировали, высказывая свое мнение без каких-либо ограничений. В Школе царила творческая атмосфера, свобода и благожелательность. Это был двухнедельный праздник науки и культуры, который навсегда остался в памяти участников.

В конце семидесятых годов Алеше разрешили купить машину. Он стоял в своем институте несколько лет в очереди на покупку машины и достоялся наконец. Мы заняли у Алешиных родителей недостающую половину денег и купили ВАЗ-2106, или «жигули-шестерку». Я пошла учиться в школу водителей и сдала экзамены по вождению. Алеша тоже решил научиться водить машину. Он сел за руль, посадил меня рядом на место инструктора – теперь я должна была учить его. Мы катались по Ленинграду в белые ночи. Алеша часто нажимал на тормоз, раскачивался то вправо, то влево, как это делают велосипедисты, для того, чтобы удержать равновесие, и не очень слушался моих советов. Тогда в полупустом городе машин было мало, но так как я еще не имела достаточного опыта, то пережила нервный шок. Надо отдать Алеше должное – он в конце концов научился хорошо водить. Мы ездили на своей машине в отпуск с нашими друзьями в Литву, Эстонию, Крым.

Друзья у нас были замечательные, мы убедились в этом, когда однажды украли нашу машину. Тогда не было проблем с парковкой, и мы ставили ее около дома. Никаких замков и запоров на автомобиле не было. Однажды Алеша пошел, как обычно утром, на работу и, взволнованный, быстро вернулся домой: он обнаружил, что нашей машины нет на обычном месте. Мы помчались в милицию сообщить, что у нас увели машину. По скучающему виду милиционеров было понятно: они не собираются ничего искать, и мы решили сами заняться поисками. Попросили нашего приятеля на его машине покататься с нами по городу. Конечно, ничего не нашли и отправились к знакомой, которая работала в милиции. Когда мы подъехали к ее дому, то прямо у дома, на улице Рубинштейна, увидели нашу машину. Это было необыкновен-

ное чудо! Автомобиль был почти в порядке, если не считать разбитого бокового стекла, вырванных проводов, ведущих к ключу зажигания, и пустого бензобака. В таком виде его нельзя было оставлять на улице, а гаража у нас не было. На помощь опять пришли друзья: Гаррик Грикуров, одноклассник Алеши, уступил нам свой гараж и помог отвезти туда машину, ювелир-умелец Борис Сандлер вырезал из плексигласа боковое стекло, вставил его на место и заменил вырванные провода. Вскоре уже можно было пользоваться нашим автомобилем, мы купили на руль замок и по-прежнему ставили его около дома.

В самом начале восьмидесятых в нашей семье произошли существенные перемены: дочь Ирина, студентка Ленинградского педиатрического института, вышла замуж за студента Ленинградского технологического института Дмитрия Левита. Через год, 2 января 1983 года, у них появилась дочка Анечка. Когда ученик Алеши Коля Уральцев привез из роддома Иру и нашу внучку, у Анечки на груди зеленкой была выведена огромная цифра один – по-видимому, это означало, что она первая в 1983 году появилась на свет в этом роддоме. У Иры было мало молока, и приходилось бегать с бутылочками на другую улицу к кормящей матери, у которой после кормления ребенка оставались излишки. Теперь уже можно было носить ребенка на руках, прижимать к груди, кормить, когда ребенок был голоден, и делать все, что не разрешалось раньше. Анечка росла веселым, счастливым ребенком, и ухаживать за ней было легко и радостно. Алеша в этом процессе принимал активное участие, бегал по вечерам с бутылочками за молоком. Когда Анечка подросла, любил купать ее, за что Анечка назвала его «самым лучшим в мире вытиральщиком», укладывал внучку спать и рассказывал сказки, вернее одну длинную, придуманную им эпопею приключений из жизни Кая и Герды, где Каем был он сам, а Гердой – Анечка. Другими участниками были: медведь Балу, волк Акела, пантера Багира, несколько бабуинов, Питоша, капитан Немо и т. д. Я тоже участвовала в эпопее, но под своим именем. Однажды Алеша подозвал меня и спросил: «А ты знаешь, что выкинула наша бабушка Мила? Она бросила нас с Гердой, вышла замуж за капитана Немо и уплыла с ним на подводной лодке». Как он узнал, что в школе я была влюблена в капитана Немо?

«Папа очень любил мою дочь Аню, свою внучку, и проводил с ней много времени, пока мы еще жили в России. Я думаю, что и на нее он повлиял, на всю ее оставшуюся жизнь. Говорят, что человек жив, пока живы те, кто его помнят. Память о папе жива во мне, моей маме и моей дочке. Я знаю, что в мире есть много людей, папиных друзей и учеников, которые его помнят и любят. Их участие и письма служат

доказательством, что его жизнь не прошла бесследно, но оставила след в жизни многих и многих людей» (из воспоминаний Ирины Ансельм).

В застойные времена, в начале восьмидесятых, нам посчастливилось познакомиться и подружиться с Фазилем Искандером и Бенедиктом Сарновым. Приятель Алеши, физик Валентин Петрухин, пригласил нас провести отпуск в Гульрипше, недалеко от Сухуми, вместе с ним и его женой Ольгой Принцевой. В этом поселке, на берегу Черного моря, был дом отдыха членов Союза писателей, где Фазиль и Бен Сарнов отдыхали. Рядом стояли дачи Е. Евтушенко и грузинских писателей. Фазиль был абхазцем, но, поскольку он писал на русском языке, в правительстве Абхазии его не считали абхазским писателем и отказали в получении участка на берегу моря.

Бенедикт Сарнов, или просто Бен, был известным литератором – писателем и литературным критиком. Мы читали его критические статьи в «Новом мире». Конечно, главные его работы были еще впереди: он прославился своим четырехтомным трудом «Сталин и писатели». Но в то время эти книги еще не были напечатаны, Бен собирал для них материал. Он учился на одном курсе с Коржавиным в московском Литературном институте, звал Коржавина Эмкой и всегда говорил о нем с любовью. Коржавин в это время уже находился в Америке. Жена Бена утверждала: «Бен любил двух людей: меня и Эмку». Бен не возражал ей. Мы спрашивали Бена, как Коржавину живется в Америке. Бен его жалел, говорил, что Эмка жалуется на притеснения со стороны Романа Якобсона (русский и американский лингвист, литературовед, критик). Я познакомилась с Наумом Коржавиным в 2000 году, когда переехала жить в Бостон. Он плохо видел, но был полон энергии и интереса к переменам в России. Наум так и не прижился в Америке. Он не знал английского, общался в основном с русскими эмигрантами и продолжал писать стихи на русском языке.

То свет, то тень,
То ночь в моем окне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.

Когда умерла жена Наума Люба, он переехал к дочери в другой штат, и я потеряла с ним связь.

Возвращаюсь к Фазилю. Фазиль был человеком необыкновенной правдивости. Когда ему задавали даже самый простой вопрос, он не от-

вечал сразу, а погружался в размышление. Было видно, что он в уме перебирает мысли и слова, подыскивая самый понятный и точный ответ. Фазиль часто приезжал в Ленинград, выступал в Доме писателей, в домах культуры, а после выступлений обычно заходил к нам домой. В тот отпуск в Гульрипше Фазиль пригласил нас всех к своим друзьям, которые отмечали девяносто лет со дня рождения их отца, расстрелянного в тридцатые годы по приказу Сталина. Друзья жили высоко в горах Абхазии. Народу было человек сто – вся округа и некоторые видные представители из Сухуми. Алеша сомневался, можем ли мы присутствовать без приглашения на чужом празднике, но Фазиль успокоил его, объяснив, что здесь так принято. И действительно мы оказались самыми почетными гостями, поскольку приехали сюда из Москвы и Ленинграда. Еда была традиционная, абхазская. Чтобы приготовить мясное блюдо, друзья Фазиля закололи пять быков (хвосты от быков лежали тут же, под забором), а еще была мамалыга, хлеб из кукурузы и что-то на сладкое, тоже из кукурузы. Мы с любопытством наблюдали за незнакомыми традициями Абхазии: сыновья показали нам могилу расстрелянного отца, которая была тут же на участке, рядом с домом. Отца в могиле не было – стоял только памятник с его именем и датами рождения и смерти. Сыновьям каким-то образом удалось узнать, когда отец был расстрелян.

Конечно, самым замечательным и интересным временем для всех нас было время перестройки. Забрестило что-то новое, пахло ветром свободы, у нас возникли надежды на перемены. Мы не знали, что нас ждет, но дальше так жить было невозможно. В продаже появились запрещенные книги, прогрессивный журнал «Огонек» под редакцией Коротича стал очень популярным. После посещения нескольких европейских стран в 1986 году Алеша написал статью под названием «Запад есть запад, восток есть восток?» о своем видении Запада. Статья в 1989 году была напечатана в журнале «Нева». Разрешили с Запада привозить запрещенные книги. Алеша воспользовался этим правом и в Лондоне, в издательстве «Посев», купил несколько интересующих его книг: А. Авторханова «Загадка смерти Сталина», Р. Конквеста «Большой террор», Б. Пастернака «Доктор Живаго» и др. На границе с этими книгами Алешу задержал пограничник, который был еще не в курсе новых постановлений. Он повел его в кабинет своего кагэбэшного начальника. Кабинет находился на вокзале. Алеша выложил перед начальником все книги, тот уже знал о разрешении и пожурил пограничника за излишнее рвение. Теперь «Архипелаг ГУЛАГ» можно было читать не по ночам. Каналы телевидения днем и ночью показывали новые программы:

«Пятое колесо», «Взгляд», «600 секунд», интервью с интересными людьми и др. Не хотелось отрываться от телевизора, выходить из дома, но много интересного было в других местах: в домах писателей, ученых, в домах искусств.

Постепенно мы начали чувствовать существенные перемены в обществе и в стране. Алеша решил принять участие в этих переменах. У него появилась идея организовать гражданское общество, которое могло бы влиять на правительство. Алеша написал письмо в Ленинградское отделение Советского фонда культуры народному художнику СССР А. А. Мыльникову. В письме он просил поддержки в учреждении при Ленинградском отделении Советского фонда культуры Академии наук и искусств (ЛАНИ): *«Предполагается, что ЛАНИ будет общественной организацией... Цель образования ЛАНИ состоит в том, чтобы создать условия для всестороннего обсуждения широкого круга проблем и координации совместных действий ученых и деятелей искусств, озабоченных общими проблемами, которые ставит перед наукой и искусством современность»*. Алеша начал собирать подписи предполагаемых членов для организации этого общества.

Многие известные люди поставили свои подписи, но открывшиеся после перестройки новые возможности отвлекли Алешу. Железный занавес рухнул, и теперь стало легче посещать другие страны для работы с иностранными учеными. Алеша ждал этого момента пятнадцать лет и, конечно, не мог не воспользоваться открывшимися перед ним возможностями. В течение короткого времени в стране произошли большие перемены: Советский Союз распался, в России президентом был выбран Ельцин. Постепенно необходимость в организации ЛАНИ, в связи с этими переменами, отпала.

13 марта 1988 года в газете «Советская Россия» появляется статья Нины Андреевой, преподавателя Ленинградского технологического института, под названием «Не могу поступаться принципами». Сразу в газете «Россия» и других газетах печатаются одобрительные письма и статьи в поддержку Андреевой. Становится страшно. Неужели все вернется назад? Страшно еще и потому, что наши прогрессивные СМИ помалкивают. Алеша со своим ближайшим другом Евгением Александровым живо реагируют на письмо Андреевой и посылают в газету «Правда» критическое письмо, направленное против высказываний Андреевой. Заодно они посылают копию своего письма Александру Яковлеву, главному архитектору перестройки. Их письмо в «Правде» не было напечатано, но они получили недовольное и обиженное письмо от редактора «Правды» Афанасьева. По его реакции поняли,

что письмо он и Яковлев получили. По-видимому, Афанасьеву попало от Яковлева. Через несколько дней в «Правде» появилась замечательная статья А. Яковлева, который ясно и четко разъяснил всем, что курс на перестройку сохраняется и никто от него не намерен отступать.

В августе 1988 года я решила, что наконец наступило время, когда мы можем выяснить судьбу моего деда-священника, и сообщила маме, что намерена этим заняться. Деда арестовали в 1937 году, и больше его не видели. Мне посоветовали обратиться в специальную комнату при Генеральном штабе на Дворцовой площади. Офицер, который занимался реабилитацией осужденных во времена сталинского террора, посоветовал обратиться в суд по месту ареста моего деда. Мы с Алешей пишем письмо в калужский суд с просьбой рассказать о судьбе Александра Ивановича Покровского. На письмо нет ответа. Мы пишем второе письмо, уже не с просьбой, а с требованием и угрозами. Алеша ясно формулирует наши требования и предупреждает: будем жаловаться. Наконец получаем бумажку от 2 августа 1988 года: *«Дело прекращено за отсутствием состава преступления»*. Вроде все в порядке – успокойтесь... Но мы продолжаем настаивать: нужна дата смерти, приговор, место захоронения и реабилитация деда. Нам присылают свидетельство о смерти: *«Покровский А. И. умер 13 октября 1937 года»*. Не расстрелян, а умер... Мы знаем: там не умирают. Алеша упорно повторяет в новом письме: нам нужна правда о смерти нашего родственника. Только благодаря настойчивости Алеши мы смогли в конце концов получить сведения о судьбе деда. Когда мы совсем потеряли надежду, приходит письмо – меня вызывают в Большой дом на Литейном проспекте. Со страхом и трепетом подхожу к Дому в назначенное время. Никогда не была здесь раньше. Тяжелые, высокие двери с бронзовыми ручками в стиле «сталинского барокко», на гранитном крыльце дата постройки здания, выложенная огромными красными цифрами, – 1938 год. Меня встречает дежурный и провожает в кабинет. Там меня ждет офицер КГБ. Он раскрывает дело моего деда и читает: *«Обвинительное заключение по обвинению Покровского Александра Ивановича. Слушали: Покровский А. И. обвиняется в том, что систематически проводил контрреволюционную деятельность против советской власти. Постановили: расстрелять. 13 октября 1937 года приговор приведен в исполнение»*. Я протягиваю руку, чтобы получить документ, но офицер быстро прячет бумагу в папку: «Не положено».

Позднее мой двоюродный брат в Москве получил полное досье уголовного дела и документ, в котором было вписано слово «реабилити-

тация» и даже подчеркнуто. Нас поразили обвинения, предъявленные деду. Создавалось впечатление, что колхозники для обвинений приписывали ему свои мысли и переживания: *«Он сказал, что заем выпущен на добровольных началах, уговаривал не подписывать, говорил, что завтра воскресный день, приходите в церковь, что мы раньше работали без стахановских методов и имели хлеб, а сейчас мы почти голодные»*. Перед нами возникла скучная, рутинная картина ненужных допросов никому не известного, незаметного сельского священника. Надо отметить, что дед не признал ни одного обвинения, но, по-видимому, следователям это было неважно.

Алеша под впечатлением от досье написал статью, которая была напечатана в журнале «Звезда», в номере семь за 1996 год: *«Вот в этом и состоит весь ужас... Много уже написано о процессах тридцать седьмого года, но чаще писалось о людях знаменитых, а тут – никому не известный сельский священник. Но ведь этих ничем не remarkable сельских жителей было большинство. Они ушли безмолвно, кажется, что даже покорно...»*

Когда офицер КГБ прочитал бумагу о расстреле деда, я не смогла сдерживать слез. Офицер начал утешать меня: «Вашего деда расстреляли 13 октября, а арестован он был 29 сентября – все это длилось всего две недели. Это же совсем недолго. Я думаю, его даже не пытали – не успели».

В девяностых годах события в стране начинают развиваться так быстро, что мы едва успеваем следить за всем, что происходит. В июне 1991 года наша дочь Ирина и внучка Анечка улетели в Америку, в Бостон, по приглашению отца Анечки Димы Левита. Мы остались с Алешей вдвоем. Когда в Иркутске умер мой отец, я привезла оттуда в Ленинград маму.

18 августа 1991 года. Я включаю телевизор – показывают «Лебединое озеро». Никаких объявлений и объяснений, просто – «Лебединое озеро», музыка Чайковского Петра Ильича. Мы с Алешей бежим к радиоприемнику, настраиваем на волну Би-би-си. Знакомый голос нашего приятеля, сотрудника Би-би-си, Жоры Бена объявляет: «Сегодня в России произошел переворот». Что-то немножко добавляет про танки на улицах Москвы, а потом начинает вести запланированную заранее передачу про каких-то собачек. Мы злимся на Жорку: при чем тут собачки, если у нас в стране переворот! Мы понимаем – у них, на Би-би-си, тоже ничего толком не знают о случившемся. От этого становится еще более тошно. Звонят знакомые, чтобы узнать, в чем дело. День пасмурный. Переворот или не переворот, а кушать надо. В магазине за продук-

тами очередь. Мимо стоящих в очереди молчащих, унылых людей бродит довольный алкаш: «Ну мы вам, интеллигентам и всяким разным демократам, теперь покажем». Он уже в курсе. К концу дня появляются какие-то намеки на случившееся. Кто-то слушал «Эхо Москвы». Горбачев в отпуске, в Крыму. Наверное, он ничего не знает, что происходит. На другой день нам из Москвы звонит Володя фон Шлиппе. Он прилетел в Москву на конгресс соотечественников. Володя из окна гостиницы видит танки на улице и по телефону сообщает нам их количество. В конце концов телеведущий Сергей Медведев проясняет положение. Мы наконец начинаем что-то понимать. Выходим на улицу. На Исаакиевской площади собираются студенты, готовые защищать город. Лица серьезные, решительные. Почти у всех на головах повязаны ленточки. Вечер солнечный, приятный. Не верится, что в эту минуту на наш город движутся танки.

Все довольно быстро разрешается. В памяти остались незабываемые картины: выступление Собчака на Дворцовой площади в Ленинграде, Ельцин на танке, Горбачева привозят в Москву, он неохотно спускается по трапу, за ним медленно следует Раиса Максимовна, закутанная в шаль.

В 1991 году мэр города Анатолий Собчак предлагает поменять название города Ленинград на Санкт-Петербург, мы голосуем за его предложение. В этом же году СССР разваливается, Горбачев уходит с президентского поста, президентом России становится Ельцин. Развал СССР был предопределен, это висело в воздухе. Мы чувствовали: республики не удержать – и были рады, что это происходит более или менее мирным путем, но, конечно, не представляли тогда, сколько испытаний еще ждет наш народ от этих перемен.

В 1992 году Алешу уговорили принять должность директора Петербургского института ядерной физики, и все его внимание и время переключилось на директорство. Это было довольно тяжелое время для науки и ученых. Многие институты в поисках выхода из кризисного состояния разваливались на отдельные учреждения, сдавали помещения различным торговым предприятиям или под склады, что меняло структуру институтов. Такое деление грозило и ПИЯФ, но Алеша, будучи директором, сумел удержать институт от развала.

Для поддержки ученых Теоретического отдела ПИЯФ из Германии приехал некий физик-теоретик. У него на груди было спрятано пятьсот долларов крупными купюрами, которые он передал Алеше. Перед Алешей встал вопрос, как разменять эти деньги, чтобы раздать их сотрудникам Теоретического отдела. Кто-то посоветовал ему обратиться

к бизнесмену Андрею Берлину и дал телефон. Созвонившись с этим бизнесменом, Алеша отправил меня к Берлину разменять эти деньги.

Я помню странное помещение с дверями, обитыми толстыми листами железа. Нажимаю звонок. Жду... Кто-то подходит с той стороны к дверям и довольно долго смотрит в глазок. Я объясняю цель своего прихода. Слышен лязг железа, тяжелая дверь со скрипом открывается. Меня пропускают и посылают на два этажа выше. Захожу в комнату. В комнате за столом, вальяжно развалившись в кресле, сидит мужчина. То и дело входят посетители кавказской внешности с чемоданами. Они молча передают эти чемоданы человеку, сидящему в кресле. Человек берет чемоданы и прячет их под стол. Я спрашиваю Андрея Берлина. В ответ слышу: «Я за него». Настойчиво повторяю: «Мне нужен сам Берлин». – «Ну я Берлин». – «Вы обещали разменять мои деньги». – «Обещал». Мой взгляд падает на пистолет, лежащий на столе. «Газовый?» – спрашиваю я. «Обижаешь, настоящий». Андрей берет со стола пистолет и целится в меня. Мне это не нравится: «Давайте ближе к делу». Отвернувшись от Берлина, я достаю из бюстгальтера пятьсот долларов. Андрей кладет пистолет на стол, не вставая с кресла, подъезжает к сейфу, открывает сейф и достает мелкие деньги для размена. Я получаю точную сумму мелкими долларами и быстро спускаюсь по лестнице под напряженными взглядами мужчин, охраняющих двери. На улице я чувствую себя более уверенно, хотя у меня в сумке пятьсот долларов, большие по тем временам деньги. Сумку держу под мышкой, крепко прижимаю ее к себе и наматываю ремень от сумки на руку. Иду, оглядываясь на поворотах, чтобы отбросить «хвост», если за мной кто-нибудь следует. Вроде никого нет. Я прибавляю шаг.

Алеша благополучно раздает деньги сотрудникам отдела. Можно сказать, операция завершена успешно. Но это еще не конец истории. Через два дня я узнаю по телевизору, что А. Берлин исчез – его похитили – и милиция города Петербурга не знает, где он находится. Через несколько дней он появляется из какого-то подвала, где его, приковав к батарее, держали неизвестные похитители, и, не сказав ни единого слова, уезжает в Германию.

1993 год. Алешу пригласили на месяц в Америку, в город Миннеаполис, где при университете работала группа известных советских физиков, переехавших в Штаты из Москвы и Новосибирска. Конечно, мы решили воспользоваться этой командировкой, чтобы навестить нашу дочь Иру и внучку Анечку, которые поселились в Бостоне. Ира сдала экзамены на врача и поступила в резидентуру, Анечка училась в школе и прекрасно говорила по-английски. Обратный билет в Петербург у нас

был на 5 октября. В Америке мы редко смотрели последние известия и не представляли, какие события разворачиваются в России. Каково же было наше удивление, когда по американскому телевизору мы увидели стрельбу на улицах Москвы. Алеша позвонил друзьям в Петербург, те сообщили, что сами ничего не знают. Мы были в полном замешательстве, не понимая, что делать: лететь ли в Россию или оставаться в Америке. Наутро мы с облегчением узнали, что восставшие в российском Белом доме сдались президенту Ельцину.

Позднее я написала пьесу, в которой отразила октябрьский путч и наши волнения, с ним связанные. В пьесе под названием «В Москву, в Москву» актеры театра из Петербурга закончили свои гастроли по Америке и 5 октября должны лететь в Россию. Они наблюдают по телевизору события в Москве, и у них возникают такие же сомнения и переживания, какие были у нас.

Новое время подарило нам много приятных и неприятных встреч. В отличие от китайцев, нам было интересно жить в эпоху перемен. В Доме писателей мы с Алешей были на встрече с А. Д. Синявским и его женой М. В. Розановой. Синявский сказал несколько слов, а потом величественно замолчал. Говорила только его жена: «Что вы все кагэбэ да кагэбэ, – обращалась она к притихшему залу, – что вы их боитесь? Там тоже люди». Потом она сменила тему: может ли быть демократия в России. «Ну, – сказала Розанова, всплеснув ручками, – после того, как вы стреляли в парламент, я уж не знаю, что вам посоветовать». Хотя никто ее совета не спрашивал. В зале стояла напряженная тишина. Хотелось спросить Синявского: «Почему Даниэль отсидел весь срок, а вы вышли досрочно?», но никто не решился, так как Розанова все время отвечала за Синявского, находясь, по ее словам, в своем обычном состоянии «собаки Синявского», и могла облаять задавшего неудобный вопрос. Мы тогда еще не знали, что они оба в 1996 году голосовали за Зюганова, хотели, чтобы коммунисты вернулись и снова управляли страной. Как утверждала Розанова, под неусыпным оком Запада коммунисты стали бы другими, «шелковыми». В ее поучительных словах явно чувствовалось превосходство парижанки над совками, только что выбравшимися из трясины коммунизма и не знающими, что их ждет впереди. Она все знала лучше всех.

1996 год – выборы президента. В Доме ученых выступает А. И. Солженицын, приехавший из Москвы. Коммунистическое прошлое еще помнится хорошо и доставляет всем немало беспокойств. Кто-то из зала спрашивает: «Александр Исаевич, за кого вы посоветуете нам голосовать? Скоро выборы». – «Ни за кого», – слышим ответ. Из зала заме-

чают: «Но тогда на выборах победят коммунисты!» На это замечание Солженицын ничего не отвечает. Мы проголосовали за Ельцина.

Благодаря дружелюбному и общительному характеру Алеши наш дом всегда был полон гостей. Сначала в числе Алешиных друзей были физики из Теоретического отдела, потом появились писатели, поэты, другие ученые, в том числе и иностранные.

Особенно Алеша ценил дружбу с академиком Евгением Борисовичем Александровым, с которым был знаком с детства, но потом на долгое время их пути разошлись. Случайно встретившись на конференции примерно в семидесятых годах, они разговорились. Алеша немедленно пригласил Евгения в гости, мы познакомились с его женой Галей, и с этих пор дружба Алеши и Александрова продолжилась. Теперь мы дружили семьями и часто проводили время вместе.

У Александра Полякова Алеша был оппонентом докторской диссертации. Алеша всегда восхищался работами Полякова и высоко ценил его талант физика.

Дмитрий Дьяконов был учеником Алеши, он написал подробную статью о его заслугах в физике, подчеркнув значение Алешиной первой и, может быть, наиболее важной работы. Будучи совсем молодым ученым, Алеша, пользуясь частной моделью, открыл явление, которое позже получило название асимптотической свободы электрона. Через пятнадцать лет это явление было открыто вновь западными физиками. Асимптотическая свобода сегодня – это краеугольный камень квантовой теории поля и Стандартной модели. Статья Дьяконова помещена в этой книге.

Ближе всех Алеше был Саша Кушнер. Лена Невзглядова, жена Саши и давняя приятельница Алеши, предложила провести отпуск вместе и пригласила нас в Пицунду. Это была хорошая идея. В Пицунде мы никогда не были и давно хотели познакомиться с Сашей. Мы не знали, как сложатся наши отношения, и немного волновались, как встретимся, понравимся ли друг другу, но с первой же минуты между Алешей и Сашей возникла взаимная симпатия, которая со временем только укреплялась и перешла в крепкую дружбу.

Лена с Сашей жили на берегу моря в Доме писателей, а мы как дикари сняли комнату в поселке недалеко от них. Встречались мы каждый день на берегу, а по вечерам гуляли вместе по набережной. В Саше была притягательная трогательность и теплота к тем, кто ему нравился. Очень быстро Алеша с Сашей выяснили, что учились в одной школе, но в разных классах: Саша на два года младше Алеши. Перебивая друг друга, они вспоминали учителя истории, Дмитрия Борисовича Ганд-

мана (Д. Б. Г.), который своими садистскими приемами преподавания оставил глубокий след в их памяти. Этот учитель особенно не любил Алешу, часто вызывал его к доске, ставил низкие отметки и почти каждый раз с некоторой обидой в голосе укорял: «Мой папа не профессор!» Запомнились и любимые выражения Д. Б. Г.: «У вас кулацкая психология!» – в молодости он боролся с кулаками и, по-видимому, получил травму, так как ходил прихрамывая; «Мы живем под солнцем сталинской конституции!» – кричал он с чувством, подкрепляя каждое слово ударом указки по парте. Особенный ужас охватывал учеников, когда Д. Б. Г., задав всему классу трудный вопрос, приговаривал: «На этот вопрос мне ответит... вот кто!» – и его палец начинал медленно ползти по странице классного журнала. Класс замирал.

Взгляды Алеши и Саши на поэзию не всегда совпадали, и они много спорили о Маяковском, Есенине, Марине Цветаевой. Конечно, Саша в поэзии был главным авторитетом, но Алеше не хотелось расставаться со своим увлечением ранним Маяковским, он не соглашался с Сашей и упорно спорил. В свою очередь Алеша старался объяснить Саше физические проблемы. Саша слушал внимательно: «Нельзя науке задавать бессмысленных вопросов, иначе не получишь верный ответ». Алеша любил объяснять друзьям-лирикам красоту построения теории относительности и квантовой механики.

Взаимная любовь между Алешей и Сашей продолжалась до самой Алешиной смерти. Из госпиталя Алеша писал Кушнеру письма, делился с ним своими мыслями о жизни, о смерти...

Летом мы часто заходили на дачу писателя Д. А. Гранина в Комарово, с которым познакомились и подружились в пятидесятые годы. Тогда он, раздумывая над романом «Иду на грозу», начал интересоваться физиками. Можно сказать, что он с тех пор относился к физикам с интересом и любовью, всегда расспрашивал Алешу о его успехах в институте и задавал вопросы по некоторым проблемам физики. После того как мы услышали о назначении М. С. Горбачева на должность председателя политбюро, сразу же поспешили к Гранину разузнать, кто такой Горбачев. Для нас он был неизвестный и непонятный человек, мы не знали, что можно ожидать от его назначения в политбюро. Но, к сожалению, Гранин тоже ничего о нем тогда не знал.

В своих воспоминаниях об Алеше Д. А. Гранин пишет: *«Наши физики казались мне очень сплоченными и твердыми и, значит, людьми принципиальными, а они предали Сахарова, подписали эти позорные письма. Это было большим разочарованием для меня. Я очень любил Андрея Дмитриевича и читал его. Вы скажете, что не все физики*

вели себя подобным образом и из Академии его не вывели. Да, это так, но таких было очень мало. Алеша был в их числе».

Незадолго до начала болезни Алеша, прочитав замечательный автобиографический роман Александра Мелихова «Исповедь еврея», захотел непременно с ним познакомиться. При первой же встрече Саша понравился Алеше своими оригинальными взглядами на историю человечества как историю человеческих грез. Алеша пригласил Сашу на сессию Гатчинской школы ПИЯФ, чтобы тот поделился с физиками своими интересными, оригинальными идеями.

В воспоминаниях Саша передал впечатление, которое произвел на него Алеша. Он причислил Алешу к «любимчикам богов»: *«Ум, глубина и умение наслаждаться простыми радостями бытия – эти вещи сочетаются лишь в истинных любимчиках богов. И Алеша, мне кажется, долго оставался одним из таких любимчиков».* Саша мастерски описал процесс их знакомства и взаимной симпатии, как они, беседуя, обнаружили много общих взглядов на философию, литературу, политику. Эта общность помогла им найти путь друг к другу и вскоре стать друзьями. Но их дружба была оборвана в самом начале болезнью Алеша, и Саша огорчается и досадует, что теперь невозможно поделиться своими новыми, последними идеями с тем, кого больше нет. *«Мне мучительно жаль, – пишет Саша, – что Алеша уже никогда не испытает радости от высокоумного разговора, от веселого застолья, от хорошей книги, от красивого города – он умел всему этому радоваться, как мало кому отпущено».*

Алеша всегда интересовался людьми, без труда находил путь к незнакомому человеку. Для него каждый новый человек был как непрочитанная книга. Если человек был ему близок своими взглядами и мировоззрением, Алеша старался сблизиться и подружиться с ним. Всякая дружба требует не только времени, но и дополнительной энергии и сил; Алеша, несмотря на работу и вечную занятость, никогда не жалел ни времени, ни сил для того, чтобы завести дружбу с близким по духу человеком. Необыкновенное жизнелюбие и оптимизм привлекали к нему людей, он всех заражал своим удивительно жизнелюбным восприятием мира. Короче говоря, Алеша был типичным человеком дружбы.

Будучи экстравертом, Алеша с необыкновенной легкостью делился своими личными переживаниями со всеми вокруг. О его несчастной первой любви в десятом классе были наслышаны все друзья, и, конечно, он поделился со мной при самом раннем нашем знакомстве. С особенным чувством он рассказывал о своей неразделенной любви, не обращая внимания, какое впечатление производит его рассказ на меня...

Мне Алеша как-то признался (не знаю, как называется такая черта характера), что, когда он был маленьким, считал: все люди на улице знают и любят его и только делают вид, что незнакомы. Близкие друзья родителей называли его «Алексис – солнечный мальчик». Он излучал вокруг себя энергию жизнелюбия и оптимизма, но за своей доброжелательностью и дружелюбием часто не мог разглядеть, как к нему относятся другие, был уверен, что все его любят. Позднее ему пришлось убедиться в обратном.

Как к нему относятся сотрудники отдела, он понял, когда встал вопрос о назначении его заведующим Теоретическим отделом. В 1980 году, после переезда В. Грибова в Москву и смерти В. Шехтера, Теоретический отдел остался без заведующего. Олег Игоревич Сумбаев, директор ЛИЯФ, предложил на это место Алешу, но на собрании выяснилось, что почти все сотрудники отдела против, и на должность заведующего был выбран И. Т. Дятлов. Для Алеши это было неожиданным, настоящим потрясением. О. И. Сумбаев назначил И. Т. Дятлова и. о. заведующего Теоретическим отделом. Но через два года большинство сотрудников проголосовали уже за Алешу. Из случившегося Алеша сделал соответствующие выводы: начал более пристально приглядываться к людям и внимательнее относиться к коллегам. В результате из него получился, по оценкам сотрудников, даже тех, кто был раньше против его назначения, отличный заведующий.

Конечно, парторг института тянул Алешу в партию, но он всегда отказывался. Ему приходилось всячески изворачиваться, чтобы мотивировать свою позицию. Однажды он похвастался: «Наконец я знаю, как мне надо отвечать на давление парторга института. Когда заходит разговор о вступлении в партию, я говорю, что подумаю, и парторг перестает приставать. Утром прихожу в партком и говорю: „Я подумал, все взвесил и решил – не вступать“».

Без сомнения, физика была главным увлечением Алеши. Работал он много, неистово, иногда забывал обо всем: о еде, о своих обязанностях по дому и, конечно, о моих просьбах. Он вставал, завтракал и сразу шел к столу, работал до позднего вечера, часто к нему приходили его сотрудники или ученики. Я в семь часов возвращалась с работы, а они еще продолжали заниматься. Обычно два раза в неделю он уезжал в институт на семинары или ездил в Петергоф читать лекции студентам физического факультета университета. Он был хорошим лектором и любил общаться со студентами. Физика не отпускала Алешу даже по ночам. Помню, разбудил меня ночью и ликующе сообщил, что в какое-то уравнение надо вставить корень из T . Я, проснувшись, ничего

не могла понять: какое T , какое уравнение? Порадовалась вместе с ним и тут же заснула.

И стали сны воспоминаньями,
воспоминанья стали снами,
те и другие предсказаньями,
те и другие письменами,
разборчивыми и нелепыми,
благовестителями тайны
и лотерейными билетами
не на ковчег, но на «Титаник».

Вера Павлова

Неожиданная болезнь Алеши застала нас врасплох. Он вдруг почувствовал себя плохо. Долго не хотел обращаться к врачам, но потом решился, позвонил своему приятелю, который имел некоторое отношение к онкологии, и началось – врачи, госпитали, операции... Мы переехали в Бостон в надежде, что американская медицина сможет ему помочь, но было слишком поздно... Он мужественно боролся за жизнь, переносил все тяжкие испытания, которые выпали на его долю в связи с болезнью: три операции, бесконечная химиотерапия, многочисленные исследования... Никогда не жаловался.

Уже в Штатах между сеансами химии нам удалось дважды попутешествовать. Один раз мы были в Лондоне, а второй раз Алеша получил приглашение на месяц в Принстонский университет. Я очень боялась, что врачи не отпустят Алешу по состоянию здоровья. Мы мечтали поехать, хотелось забыть все госпитали, лекарства и немного отвлечься. И все-таки нам удалось прожить целый счастливый месяц в Принстоне, в доме Татьяны Толстой.

После перестройки Алеша посетил Швейцарию и Францию. Вернувшись домой, он написал уже упоминавшуюся статью «Запад есть запад, восток есть восток?» (Нева. 1989. № 12). Он был под таким сильным впечатлением от западной цивилизации, что торопился скорее поделиться своими размышлениями и ощущениями о чужом мире: *«В течение многих лет я пытался найти ответ, в котором сказал бы о самом главном, о том, что поражает больше всего... И я решусь на два небольших обобщения. Первое – восприятие западного мира – как цветовой удар. Второе – фантастическая, по нашим меркам, удобность жизни».*

В своей статье Алеша на нескольких примерах объясняет, как удобно и приятно жить в западной цивилизации и как устроены эти

удобства. Он на себе почувствовал необходимость таких удобств и уважительного отношения к человеку. Везде, на каждом шагу, вам говорят спасибо: в магазине, в ресторане, в билетной кассе, тщательно продуманы устройства для пассажиров, багажное отделение, туристическая информация, телефонные книги в телефонных будках. Конечно, корни этого «спасибо» имеют коммерческий характер, но все-таки приятно. Статья написана в 1986 году, в самом начале перестройки, когда в российском обществе появилась надежда на перемены. Алеше хотелось объяснить, как важно для России выбрать западный путь. Уже при его жизни стали появляться намеки на перемены, и он с радостью подмечал малейшие изменения в стране. Сейчас многое изменилось, и действительно можно сказать, что Россия стала ближе к западной цивилизации, чем была в советское время.

При перестройке появились и новые каналы на телевидении, которые, наряду с интересными программами, показывали экстрасенсов, сеансы телепатии, гипноза и всякую псевдонаучную муть. Алеша очень огорчился этим новым веяниям и лично переживал каждую такую программу. Своими переживаниями он поделился в статье «Как устроен этот мир» (Звезда. 2004. № 1), объясняя, каких высот достигла современная наука и как надо ценить эти достижения и не доверяться различным экстрасенсам, телепатиям и другим обманщикам, которых показывают по телевизору: *«Ощущение мира как целого свойственно только профессионалам. Именно поэтому люди, далекие от науки, не могут понять, откуда ученый черпает уверенность, когда иной раз категорически утверждает, что чего-то быть не может. Не может – потому что противоречит всей картине мира, а не каким-то отдельным фактам. <...> Псевдооткрытия вроде телепатии и телекинеза смехотворны для ученого потому, что они делаются в области, которая давным-давно исхожена и истоптана вдоль и поперек. Такие псевдооткрытия противоречат всему, что мы знаем, а не каким-то конкретным фактам».*

Алеша страстно защищал науку в своих статьях и выступлениях на Би-би-си, стараясь ясно и внятно растолковать людям, далеким от науки, труднообъяснимые, непонятные открытия современной физики: квантовую механику, принцип неопределенности, «парадокс близнецов», «стрелу времени» и т. д. Его ученик Д. И. Дьяконов писал: *«Алексей Андреевич был прирожденным учителем: тонким, внимательным и щедрым. У него была редкая черта – понимать, что не понятно другому, и терпеливо и умело объяснять суть дела не вообще, а именно исходя из потребности данного человека или конкретной аудитории».*

Науку Алеша сравнивал со зданием: «...ученый почти всю жизнь занят тем, что он это здание осцупывает, оглаживает, приглядывается к нему, иногда отходит чуть-чуть, разглядывает пропорции этого здания. Дальше, как правило, дело сводится к тому, что он находит где-то какую-то щель, где-то какой-то не совсем ровно лежащий кирпич, что-то подмазывает, что-то добавляет». Хотя Алеша отводил себе скромное занятие «штукатура», он знал свое место в науке и чувствовал себя ответственным за всю науку, за все научное здание.

Опубликовав сто тридцать работ по теоретической физике, он говорил, что ему не хватает хотя бы одной фундаментальной работы. На самом деле он сделал такую работу: Алеша открыл уже упоминавшееся явление, названное асимптотической свободой. Повторюсь: асимптотическая свобода – это краеугольный камень Стандартной модели.

«В начале пятидесятых годов была создана новая наука – квантовая электродинамика, которая описывала взаимодействие электронов и фотонов. Одним из замечательных предсказаний квантовой электродинамики было то, что вакуум – это вовсе не вакуум, а такая среда, в которой периодически вспыхивают и гаснут какие-то комбинации из элементарных частиц. Поэтому тот электрон, который мы наблюдаем, не исходный электрон, а некоторое образование, одетое в «шубу» из виртуальных частиц. ...Ландау, Абрикосовым и Халатниковым была сделана... работа, в которой предсказывалось, что... «шуба» из элементарных частиц в каком-то смысле должна уничтожить этот электрон, а именно: заряд электрона плюс «шуба» должны равняться нулю. <...> Этот вывод противоречил эксперименту, и Ландау и другие пришли к выводу, что теория типа квантовой электродинамики несостоятельна. Ландау писал, что единственное правильное уравнение в теории поля – нуль равняется нулю. <...>

А вот Алеша сделал работу, которая противоречила выводу Ландау... Он рассмотрел частную модель, которая не претендовала на то, чтобы описывать реальные явления, но это была модель одного из возможных применений теории поля. Алеша открыл явление... исходный заряд электрона не экранируется, а антиэкранируется» (из воспоминаний А. М. Полякова).

Тем самым им впервые была обнаружена так называемая асимптотическая свобода. В то время только к двумерной модели возможно было применить квантовую электродинамику, так как физики еще не пользовались теорией Янга – Миллса.

«Свою работу об асимптотической свободе Алеша доложил на семинаре Ландау и отправил статью в печать в 1958 году. Статья была опубликована в «ЖЭТФ» в 1959 году. Несмотря на то что работа была признана правильной, она, к сожалению, осталась малоизвестной. В кругу Ландау посчитали, что явление, открытое Алешей, не идет дальше ограниченной модели, им проанализированной. В то время Ландау и его школа имели непререкаемый авторитет в советской физике, и молодому ученому трудно было добиться признания, не получив одобрения Ландау» (из воспоминаний М. А. Шифмана).

В 1973 году асимптотическая свобода была переоткрыта в теории поля (теории Янга – Миллса) западными физиками Дэвидом Гроссом, Дэвидом Политцером и Фрэнком Вильчеком. В 2004 году они получили за это открытие Нобелевскую премию. В 2013 году на английском языке вышла книга под редакцией Михаила Шифмана “Under the Spell of Landau: When Theoretical Physics Was Shaping Destinies” («Под влиянием Ландау: когда теоретическая физика вершила судьбы»). В этой книге М. Шифман перепечатал работу Алешы, проверил вычисления и убедился в совпадении результата, полученного Алешей, с более поздним результатом Гросса – Невё.

Алеша всегда интересовался философскими проблемами и такими понятиями, как «пространство» и «время». Хотя сам не занимался космологией, но охотно объяснял непосвященным слушателям последние исследования в этой области: реликтовое излучение, черные дыры, темную материю, темную энергию и красное смещение в спектральных линиях химических элементов звезд расширяющейся Вселенной.

В Бостоне Алеша стал писать научно-популярные статьи потому, что уже не мог делать научные работы по физике и ему хотелось не только поделиться своими мыслями перед уходом, но погрузиться в творчество, чтобы... забыть. В письме из Бостона А. Кушнеру Алеша пишет: *«Удивительным образом, в принципе, но я знаю средство спастись от конечности отпущенного времени. Это средство – творчество. Любое. Наука ли, искусство... Но средство это заколдованное. Между тобой и твоим творчеством – пустота. Ты берешь лист бумаги с яростным намерением создать нечто стоящее (в науке ли, в искусстве) и не создаешь... ничего!»*

Свою статью «Что такое время?» (Звезда. 1998. № 9) Алеша начинает с извинений перед читателем, так как считает, что популярную статью по физике, по его мнению, должен писать только знаменитый физик, и объясняет, почему он взялся за такое дело: *«Дело в том, что я нахожусь сейчас на терминальной стадии ракового заболевания*

и жить мне осталось, условно говоря, несколько месяцев. Конечно, эту дату про себя точно никто не знает («Тоже мне, бином Ньютона!») – вспоминается замечательное восклицание из гениального романа Булгакова), но это, я думаю, есть реалистическая оценка. Писать о чем-то с «петлей на шее» – в этом что-то есть. Это дает особый острый взгляд на предмет, и, я уверен, повышается интерес читателей».

В статье «Что такое время?» Алеша пытался объяснить, что значит время для физика, как изменилось в научном мире представление о времени после создания Эйнштейном специальной и общей теорий относительности. Человеку, далекому от физики, новое понимание, что такое время, почти невозможно представить и понять. Классическое представление о времени «что бы мы ни делали, а время идет» оказывается неверным, приходится отказаться от универсального представления о времени. Время не течет непрерывно. Работы Эйнштейна привели к открытию фундаментальной связи между пространством и временем. Время может ускоряться или замедляться, если одна система в пространстве движется относительно другой с ускорением. А кроме того, чтобы вычислить, куда направлено время (так называемая стрела времени), надо знать законы термодинамики, так как стрела всегда направлена в сторону возрастания энтропии. Теперь, отвечая на вопрос «Что такое время?», приходится учитывать не только специальную и общую теории относительности, но и термодинамику. Все это человеку, не получившему образования по физике, понять трудно, но, несмотря на все эти трудности, Алеша мужественно старался объяснить, как в XX веке изменилось представление о времени, «парадокс близнецов», «стрелу времени».

В XX веке в физике были открыты квантовая механика и теория относительности, что привело к отказу от классической механики для новых объектов, таких как элементарные частицы. Физикам пришлось отказаться от привычных аналогий с действительностью. С этого момента, как пишет Алеша в статье «Теоретическая физика XX века – новая философия Природы» (Звезда. 2000. № 1), и начинается новая философия. Новые достижения в физике элементарных частиц трудно понять в повседневной жизни, и поэтому для объяснения свойств элементарных частиц необходимы многочисленные подтверждающие эксперименты и сложные математические вычисления. Так, например, для тел, которые исследуются в классической механике, мы можем измерить одновременно положение тела и скорость. Но, как доказывают многочисленные эксперименты, для элементарных частиц это невозможно. Исследования элементарных частиц привели к открытию совершенно

новых явлений, таких как дуализм и невозможность одновременного измерения положения электрона и его скорости. Потребовались новые теоретические объяснения этих свойств. Так был открыт принцип неопределенности.

Заканчивая статью «Что такое время?», Алеша в письме А. Кушнеру пишет: *«Я давно не испытывал такого счастья, как когда писал недавно заметки „Что такое время?“ . <...> Я совершенно забыл, что это не я придумал, а Эйнштейн, да и, по правде говоря, какая разница? Если такая красота! Мне кажется, что нам, очень конкретно физикам-теоретикам, да и то далеко не всем, дано великое счастье видеть красоту мироздания в некотором аспекте, неведомом другим».*

В Бостоне Алеша остро переживал пустоту одиночества: без друзей, без любимой работы и без своего любимого города, в котором родился и прожил почти всю свою жизнь. Живя в Бостоне, мы с ним постоянно вспоминали Петербург и мысленно повторяли наши прогулки по любимым местам: вот мы пересекаем Манежную площадь, затем идем по Кленовой аллее к Инженерному замку, потом направляемся к Марсову полю, и выходим на Мойку, и далее, далее вдоль Мойки... «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки...» (Александр Кушнер). Алеша часто повторял стихотворение Бродского: «Да не будет дано / умереть мне вдали от тебя...»

Алеша заболел, будучи совершенно здоровым и нестарым человеком... Он любил жизнь во всех ее проявлениях, получал удовольствие от знакомства с интересными людьми, любил праздники, радостно принимал гостей и ходил в гости, любил женщин, что, конечно, вызывало у меня ревность, излучал такое жизнелюбие, которым заражались его ближайшие друзья при общении с ним. Любил просто жить, и жизнь любила его до того момента, пока он не почувствовал очарование старости и не решил остановиться и оглядеться.

«Эти последние годы были очень для него и всех нас тяжелыми. Папа знал все досконально про свою болезнь и про ее исход, но никогда не давал окружающим почувствовать, что он знает, что он смертельно болен и что жить ему осталось недолго. Он вел себя очень мужественно. В последние месяцы жизни он писал научно-популярные статьи, хотя делать это ему было трудно. Обычно родители ищут в детях свои черты. Не знаю, находил ли папа во мне сходство с собой, но я часто пытаюсь увидеть его черты и характер в себе и надеюсь, что в чем-то я на него похожа» (из воспоминаний Ирины Ансельм).

В последних записях дневника Алеша писал: *«Старость подкрадывается на кошачьих лапах к мирно жующему жизненную жвачку...»*

И ты уже замечаешь, что, севши в поезд, идущий в Москву, не смотришь с жадностью в окно, а с досадой думаешь о предстоящей бессонной ночи... Ты вдруг начинаешь понимать, какая радость – пахнувший грибами и сыростью осенний сад или косые лучи заходящего солнца, какое счастье остаться вдвоем с женой на даче, что никуда не надо идти и никто не придет в гости (мой Бог, ведь это была наихудшая пытка молодости). Жизнь проходила где-то там – мимо... Радость, когда маленькое доверчивое существо – твоя внучка – прибегает к тебе по утрам и плюхается к тебе в кровать с криком «Давай!», что означает, что ты должен рассказывать очередную историю из бесконечной эпопеи, придуманной тобой. И все это – старость».

Может быть, за эту остановку он и был наказан. Ведь шестьдесят лет это еще не старость, рано меняться на свою противоположность, рано останавливаться... А может быть, болезнь уже сидела внутри него и не хотела появляться до поры до времени, выжидала удобного момента... Когда в 1994 году мы были с Алешей в командировке в Израиле, он почувствовал себя плохо. Уже по возвращении домой долго не хотел показываться врачам. В конце концов пришлось...

«Для меня вся красота жизни именно в ее несводимости ни с какими, даже самыми замечательными, ее сторонами. Меня поражает отсутствие окончательных высказываний о жизни. Жизнь не... то, другое, третье, она и то, и другое, и третье. И каждая конкретная жизненная ситуация всегда имеет много сторон... <...>

А смерть – она как рама, ограничивающая полотно жизни. Рама играет не последнюю роль в восприятии картины, но обязательно должна соответствовать картине.

Мне кажется, нельзя победить страх смерти, пытаясь забыть о смерти, но только пристально разглядывая ее вместе с жизнью» (из письма А. А. Ансельма А. Кушнеру).

Когда я пишу эти воспоминания, передо мною встают все последние дни, которые мы пережили с Алешей. Говорят, что надежда умирает последней. Это были страшные дни для нас обоих, так как наша надежда умерла раньше и приходилось только держаться и ждать. Алеша держался до последнего вздоха...

Для меня, после сорока шести лет совместной жизни, его смерть была полным крушением... Мы так с ним сроднились и срослись, что было непонятно, как жить дальше...

Герб Ансельмов

Иван Адамович Ансельм
(дед Алексея)

Андрей Иванович Ансельм
(отец Алексея)

Алеша с мамой Ириной Викторовной Мочан
и отцом Андреем Ивановичем Ансельмом (1935)

Университетские годы

Военная кафедра университета

Пятый курс университета. Алексей и Людмила Ансельм (1956)

На отдыхе в Комарово

Счастли́вый папа

Алексе́й, дочь Ири́на и бабушка Ири́на Викторовна

Счастливая семья

Дочь Ирина и внучка Анечка

Алексей и Людмила на Байкале

В Бостоне

Людмила и Ирина Ансельм,
Алеша Духон (сын Ирины),
Лев Духон (муж Ирины)

Алексей Ансельм и его дядя Леон Мочан (Париж)

Алексей Ансельм в свой последний день рождения

Супруги Ансельм в Лондоне

Нас отличает особый дух

А. А. Ансельм к 25-летию ПИЯФ

Дорогие друзья!

Позвольте поздравить всех вас (нас!) с юбилеем. Вышло так, что сегодня я не могу быть с вами, и это очень огорчает меня. Остается – как у Булгакова: «Телом в Индии, мысленно с вами». Но, кроме шуток, мне действительно очень жаль, что в такой особый день меня нет в стенах института.

Юбилей – это повод оглянуться назад, подумать о настоящем и попытаться попросить прощения по поводу будущего. Все мы знаем, какое невероятно трудное время мы переживаем сейчас. И все-таки мне кажется, что мы можем гордиться состоянием, в котором находится институт. И дело не в том, что мы попросту не развалились, что случилось с некоторыми, весьма известными в прошлом, научными учреждениями. И не в том, что у нас регулярнее, чем в других институтах, выплачивается зарплата и время от времени ремонтируются помещения, и даже не в том, что – хотя и медленно! – но строительство ПИКа как-то продвигается.

Мы можем гордиться тем, что в институте продолжается научная работа.

Будь то на площадке ПИЯФ или на установках других научных центров за пределами России, но работа не прекращается! Сегодня этим можно гордиться. Далеко не каждый институт может – по совести! – заявить о себе то же самое. Пусть меня обвинят в идеализме, но относительно благополучное состояние нашего института сегодня нельзя объяснить чисто материальными факторами. В конце концов, материально нам живется не легче, чем всем другим. Я думаю, что главная причина того, что в институте успешно продолжается научная жизнь, – это некоторый особый дух, которым наш институт отличается с момента его создания. Главным смыслом нашего существования всегда была приоритетность фундаментальной науки над любыми другими видами деятельности в институте.

Петербургский институт ядерной физики им. Б. П. Константинова РАН
(90-е годы)

Создание приборной базы, строительство новых крупномасштабных установок – эти крайне важные задачи всегда были подчинены основной цели: получению новых фундаментальных физических результатов. Разработка технических приложений, любые прикладные работы рассматривались как побочный продукт основной деятельности института – научных исследований в области фундаментальной физики.

С такой идеологией было непросто существовать в годы советской власти. Ведь главной задачей научного учреждения типа нашего института провозглашалась тогда польза для народного хозяйства, в первую очередь путем внедрения новых научных достижений в промышленность. Я думаю, что Олег Игоревич Сумбаев и Алексей Алексеевич Воробьев, наши директора советского времени, могут порассказать об этом немало интересного.

Одно из важнейших последствий приоритетности научной работы над другими видами деятельности состоит в том, что статус любого сотрудника института определяется его научными результатами, а для молодого научного сотрудника – его научной потенцией. Мне кажется, это обстоятельство остается сегодня единственным стимулом для работы молодых людей в нашем институте. Престижность, материальный фактор – увы! – остались в прошлом. Приходится довольствоваться сознанием, что ты занимаешься самым важным делом на свете. Как долго можно просуществовать на чистом энтузиазме – это особый вопрос, к которому я еще вернусь.

Поскольку это письмо должно заменить мое выступление как одного из четырех директоров института, несколько слов о том периоде, когда мне довелось быть директором. Я стал директором в начале 1992 года, в самом начале гайдаровских реформ. Можно было бы вспомнить, какое сложное время это было, но, говоря откровенно, я не думаю, что сейчас время более легкое. И все же – это было самое начало реформ. Как тут не вспомнить китайское пожелание врагу: «Желаю тебе жить в эпоху перемен».

Не буду по случаю юбилея говорить о том, что не получилось или получилось не так, как хотелось. Позволю себе вспомнить, что получилось: сюда я отношу в первую очередь то, что в институте удалось сохранить хорошие, деловые отношения между отдельными его частями. Это было не совсем тривиально, поскольку одновременно с моим назначением директором была произведена полная реорганизация института – он стал федерацией четырех независимых в научном плане и почти независимых административно отделений, каждое из которых является, по сути дела, институтом.

В заключение несколько слов о наших перспективах. Мне кажется, что, несмотря на все наши бодрые слова, сказанные выше, мы находимся на грани почти что катастрофы. Институт, разумеется, не может жить нормально без притока талантливых молодых людей. Опыт показывает, что у некоторых из них потребность заниматься наукой имеет прямо-таки физиологический, чтобы не сказать патологический, характер. И, если судить по Отделению теоретической физики, до какого-то момента уменьшение материального вознаграждения за эти занятия почти не влияет на приход новых людей в физику. Однако ниже некоторого уровня происходит фазовый переход, и талантливые молодые люди вообще перестают заниматься наукой. По-моему, сейчас мы как раз находимся вблизи точки фазового перехода. Недавно я случайно узнал, что зарплата дворничихи, подметающей нашу лестницу, заметно выше зарплаты ведущего научного сотрудника, доктора наук. Если это продолжится еще год-два, то никаких круглых дат в дальнейшем существовании нашего института праздновать не придется.

Будем, однако, надеяться, что этого не случится. Тогда следующий юбилей – пятидесятилетие – ровно через двадцать пять лет. Боюсь, я снова не смогу присутствовать на юбилейном торжестве, и снова по уважительной причине. Поэтому заранее поздравляю всех участников будущего юбилея и еще раз всех, кто отмечает сегодня двадцатипятилетие нашего института.

Бостон, 1996 год

Алексей Андреевич был прирожденным учителем

*Д. И. Дьяконов,
д. ф.-м. н., профессор, заместитель руководителя
Отделения теоретической физики ПИЯФ с 2005 по 2012 год*

Алексей Андреевич Ансельм родился 1 июля 1934 года. Во время войны был в эвакуации сперва в Елабуге, а затем в Казани. В 1951 году поступил на физфак ЛГУ, окончил его с отличием в 1956 году и затем поступил в Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе. Он считал своими учителями К. А. Тер-Мартirosяна, И. М. Шмушкевича, Л. Д. Ландау (с которым один раз вступил в научный спор – об этом ниже) и, конечно, своего старшего товарища В. Н. Грибова, с которым было сделано много совместных работ.

Первый раз я встретил Алексея Андреевича Ансельма в Ленинградском физико-техническом институте. Чтобы попасть на дипломную работу в Теоретический отдел, не говоря уже об аспирантуре, нужно было сдать теоретический минимум, который состоял из серии неформальных экзаменов. Когда я пришел на свой первый экзамен, я увидел картину, которая меня не только потрясла, а определила всю мою жизнь. В Физтехе была крошечная комната, в которой стоял старый продавленный диван. Старожилы говорили, что всю мебель в институт в восемнадцатом году привезли из Зимнего, а диван этот был якобы из бани дворца. На нем уместился практически весь тогдашний Отдел теоретической физики. Принимали экзамен отцы-основатели: В. Н. Грибов, А. А. Ансельм, В. М. Шехтер, И. Т. Дятлов, Л. Н. Липатов, еще кто-то. Экзамен состоял в том, что задавали довольно трудную задачу. Не надо было отвечать на теоретические вопросы, а нужно было просто решить эту задачу. Я задачу решил, затем подробно рассказал собравшимся о решении задачки, пользуясь крошечной доской с негодным мелом. Меня потрясли те заинтересованность и доброжелательность, с которой профессора меня слушали и обсуждали со мной мою задачку, как будто это была научная работа. Я понял: для этих людей все, что касалось физики

и формул, было абсолютно серьезным... Этот экзамен стал поворотным в моей судьбе – мне захотелось работать в кругу таких людей. Я продолжил сдавать серию экзаменов, и после очередного экзамена стало ясно, что меня возьмут в Теоретдел на дипломную работу... Затем я поступил в аспирантуру, и Алексей Андреевич стал моим руководителем.

Алексей Андреевич был прирожденным учителем: тонким, внимательным и щедрым. У него была редкая черта – понимать, что не понятно другому, и терпеливо и умело объяснять суть дела не вообще, а именно исходя из потребности данного человека или конкретной аудитории. Нильса Бора когда-то спросили, что «дополнительно» понятию «истина». Подумав, Бор ответил: «Ясность». Потому что, если ты хочешь что-то правильно и точно объяснить, какую-нибудь истину, тогда теряется ясность. Если ты хочешь изложить очень ясно, то ты не можешь изложить всю истину. Это дополнительные понятия. Алексей Андреевич очень хорошо чувствовал этот дуализм. Его объяснения не грешили против истины и в то же время были достаточно ясны.

Характерна его щепетильность с учениками: если он чувствовал, что недостаточно сделал «руками» в какой-то совместной работе, то бесповоротно отказывался от соавторства, даже если вложил в работу свои идеи и какие-то собственные вычисления. Предложенные им темы дипломных работ Балицкого и Дьяконова, диссертационных работ Докшицера и Уральцева не служили ему достаточным основанием стать соавтором соответствующих публикаций. Однажды он сказал кому-то: «Я беру в аспирантуру и на работу только людей, которых считаю сильнее себя». Это было, конечно, чересчур самокритичным, но очень характерным для него высказыванием. Ничего даже отдаленно похожего на зависть не было ему свойственно – наоборот, он страшно радовался успехам своих учеников и товарищей и громко призывал других к тому же.

В конце пятидесятых годов Ландау с другими именитыми теоретиками пытались доказать, что «московский нуль-заряд» неизбежен в квантовой теории поля, включая модели с четырехфермионным взаимодействием, независимо от знака константы связи. Они использовали в вычислениях довольно сложную так называемую двухпредельную технику. В 1959 году Алексей Андреевич изучил двумерную модель с четырехфермионным взаимодействием и показал, во-первых, что эта техника приводит к неправильным результатам, а во-вторых, – что более важно – модель является не нуль-зарядной, а наоборот – эффективная константа связи убывает на малых расстояниях. Так было, по существу, впервые обнаружено важнейшее явление в квантовой теории

поля, получившее впоследствии название асимптотической свободы. Пятнадцать лет спустя модель Ансельма была переоткрыта и получила название модели Гросса – Невё. Асимптотическая свобода сегодня – это краеугольный камень теории сильных взаимодействий (квантовой хромодинамики) и вообще Стандартной модели. Забавно думать, что, если бы Алексей Андреевич был в то время старше своих двадцати пяти лет и если бы советские физики не варились в основном в собственном соку в течение десятилетий, вся история теории элементарных частиц могла пойти по-другому.

В начале шестидесятых годов в мире под влиянием школы Ландау возобладало мнение, что квантовая теория поля того времени не может отражать реальность, а более адекватным описанием элементарных частиц и их взаимодействий при высоких энергиях служат теория комплексных угловых моментов и подход, основанный на унитарности и аналитичности амплитуд рассеяния. Владимир Наумович Грибов был одним из главных авторов и создателей этого подхода, и неудивительно, что ближайшие коллеги, включая Алексея Андреевича, с большим энтузиазмом принялись за его разработку. Совместно с Я. И. Азимовым, В. В. Анисовичем, Г. С. Даниловым, И. Т. Дятловым, В. М. Шехтером Алексей Андреевич добился выдающихся результатов в этой новой области, получивших мировую известность. Это и теория рождения трех частиц вблизи порога, и исследование полюсов Редже в теории возмущений, и предсказание интерференционных минимумов в сечении упругих столкновений на большие углы, и многое другое. В те годы Теоретический отдел Ленинградского физтеха (а позже Ленинградского / Петербургского института ядерной физики) превратился в Мекку для теоретиков всего мира, занимающихся физикой высоких энергий.

Появилась модель кварков, и Алексей Андреевич со своими коллегами вычислил вероятности электромагнитных распадов векторных мезонов – совпадение с экспериментом было серьезным аргументом в пользу «материальности» кварков.

На новом витке развития науки квантовая теория поля была восстановлена в правах, и Алексей Андреевич раньше многих других стал работать с калибровочной теорией, которая вскоре окончательно стала Стандартной моделью сильных, электромагнитных и слабых взаимодействий. Его особенно интересовали вопросы, связанные со спонтанным нарушением симметрии в калибровочной теории. Совместно со своими учениками (Дьяконовым, Йогансенон, Уралцевым) Алексей Андреевич исследовал такие вопросы: можно ли совместить асимптотическую свободу калибровочной теории с хиггсовской фазой,

в которой не остается инфракрасного полюса; можно ли получить массу электрона в виде радиационной поправки от массы мюона; не противоречит ли эксперименту по *CP*-нарушению модель Вайнберга, где *CP*-нарушение достигается за счет комплексности хиггсовского блока, и т. д.

Отметим наиболее интересные результаты деятельности Алексея Андреевича в восьмидесятых и девяностых годах. Большинство его работ этого периода относится к электрослабой теории, в частности он ищет возможности непротиворечивой модификации Стандартной модели. Согласно известной классификации теоретиков он был, скорее, «придумщиком» идей, чем «вычислителем», хотя трудоемких вычислений он не боялся и делал их хорошо и надежно. Он предложил новый механизм спонтанного нарушения симметрии в электрослабой теории – за счет сильного радиационного взаимодействия тяжелых кварков. Придумал остроумную составную модель кварков и лептонов, основанную на пяти составляющих, названных им квинтами. Попутно он, независимо от более известной работы будущего лауреата Нобелевской премии Г. Хоофта, выдвинул принцип сокращения квантовых аномалий на уровне составляющих частиц. Совместно с Н. Г. Уральцевым он предложил и детально исследовал возможность существования безмассовых, или очень легких, хиггсовских частиц. Все, что мы знаем сегодня, допускает существование одного или больше безмассовых голдстоуновских бозонов, названных Алексеем Андреевичем арионами. Алексей Андреевич указал на аналогию между арионным и магнитным полями и предложил способы проверки их существования на эксперименте. Развитие науки трудно предсказать, но очень вероятно, что работы Ансельма окажутся предвидением.

Иногда идеи забегают вперед, их нельзя проверить по техническим причинам. Алексей Андреевич выдвинул довольно много идей, которые сию минуту не проверишь. Они будут проверяться через несколько лет, когда в Швейцарии, в Женеве, вступит в строй новый ускоритель рекордной энергии; мы все ждем запуска этого суперколлайдера. Если хотя бы одна из еще не проверенных идей, высказанных Алексеем Андреевичем, окажется правильной, это будет выдающееся достижение. Потому что почти каждая из его идей – на уровне самых глубоких понятий о нашем мире. Но даже если ни одна из его идей последних лет не окажется правильной в буквальном смысле, заслуга его все равно велика.

Он разрабатывал математический аппарат, различные технические механизмы, которые могут пригодиться в других областях науки. Пер-

воклассные работы не пропадают – они используются наукой в том или ином месте.

Наука – это в значительной степени совокупность методов. Порой бывает, что более ценным является метод, нежели результат... Ученый, который придумал хороший метод, тем самым обессмертил себя. Метод используется другими и помогает исследователям приближаться к истине.

В последнее десятилетие большую известность получили работы Алексея Андреевича (часть из которых выполнена совместно с А. А. Иогансенем, Л. Н. Липатовым, М. Г. Рыскиным, А. Г. Шуваевым), посвященные возникновению когерентных пионных полей в ультрарелятивистских столкновениях тяжелых ионов. С легкой руки Дж. Бьёркена, который высоко ценил эти работы Алексея Андреевича, когерентные пионные поля были названы дезориентированным киральным конденсатом. На эти работы Алексея Андреевича имеется не одна сотня ссылок; возможность ДКК широко обсуждается в связи с экспериментами на установке RHIC в Брукхейвене. Круг вопросов, в которых Алексей Андреевич был специалистом мирового класса, был очень широк, и так же широк спектр его более чем ста тридцати печатных работ. В становлении и формировании Отделения теоретической физики он сыграл выдающуюся роль. Наверное, половина сотрудников ОТФ в то или иное время напрямую работали с Алексеем Андреевичем, и многие другие тоже так или иначе испытали его влияние.

После ухода Грибова из Теоретического отдела в Москву и очень скорой смерти Владимира Михайловича Шехтера наступил нелегкий период в жизни отдела. В конце концов нормальная жизнь была восстановлена после назначения Алексея Андреевича заведующим Теоротделом, благодаря его доброжелательности и организаторскому таланту.

В каком-то смысле история повторилась в 1992 году, когда на волне перестройки, всеобщего распада и деления в институте возникли сильные центробежные тенденции. Два наиболее многочисленных отдела института – Отделение физики высоких энергий и Отделение нейтронных исследований – обладали «блокирующим пакетом», и возникла реальная опасность развала института. В конце концов все стороны проявили мудрую сдержанность, и был достигнут почти идеальный компромисс: ПИЯФ превратился в федерацию автономных отделений, но с единой инфраструктурой, общей дирекцией и координационным советом, где каждое отделение имеет право вето. Алексей Андреевич – теоретик – был избран директором ПИЯФ, и его избрание эффективно решило многие проблемы, поскольку он был благожелателен и вдумчив

со всеми, а кроме того, хорошо понимал суть перемен, происходящих в стране. Не произошло коммерциализации института (погубившей не одно научное учреждение), финансовое управление оставалось прозрачным, не произошло развала, институт как целое получил название (и деньги) государственного научного центра, были сохранены основные моральные и научные ценности. В очень сложное время директорства Алексея Андреевича институт плавно и оптимально перешел в новое качество. Каждый пияфовец, слушающий о кошмарах, происходящих в некоторых научных институтах страны, может с гордостью сказать: «А у нас не так».

Забегая вперед, нужно сказать об одном нетривиальном административном ходе Алексея Андреевича. Он был убежден, что человек имеет право быть начальником только до известного возраста, каковой он определил как шестьдесят пять лет, невзирая на заслуги. Кстати, в этом возрасте ушли со всех административных постов его родители, так что опять-таки у него был хороший пример перед глазами. В середине девяностых годов он стал ратовать за смену поколений среди заведующих секторами в Отделении теоретической физики. Надо, безусловно, отдать должное В. В. Анисовичу, И. Т. Дятлову, С. В. Малееву и Ю. В. Петрову, добровольно сложившим с себя полномочия; новыми заведующими секторами были демократически выбраны представители следующих поколений. Вообще, демократические традиции отделения Алексей Андреевич тщательно и даже как-то торжественно поддерживал, хотя как директор и председатель Ученого совета он имел формально большие права. Тем не менее любой мало-мальски серьезный административный вопрос он долго обсуждал с сотрудниками (и, случалось, менял свое первоначальное мнение), а окончательно вопросы выносились на Ученый совет, где он не столько говорил, сколько слушал. Сам Алексей Андреевич добровольно сложил с себя полномочия генерального директора ПИЯФ в 1994 году, пробыв на этом посту всего два года, а в 1997 году и полномочия директора Отделения теоретической физики. Будучи уже смертельно больным, он ушел раньше назначенного себе срока отставки.

В 1992 году при министерстве науки России были созданы комитеты научной политики по различным направлениям исследований, и Алексей Андреевич был назначен председателем комитета по фундаментальной ядерной физике. Цель состояла в выявлении и материальной поддержке наиболее интересных и перспективных научных проектов в России. В работу этого комитета Алексей Андреевич вложил много сил, а также свои представления о том, как должен функционировать

такой комитет. Нужно сказать, что эти представления отличались от некоторых традиций советского времени. В комитет, помимо ведущих российских ученых, вошли несколько крупных зарубежных физиков-экспериментаторов, которые, надо отметить, очень серьезно и искренне относились к своим обязанностям. По всем рассматриваемым проектам назначались параллельно несколько рецензентов, которые докладывали свои соображения комитету. После длительных и детальных обсуждений под председательством Алексея Андреевича выносилось решение. К сожалению, именно в это время резко уменьшилось финансирование науки в целом, но можно с уверенностью сказать, что те ограниченные средства, которые оказались в распоряжении комитета, использовались оптимально.

Много лет подряд Алексей Андреевич был фактически главным организатором научной программы ежегодных Зимних школ ПИЯФ. Он очень любил эту работу, и его прекрасный вкус к настоящей науке, его дружба с ведущими физиками, его собственный талант лектора обеспечивали то, что каждая Зимняя школа становилась большим событием. Когда в начале девяностых годов Отделение теоретической физики оказалось на грани финансового краха, Алексей Андреевич организовал международные Зимние школы по теоретической физике. Гранты, полученные на организацию школ, помогли пережить Теоретическому отделу трудное время: были получены первые компьютеры, принтеры и прочее информационное оборудование. Если сегодня компьютерный парк в Теоретическом отделе находится на уровне богатых западных институтов, то это во многом заслуга Алексея Андреевича и его хорошо продуманной политики.

Алексей Андреевич основал научную школу – не на словах, а на деле, и неудивительно, что в 1997 году «научная школа Ансельма», одна из очень немногих в институте, получила формальное признание и поддержку Российского фонда фундаментальных исследований. Последний потрясающий урок дал нам всем Алексей Андреевич своим уходом из жизни. Одна тяжелейшая операция следовала за другой, но он ни одним намеком не показывал, что знал: он обречен. Несмотря на боль и что бы ни происходило в его душе, он до конца оставался, как всегда, спокойным, веселым и благожелательным. Трудно было представить, что его теплые, вдумчивые слова на Зимней школе 1998 года, обращенные к памяти безвременно ушедшего Грибова, окажутся и его прощанием с институтом.

Алексей Андреевич считал, что фундаментальная физика – это очень важная часть общечеловеческой культуры. Наша задача не только

заниматься своей наукой на самом высоком мировом уровне, но и находить свое место в общекультурном процессе. Алексей Андреевич дружил со многими известными писателями, киношниками, артистами, художниками, скульпторами, представителями других наук и, бывало, поддерживал их в трудный час. В этой жизни ему было интересно многое. Все, чем бы он ни занимался, получало отпечаток его яркой индивидуальности – гражданина своей страны, физика, человека, интеллигента.

Мы дружили с ним четверть века, для меня это невосполнимая потеря

А. М. Поляков,
*д. ф.-м. н., член-корреспондент РАН,
профессор Принстонского университета*

Еще будучи совсем молодым, Алеша сделал замечательную работу, которая и создала ему имя как талантливого физика, но, чтобы рассказать об этой работе, я должен начать издали.

В начале пятидесятых годов была создана новая наука – квантовая электродинамика, которая описывала взаимодействие электронов и фотонов. Одним из замечательных предсказаний квантовой электродинамики было то, что вакуум – это вовсе не вакуум, а такая среда, в которой периодически вспыхивают и гаснут какие-то комбинации из элементарных частиц. Поэтому тот электрон, который мы наблюдаем, не исходный электрон, а некоторое образование, одетое в «шубу» из виртуальных частиц. В пятидесятых годах Ландау, Абрикосовым и Халатниковым была сделана замечательная работа, в которой предсказывалось, что эта «шуба» из элементарных частиц в каком-то смысле должна уничтожить этот электрон, а именно: заряд электрона плюс «шуба» должны равняться нулю, так как виртуальные частицы должны экранировать заряд электрона. И какой бы мы ни выбрали заряд, он будет экранирован. Этот вывод противоречил эксперименту, и Ландау и другие пришли к выводу, что теория типа квантовой электродинамики несостоятельна. Ландау писал, что единственное правильное уравнение в теории поля – нуль равняется нулю. Ландау и его сотрудники нашли много других примеров с другими частицами и получили тот же самый

результат. Ландау и другие пришли к выводу, что теория поля внутренне противоречива и должна быть заменена на что-то радикально иное. Эта идея завоевала массы и никем всерьез не оспаривалась.

А вот Алеша сделал работу, которая противоречила выводу Ландау, но, к сожалению, она не получила должного резонанса. Он рассмотрел частную модель, которая не претендовала на то, чтобы описывать реальные явления, но это была модель одного из возможных применений теории поля. Алеша открыл явление, противоположное выводам Ландау и других, а именно: исходный заряд электрона не экранируется, а антиэкранируется. Эта «шуба» добавляет к нему дополнительный заряд. Если вы смотрите на этот объект с больших расстояний, то вы видите заряженную частицу, а на малых расстояниях происходит уничтожение взаимодействия. Таким образом, получается, что взаимодействие на малых расстояниях как бы отсутствует, а на больших – оно сильное.

Через пятнадцать лет это явление было переоткрыто в теории, которая описывала реальный мир. Оно получило название асимптотической свободы. Это одно из фундаментальных свойств природы, составляющая Стандартной модели. Алешина работа была опубликована в «ЖЭТФ» и, естественно, вызвала отрицательную реакцию Ландау и др. Решили, что работа ошибочная, но, как принято у профессионалов, ее проверили и признали правильной. Это было смело для молодого человека – выйти с выводами, противоположными идеям главной школы теоретической физики. Алеша это сделал и вышел победителем. Это создало ему имя и репутацию в школе Ландау. К нему стали относиться с уважением и осторожностью: неизвестно, что он еще придумает. Но, к сожалению, его работа касалась частной модели, и реакция основной группы физиков была: да, это правильный, интересный пример, но это все-таки частный пример. А вот примеров, описывающих природные явления, быть не может, и в результате теория поля продолжала считаться патологической наукой, несмотря на эту работу. Эта точка зрения существовала вплоть до 1973 года, когда тождественное явление было открыто в реальности. Это был переворот: теория поля стала центральной наукой.

Алеша занимался многими вещами. Интересовался он и проблемами взаимодействия при очень высоких энергиях. В Ленинграде, где он работал, возникла целая школа под руководством В. Н. Грибова, занимавшаяся изучением взаимодействия при высоких энергиях. Они разработали мощный аппарат, и никто в этой области не мог с ними сравниться. Но проблема, однако, заключалась в том, что большинство

представителей этой школы слишком абсолютизировали свои успехи. Это естественное человеческое желание: когда есть успешный результат, сказать, что этот успех универсален, то есть распространяется за те пределы, где он был установлен. Многие представители ленинградской школы были крайне нетерпимы к теории поля, кроме Алеши, у которого был здравый смысл и интуиция. Теория поля между тем продолжала развиваться. Я помню, он мне очень облегчил жизнь, так как я в то время как раз занимался теорией поля. Мои занятия рассматривались главными представителями этой школы физиков как патология. Хотя Алеша был ее представителем, широта его взглядов, интуиция и опыт его работы подсказывали ему, что тут что-то есть. Благодаря Алеше мои работы были опубликованы. В этом смысле он сыграл положительную роль в советской физике.

Алеша в правильный момент почувствовал, что область, которой занималась ленинградская школа, исчерпала себя, надо переключиться на что-то другое, что он и сделал. В семидесятые годы он придумал много остроумных вещей, на которых я не буду останавливаться. Скажу только о последней его идее, которая относится к сильному взаимодействию элементарных частиц. При столкновении элементарных частиц обычно рождаются другие частицы. Вы сталкиваете протоны, а появляются другие протоны, пи-мезоны, целая каша из частиц. Идея Алеши заключалась в том, что при столкновении может возникнуть нечто другое, что не является частицей, – сгусток пи-мезонного поля. Дело в том, что в квантовой теории поля есть двойственность: с каждой частицей связано поле, мы наблюдаем либо частицу, либо поле. Но обычные поля не рождаются как частицы – они занимают все пространство. Алеша обнаружил, что в случае с пи-мезонами существуют объекты, которые являются сгустками, – пи-мезонные поля. Этот совершенно новый объект был им предсказан. Готовится целая группа экспериментов, где это явление будет проверено. Возможно, в ближайшие десять лет. Главная сила Алеши была в правильной картине мира, он обладал здравым смыслом. Здравый смысл – это и есть наличие правильной картины мира, то есть интуиции. Он точно предсказывал, что может получиться. Я думаю, есть хорошие шансы, что его изобретение в природе существует.

В физике есть целый спектр специализаций физиков-теоретиков. Одни приближаются к математике в том смысле, что их интересуют какие-то математические структуры, другие, на другом конце спектра, занимаются обработкой экспериментальных данных. Есть теоретики, которые занимаются чистой теорией и придумывают общие кон-

струкции. Критерием этих конструкций является логическая согласованность и более туманная вещь – красота конструкции. Их работы не имеют конкретной связи с экспериментом. Есть теоретики, которые тесно работают с экспериментаторами и придумывают временные модели, такие «строительные леса», для объяснения наблюдаемого эксперимента. Их работы с точки зрения вечности не имеют значения для теории. Алеша работал посередине: он понимал и теоретиков, и экспериментаторов, был связующим звеном между ними. Его работы удовлетворяли, с одной стороны, критериям хорошей теории, с другой – почти все они содержали предсказания или интерпретацию известных результатов.

Мы путешествовали с ним на байдарке. Алеша любил собирать грибы, а мне лень было. Это были совершенно незабываемые дни! Какая-нибудь замечательная речка, мы с ним плывем и разговариваем то на общие философские темы, то обсуждаем обоснование квантовой механики. Это не физика, а такая интеллектуальная игра. Надо было найти правильные слова, чтобы объяснить довольно странную логику квантовой механики. Это было блаженство! Алеша был замечательным собеседником, он не только сам говорил, но и меня стимулировал в разговоре. Это примерно то же ощущение, когда играешь с хорошим партнером в теннис – сам играешь лучше.

А еще мы говорили с ним о будущем физики. Мы сходились с ним в том, что физику ждут серьезные сюрпризы, потому что эксперименты будут вестись с другими энергиями. Стандартная модель элементарных частиц – это огромное достижение науки, но она отнюдь не все объясняет. Она объясняет все, на что претендует, но она не претендует на объяснение, что происходит при высоких энергиях, что такое время, как возникла Вселенная, что происходит с черными дырами. Эти вопросы не для рамок Стандартной модели. Такое впечатление, что теперь физика достигла такого уровня, что она может ставить вопросы о природе времени, о природе пространства, о природе причинности. Ответы на эти вопросы будут получены в будущем и окажутся такими же простыми и ясными, как, например, ясен и убедителен сегодня ответ на вопрос, что такое теплота – движение молекул. С такой же ясностью и убедительностью мы в будущем сможем ответить на вопрос, что происходит внутри черных дыр, где пространство и время сильно деформируются, и ясно, что для этого физика сейчас создает совершенно новый язык. Физика сегодня стоит на пороге перемен...

В последние годы Алеша написал несколько работ философского характера. Это, скорее всего, была дань популяризаторству. Ему

хотелось донести до неспециалистов чувство загадочности природы, он хотел рассказать, что многие из этих загадок разрешаются совсем неожиданным образом, не каким-то примитивным, а таким, который затрагивает проблемы теории относительности. Алеша пытался показать, насколько красивы и грандиозны эти концепции. Думаю, ему это удалось. У него был хороший литературный стиль. Алеша был в значительной степени человек гуманитарный, мне нравилось, что он писал. Этими статьями он боролся и с невежеством. Здесь имеются две проблемы: одна – социальная – как уберечь общество от фатального впадения в невежество, которое может повлиять на общее развитие науки. Например, сенаторы закрыли суперколлайдер, а могут закрыть и всю науку. По этому вопросу все ученые единодушны. Но есть другая проблема, более тонкая, – неправильное направление в науке, которое завоевывает широкие научные круги. Эти круги отличаются особой нетерпимостью к другим направлениям в науке. Это особенно опасно для молодых ученых. Алеша же старался уменьшить степень общего невежества. Это очень полезное занятие.

Алеша был для меня в то время самый близкий человек. Мне тяжело говорить о его последних днях, держался он замечательно... Это невосполнимая потеря...

Мне было поручено предложить А. А. Ансельму стать директором нашего института

В. А. Назаренко,

д. ф.-м. н., академик РАН, директор ПИЯФ с 1994 по 2006 год

Я помню, как мы его уговаривали стать директором. У нас тогда была безвыходная ситуация. Это был 1992 год, когда у нашего директора А. А. Воробьева кончался срок полномочий, на который он был избран. Он решил не переизбираться на новый срок и уйти с должности директора института.

Мы – члены дирекции Н. К. Абросимов, К. А. Коноплев и я – были в сложном положении. Мы понимали, что в связи с тем, что шел финансовый обвал, бюджет института сократился в двадцать раз (это было начало экономического кризиса), институт ожидали не лучшие времена. Нам нужен был лидер, который имел бы широкие связи и в России,

и за рубежом, был бы признанным авторитетным человеком в научной среде. Алексей Ансельм, без сомнений, был таким человеком. Кроме того, его личные качества очень соответствовали этим требованиям: абсолютная честность, безусловное обаяние, интеллигентность, организаторские способности, опыт руководства Теоретическим отделом около пятнадцати лет и его профессиональный уровень. Он был физиком-теоретиком высочайшего уровня – все это позволяло надеяться, что именно он – тот лидер, который должен прийти в нужное место и в нужное время.

Мне было поручено предложить ему стать директором. Как сейчас вижу его бурную реакцию. Когда он услышал, что ему предлагается стать директором, он минут пятнадцать бегал по кабинету, взмахивал руками и хохотал... «Я – директор! – говорил он. – Да я же не знаю, что это такое! Да я не умею, да нет, конечно!» Наблюдать эту реакцию было весело. Потом я ему сказал: «Ты подумай пару недель. Ну ты пойми: у нас сейчас нет другого выхода. Все-таки это наш институт, и мы его должны сохранить. А это во многом зависит от того, кто станет во главе. Подумай».

Через две недели он пришел и сказал: «Если вы говорите, что нет другого варианта, давайте попробуем». Он понимал, что многим жертвует, но тем не менее он на это согласился. Кстати, его практически единогласно тайным голосованием избрали на эту должность шестьсот научных сотрудников нашего института.

Но через два года он ушел, потому что его профессиональная тяга к теоретической физике была сильнее. Директору в те годы (да, честно говоря, и сейчас) надо было заниматься хождением по кабинетам начальников с протянутой рукой и просить у всех, у кого есть деньги. Необходимо было добывать их любой ценой для сохранения института.

У Алексея была уйма приглашений из-за рубежа: то прочитать лекцию, то сделать совместную работу. Он как-то пришел ко мне и сказал: «Посмотри, вот одиннадцать приглашений!» Он понимал, что профессию ученого и работу директора совмещать трудно. Главное, что ему удалось сделать за это время, – это стабилизировать моральную атмосферу в институте, когда коллектив понял, что мы должны все вместе выбираться из этой ямы. Ему удалось также создать атмосферу сотрудничества, доброго отношения между лидерами разных подразделений нашего института.

Он был талантливый человек, а если человек талантлив, то его талант проявляется во всем.

Наше знакомство пережило несколько периодов

Е. Б. Александров,

д. ф.-м. н., профессор, академик РАН,

руководитель Лаборатории атомной радиоспектроскопии

ФТИ им. А. Ф. Иоффе РАН

Наши семьи составляли один круг. Мой дядя, Анатолий Петрович Александров, был ближайшим другом Андрея Ивановича Ансельма. Их дружба началась еще до войны, а продолжилась в Казани, куда он помог перебраться Ансельму из Елабуги вместе с семьей.

Алешка был старше меня на два года. Как известно, в раннем детстве это большая разница, но тем не менее я хорошо все помню. Я помню, мой отец с большим уважением относился к Андрею Ивановичу, который почему-то назывался Горолазом. Я думаю, потому что он участвовал в горных восхождениях. У этого поколения старших была принята система кличек. Мой отец назывался Бромойль, так как он занимался фотографией и использовал новый способ в фотографии, который позволял ему делать снимки, похожие на живопись.

Наше знакомство с Алешей пережило несколько периодов. Я хорошо помню период перед войной. Мне вспоминается такой эпизод. Дотраивалось здание Физико-технического института в Ленинграде. Строительство началось еще до войны, а после – продолжилось. На территории был огромный котлован с песком, в котором и происходили наши игры. Однажды туда завезли огромное количество силикатного белого кирпича, и в этом кирпиче старшие дети начали строить какие-то замки с высокими стенами. Конечно, они нас быстро обогнали в этом строительстве, но я снискал уважение Алеши, потому что решил строить не только вверх, но и вниз. Я стал вгрызаться в кирпичи все глубже и глубже. Дорылся до самой земли – получился глубокий колодец. После этого моего «строительства» я среди детской компании вошел в число уважаемых.

Потом мы с ним встретились в Казани во время войны. В тот период он мне казался недостижимым, очень умным, но, несмотря на несколько снисходительное отношение ко мне, Алеша с удовольствием со мной разговаривал. Ему было лет девять-десять, а мне, соответственно, семь. Я помню, что мальчик он был довольно хулиганистый. Мы с ним бегали наперегонки, он меня, конечно, во всем обгонял. Он тогда уже стал покуривать и, как все мальчишки военной поры, ругаться. Я ему выговаривал, что вот вернемся в Ленинград, милиционер тебя обязательно

на улице заберет, потому что в Ленинграде ругаться нельзя. Я был папенькиным сыночком.

После войны мы были с ним некоторое время в близких отношениях. У нас тогда возникла конкуренция. Я уже старался его превзойти, так как был достаточно амбициозен. Мы, как все мальчишки после войны, занимались сбором взрывчатых веществ и неразорвавшихся снарядов, которыми были наполнены окраины Ленинграда. Каждый из нас щеголял, сколько у него смертоносных находок и как он хорошо в них разбирается. Я помню, как на моих глазах Алеша разбирал гранату. Это были опасные игры.

Я был тогда постоянно под влиянием его обаяния, для меня он был неким образцом для подражания, предметом восхищения. Он прекрасно плавал брассом на большие расстояния. Я поставил своей целью научиться плавать не хуже Алеша и научился-таки. Он был образован, его хорошо учили дома, с малолетства знал английский язык, папа преподавал ему основы естествознания. Это была такая основательная европейская семья с очень внимательным отношением к детям. Мне всегда казалось, что это был образец хорошей семьи. В наших семьях порвалась связь времен, наши семьи были раскиданы, разорены революцией. Родителей не было постоянно дома, мы болтались на улице, занимались чем попало.

Когда мне было двенадцать лет, мы с Алешей расстались на довольно длительное время. Анатолия Петровича, моего дядю, который был связующим звеном между нашими семьями, перевели в Москву. Мы встретились опять после моих сорока лет. Он мне понравился гораздо больше, чем раньше. Тогда я чувствовал в нем некоторый снобизм и юношеский авантюризм. Теперь это был другой человек: трезвый, разумный, хорошо образованный, глубоко интересующийся своей профессией, совершенно моего склада ума. Мы сразу потянулись друг к другу и больше не расставались...

Мы с ним почти не работали вместе – сделали несколько совместных публикаций и один эксперимент по проверке гипотезы существования нового типа частиц, которые были им предсказаны. Результат был отрицательный. Можно сказать, что мы установили верхний предел несуществования этих частиц. Если бы результат был положительный, то работа была бы выдающаяся! Я его приглашал в свой институт в качестве лектора. Он снискал себе славу совершенно непревзойденного лектора, способного объяснить очень трудные для понимания вещи. Мы с ним занимались разными областями в физике. Он, по моему мнению, заоблачными проблемами – я в них плохо ориентировался.

Еще он показал себя прекрасным популяризатором. Я имею в виду его замечательную статью о времени. Кроме того, в своей популярной статье «Философия физики – философия XX века» он хотел объяснить, что каждый физик в определенном смысле и философ, который строит свою физическую философию, свою картину мира. Нам, людям, занимающимся точными науками, внешние навязанные философские концепции не нужны. Я признаю, что следующий век будет веком биологии. Но биология сейчас превращается в точную науку, по сути дела, это квантовая химия наследственного вещества, то есть это та же самая физика, имеющая дело с очень сложными объектами.

Сейчас многие ударились в религию. Мы с ним обсуждали божественную проблему. Могу сказать с полной определенностью: он был неверующий в самом глубинном смысле этого слова. Он был физик. Мы с ним не нуждались ни в каких богостроительных построениях. Нам это было не нужно. Мы считали, что это нам ничего не упростит. Только даст новый пласт сложности, в котором мы не нуждались.

Алеша был убежденный интернационалист, считал, что теоретическая физика – интернациональная наука, для развития которой необходимы контакты между учеными. Сам он был связан с Западом, часто приглашался для работы в западные университеты. Читал там лекции, участвовал в семинарах, работал. Ведь что такое работа физика-теоретика? Люди сидят за столом, а затем начинают пить кофе и громко спорить, потом снова каждый занимается своими бумагами. У Алеши была способность общаться с другими людьми, входить с ними в доверительный контакт. Я же – человек камерный. Благодаря Алеше я познакомился и с такими людьми: Александром Кушнером, Даниилом Александровичем Граниным и др.

Мне его очень не хватает, хотелось бы обсудить с ним последние научные идеи. Он бы в этом разобрался, объяснил мне, что они означают. Думаю, что эти идеи были бы ему тоже интересны...

Не могу не отметить его выдающуюся работу по проблеме нуль-заряда

Н. П. Попов,

д. ф.-м. н., профессор Мюнхенского университета им. Людвига – Максимилиана с 1992 по 2001 год

Я познакомился с Алешей в начале шестидесятых годов в Теоретическом отделе Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе (ФТИ), возглавляемом тогда профессором И. М. Шмушкевичем. Я был принят туда младшим научным сотрудником после окончания физико-механического факультета Ленинградского политехнического института. Вся моя дальнейшая судьба в физике была определена этим отделом и его филиалом в Гатчине, ставшим самостоятельным Ленинградским институтом ядерной физики (ЛИЯФ), а с 1992 года переименованным в ПИЯФ, когда Ленинград превратился в Санкт-Петербург.

После перевода Теоретического отдела ФТИ, занимавшегося физикой элементарных частиц и ядерной физикой, в Гатчину его руководителем стал Владимир Наумович Грибов. В восьмидесятых годах Грибов переехал в Москву, в Институт им. Ландау, и Алексей Андреевич Ансельм стал руководителем Теоретического отдела.

Я не возьму на себя смелость излагать творческую биографию А. А. Ансельма, без преувеличения выдающегося физика мирового уровня, так как о ней сказано много его российскими соратниками и также коллегами из разных стран. Могу отметить только наиболее полное изложение его биографии его учеником и соавтором Дмитрием Дьяконовым, преждевременно ушедшим из жизни, а также профессором Принстонского университета Александром Поляковым и другими в Wikipedia. Но не могу не отметить выдающуюся пионерскую работу Алеши в 1959 году, связанную с обсуждением проблемы нуль-заряда. Описанный им эффект был переоткрыт спустя пятнадцать лет американскими физиками и получил известное название асимптотической свободы. К сожалению, это не первый случай, когда пионерские работы советских физиков, в силу их известной изоляции в те годы, не получили широкого признания изначально, будучи позднее подтвержденными другими авторами. Тем не менее это было выдающееся открытие, сделанное Алешей Ансельмом. В дальнейшем Алешей вместе с его учениками и соавторами было выполнено очень много важных работ, связанных с модификацией Стандартной модели, позволивших в итоге оценить эти работы в рамках «научной школы Ансельма». Я не раз

обсуждал с Алешей свои результаты по исследованию слабых взаимодействий и атомной физики. Обсуждения всегда были очень полезными и, как всегда, доброжелательными с его стороны.

Хочу упомянуть и факт избрания А. А. Ансельма директором ПИЯФ в 1992 году, добровольно покинувшего этот пост спустя два года. Причиной, послужившей этому назначению, был, несомненно, его научный авторитет, но не только. Это, безусловно, его коммуникабельность, умение не только выслушивать собеседника, но и принимать его доводы к действию. Ввиду его доброжелательности, открытости ко всем, внутренней интеллигентности обращение к нему по имени превалировало над официальным «профессор А. А. Ансельм».

Девяностые годы в истории России, несмотря на их сложность, противоречивость, финансовую (включая и науку) неопределенность, в то же время сопровождались демократизацией страны, выдвигавшей наверх подчас лучших представителей интеллигенции. Именно на волне этого Алеша стал директором института.

Надо отметить его широкий кругозор не только в сфере науки, но и значительный интерес к культуре в целом. Его друзьями были многие прогрессивные писатели, поэты, драматурги, артисты и пр. В их число входили и поэт Александр Кушнер, артист Сергей Юрский, писатели Даниил Александрович Гранин, Фазиль Искандер, Яков Гордин, Александр Мелихов и др. В этом мои интересы с Алешей тоже совпадали. В школе я учился в одном классе с Сергеем Юрским и сохранил дружбу с ним и на дальнейшее время. Мне удалось познакомиться и общаться с Владимиром Высоцким, иногда иметь контакты с Беллой Ахмадулиной, с режиссером-документалистом Виноградовым и др. Осталась в памяти встреча с Владимиром Высоцким у меня дома. На этой встрече в числе гостей были также Алеша и его супруга Мила. Это были незабываемые годы как в научном плане, так и культурном, не повторившиеся потом.

Я не застал то время, когда Алеша был директором ПИЯФ, так как переехал в Германию и был принят на работу в Университет Мюнхена (Ludwig-Maximilians-Universität, LMU). Об Алешиной смерти в Бостоне 24 августа 1998 года меня известил наш коллега и друг, сотрудник Университета Джорджа Вашингтона Игорь Страковский. Он также переслал мне статью из лондонской газеты «Индепендент», подписанную Норманом Домби, с довольно полным описанием научной биографии Алеши, включая его первую поездку в Лондон по приглашению профессора Эллиота Лидера в Уэстфилд-колледж. Там же были описаны интересные выступления Алеши по физике на Би-би-си и, наконец, его

переезд в Бостон. Сообщение о смерти Алеши было для меня ударом, так как я ничего не знал о его болезни, будучи в Германии. Уход из жизни Алеши фактически завершил плеяду выдающихся физиков.

В заключение хочу отметить, что, несмотря на трудные условия научной изоляции, существовавшие продолжительное время в советской физике, ученым-физикам Владимиру Наумовичу Грибову, Владимиру Михайловичу Шехтеру и Алексею Андреевичу Ансельму удалось создать совершенно уникальный Отдел теоретической физики, подобия которому я не встречал нигде.

В течение трех месяцев нас радовало присутствие Алеши*

Эллиот Лидер,
почетный профессор Имперского колледжа Лондона

Летом 1967 года я переезжал из Кембриджа в Лондон, чтобы возглавить теоретическую группу Физического отделения Уэстфилд-колледжа Лондонского университета. Тем же летом на конференции по физике высоких энергий в Гейдельберге я слушал с большим интересом лекции по интереснейшим работам Володи Грибова и его коллег о новом подходе к теории упругих столкновений элементарных частиц при высоких энергиях. Особенно меня поразил замечательно ясный доклад молодого человека по имени Алеша Ансельм.

Несколько месяцев спустя, устроившись в Уэстфилд-колледже и поняв, что научная программа нашей группы близка работам Ансельма, я решил попытаться – успешно, как оказалось, – получить финансирование на его приезд, чтобы он мог провести некоторое время с нашей группой в Лондоне. У меня не было опыта крайней сложности при приглашении кого-либо из Советского Союза, но с помощью моего коллеги Владимира фон Шлиппе я прошел через все преграды, посылая приглашения сначала на имя директора института, затем на имя замдиректора, замзама, руководителя группы Алеши и, наконец, самому Алеше.

Несмотря на такое героическое усилие, приглашение, наверное, не увенчалось бы успехом, если бы не произошло вторжение в Чехосло-

* Печатается с сохранением авторской стилистики.

вакию в августе 1968 года, так как наступил короткий период, когда Советский Союз пытался показывать миру более человеческое лицо, и – чудесным образом – Алеша получил разрешение посетить Лондон, хотя и без жены Милы.

Итак, с октября 1968 года в течение трех прекрасных месяцев нас радовало присутствие Алеши с его эрудицией, очарованием и чувством юмора. Последнее еще усиливалось благодаря интересной смеси национальностей нашей группы: Владимир со сложным немецко-русским происхождением, армянин Тигран Чракян и Питер Уильямс из Южной Африки.

Эти три месяца прошли быстро, и с грустью мы поняли, что Алешино пребывание подходит к концу. Тогда мы решили устроить торжественный прощальный ужин накануне его отъезда. Выбрали ресторан «Джордж Инн», который с XVI века славится своей кухней и атмосферой. Сняли там отдельную комнату и заказали их самое знаменитое блюдо – запеченное баранье седло. Ужин был отменный, и выпито было достаточно. Затем теплое прощание с Алешей, и разошлись по домам. К утру я проснулся со страшной болью в желудке. Через несколько часов кое-как доплелся на работу и узнал от бледных коллег, что почти все испытали такие же неприятности. Тогда мы с ужасом представили себе, как бедный Алеша, совершенно больной, должен был в это утро лететь в самолете. Но ошиблись. Как мы узнали гораздо позже, Алеша нисколько не потерял от ужина и мирно и комфортно долетел домой.

Алешу я вновь увидел в 1989 году. Его много раз приглашали на конференции на Запад, но ему ни разу не разрешили выехать. (Он говорил, что его наказывают за его пребывание в Лондоне, но спустя много лет, когда он стал директором гатчинского института, выяснилось, что были более зловещие причины.) Я же в свою очередь не хотел ехать в Советский Союз по политическим причинам. Зато после реформ Горбачева мы стали видаться довольно регулярно, а в 1991 году я впервые посетил Санкт-Петербург.

Нет слов, чтобы описать гостеприимство Ансельмов. У них был «открытый дом» с утра до ночи, день за днем. Однажды, сидя в его кабинете, я спросил Алешу, сделал ли он за эти годы много попыток получить разрешение на выезд на конференцию на Запад. Он открыл ящик письменного стола и вынул что-то похожее на довольно толстый буклет. Это была анкета прошения на выезд, которую, по его словам, он тщетно заполнял регулярно год за годом. Меня не удивило, что анкета была полна глупейших вопросов, похожих на «Сколько раз за истекший год вы помогали старушке перейти через оживленную улицу?». Что спраши-

вались подробности о дедах и бабушках, меня тоже не удивило. Но запрос на последней странице приложить двадцать четыре фотографии мне показался непостижимым! «Представь себе, – сказал я Алеше, – что существует в Советском Союзе двадцать четыре офиса, которым делать нечего, кроме как заниматься твоей коротенькой поездкой на Запад».

Мы продолжали встречаться регулярно даже тогда, когда Алеше был поставлен диагноз «рак». Его мужество и оптимизм были исключительными. До самого конца он не поддавался унынию. Он продолжал плодотворно работать, и совместно с Лешеком Лукашук и Андреем Иогансеном мы опубликовали статью о распаде пионов на виртуальные фотоны. Позже Лукашук, Иогансен и я посвятили памяти Алеши статью под названием «Контурные калибровки, канонический формализм и алгебры потоков».

Уход Алеши – огромная утрата. Память о нем сохранится на много, много лет.

Будто недавно только попрощались

В. Б. фон Шлиппе,

д. ф.-м. н., профессор,

ведущий научный сотрудник ПИЯФ с 1997 по 2011 год

С Алексеем Андреевичем Ансельмом судьба свела меня осенью 1968 года. Летом до этого он был на Международной конференции по физике элементарных частиц в Гейдельберге, там познакомился с Эллиотом Лидером. Эллиот тогда был главой теоретической группы Уэстфилд-колледжа, где я работал, а его научные интересы были близки интересам Алеши. Ровесники, молодые, но уже создавшие себе известность в науке, они понравились друг другу, и Эллиот пригласил Алешу на несколько месяцев в Лондон.

Моя первая встреча с Алешей состоялась в аэропорту. Эллиот, который, конечно, хотел сам встретить Алешу, не смог из-за неотложных дел и попросил меня. Я написал на листе бумаги “Prof. Anselm” и стоял у выхода, не очень представляя себе, кто же появится. И вдруг один из прибывших пассажиров направляется прямо ко мне и по-английски, хотя и с заметным русским акцентом, заявляет, что он и есть профессор Ансельм, а я отвечаю по-русски: «Добро пожаловать!» Пошли

к моей машине, и я его отвез в колледж, где ему была приготовлена комната. О чем по дороге говорили – по-русски, конечно, – я не помню, но уверен, что никаких щекотливых тем мы не затрагивали. Только значительно позже, когда в эпоху перестройки мы снова повстречались и подружились, он как-то мне сознался, что на мое обращение к нему на русском языке при встрече в аэропорту подумал: «Ну, попался!» Ведь при разговоре с гэбэшником перед поездкой тот ему строго наказал избегать контактов с русскими, дабы не напороться на провокацию.

Теоретическая группа у нас была небольшая. Кроме Эллиота и меня в нее входили еще один доцент, два или три постдока (недавно защитившиеся кандидаты) и несколько аспирантов. Общение было интенсивное, и Алеша сходу занял ведущее место в группе, часто рассказывал нам у доски о своих работах и последних разработках всемирно известной группы теоретиков Грибова. С одним из постдоков, Граамом Уинбоу, недавно защитившимся в Кембридже, у Алеши сложилось особенно тесное сотрудничество и была написана совместная работа.

Рядом с этими достаточно напряженными занятиями шла обычная жизнь, и Алеша, в силу своей личности, вносил яркий свет и в нее. Прекрасно владея английским языком, он свободно общался со всеми членами колледжа и был желанным собеседником профессоров и доцентов не только по естественным, но и по гуманитарным наукам. Такое ежедневное общение – утром, в обед и в послеобеденный перерыв – происходило в SCR (Senior Common Room), преподавательском помещении с клубной обстановкой, куда ходили пить чай да кофе.

Осенний семестр в английских университетах длится до середины декабря, то есть до разъезда студентов на рождественские каникулы. А в последние недели до этого устраиваются парти – вечеринки с угощением, вином, зачастую и с танцами. Алеша с величайшим удовольствием участвовал во всех этих мероприятиях и как магнит привлекал к себе самых интересных собеседников. Особенно ему благоволили пожилые дамы – профессора по английской литературе и истории, которые восторгались Алешиными знаниями этих предметов.

Благодаря его научной репутации Алешу стали приглашать читать доклады во все английские университеты, где занимались физикой элементарных частиц. Часто такие поездки были с ночевкой: это давало возможность потчевать гостя торжественным ужином и продлевать общение с ним. Так было и в Кембридже, где Алеше предоставили комнату с видом на окна квартиры, в которой некогда жил Ньютон. Утром за ним пришел профессор Джон Полкинхорн, который в те дни занимал Ньютонову кафедру. После завтрака Полкинхорн попросил гостя

на прощание расписаться в книге посетителей колледжа. Алеша приметил, что некоторые его предшественники расписывались со всеми званиями, а иные – скромнее, одной только фамилией. С них Алеша и решил взять пример и расписался как Ансельм. Но тут Джон с мягкой улыбкой заметил, что так он будет подписываться, став английским лордом, а пока все-таки полагается со званиями.

Сразу после Нового года английские теоретики по физике элементарных частиц собираются на ежегодную конференцию в Лаборатории им. Резерфорда. Конечно, в новом, 1969 году Алеша принял в ней участие. К тому времени он уже был лично знаком со многими английскими физиками. Поэтому, когда мы с ним приехали в лабораторию и зашли в зал заседаний, он сразу же стал радостно здороваться со многими участниками. При виде одного из коллег Алеша вдруг изменился в лице. Коллега был из Чехословакии – Павел Винтерниц. Совсем еще свежи были августовские события 1968 года, и Алеша явно смутился, не зная, как Павел к нему отнесется. Но задерживаться не стал, а стремительно к нему подошел, и я к своему облегчению увидел, что Павел его встретил самой радостной, дружелюбной улыбкой, и оба в течение всей конференции много друг с другом беседовали.

Политические разговоры я Алеше не навязывал – мы и без слов друг друга понимали. Вместе с тем мне и незачем было скрывать от него, что Ирина, моя жена, – сотрудник Русской службы Би-би-си и вещает под авторским псевдонимом Наташа Мельникова. По вечерам я обычно заезжал за ней в Буш-хаус – ее место работы в десяти минутах от Трафальгарской площади, то есть в самом центре Лондона. А Алеша любил по вечерам гулять по этим центральным улицам, по набережной Темзы, по Пикадилли и Лестер-скверу, через мост Ватерлоо, так что было естественно, что он со мной ехал на машине и, конечно, встречался с Ириной. Как-то был в разговоре упомянут Анатолий Максимович Гольдберг, политический комментатор Би-би-си, чье имя достаточно хорошо было известно Алеше. На вопрос, заданный на улице перед Буш-хаусом, не хочет ли он познакомиться с Анатолием Максимовичем, он все-таки ответил отказом. А лет двадцать спустя Алеша, когда бывал в Лондоне, обязательно шел в Буш-хаус и оттуда вещал на всю Россию новости науки в популярном изложении. Это уже была другая эпоха.

Когда Алеше пора было возвращаться домой, наша теоретическая группа устроила в его честь прощальный ужин. Конечно, это был ужин дружеский, неформальный, так что разговоры шли сумбурные, когда каждому нужно высказаться и никто не склонен слушать. Но Эллиот все-таки хотел под конец сказать прощальное слово так, чтобы оно

не утонуло в гомоне голосов, и, постучав ножом о фужер, попросил внимания. Все притихли, только Алеша непременно еще должен был что-то доформулировать, и Эллиот уже прямо к нему обратился с просьбой послушать. На что Алеша, не переводя дыхания, заявил: «Я нахожусь в свободной стране и могу говорить что хочу и когда хочу!» Все, конечно, дружно рассмеялись, а затем выслушали с должным вниманием прощальное слово Эллиота. А я где-то внутри почувствовал щемящую боль за Алешу, подумав, что уже завтра он будет там, где не очень-то поговоришь когда захочешь и о чем захочешь...

В следующие пятнадцать лет Алеша оказался невыездным. В восемьдесят четвертом году мне передали привет от него из Франции, где он навестил своего дядюшку, брата его покойного отца, который эмигрировал во время революции. Так я узнал, что Алеша меня помнит. А когда в восемьдесят девятом я решил, что перестройка прочно изменила климат, чтобы съездить в Россию, то спросил его, можно ли будет навестить его в Питере. Интернета тогда еще не было, но с помощью телетайпов мы смогли договориться и в начале апреля встретились на Московском вокзале. Встретились, будто недавно только попрощались. Потом мы виделись по несколько раз в год, подружились семьями, гостили друг у друга в Петербурге и в Лондоне. Чем ближе я с ним знакомился, чем лучше его узнавал, тем больше меня поражали его обширные знания не только науки, но и литературы и искусства, его любовь к поэзии. Мало я встречал людей, у кого все это в такой мере было неотъемлемой частью своего Я.

Когда мне предстояло выйти на пенсию, Алеша предложил мне переехать в Петербург, поработать в Теоретическом отделе ПИЯФ. Мы мечтали о том, как будем вместе кататься на машине по России. Эти поездки не сбылись из-за его болезни. Но он продолжал работать и ездить в заграничные командировки. Помню, как Алеша остановился в Лондоне проездом из Италии, где он читал лекции на Международной летней школе для молодых физиков. От терапии у него лопались губы, кровоточили десны. Но я не слышал от него ни единого слова жалобы. Алеша увлеченно рассказывал обо всем увиденном и услышанном, об интересных докладах и красивых видах, и его живые, образные описания запомнились мне с такой яркостью, будто я сам там побывал. Только Ирине, моей жене, он однажды с глубокой тоской сказал, что хотел бы еще пожить.

Под самый конец, осознавая близость смерти, Алеша опубликовал в журнале «Звезда» статью, в которой изложил философское обобщение своего видения современной науки. Это его научное завещание заживает того, чтобы его знали все, кому дорога наука.

С Алешей всегда было радостно и интересно, он создавал интеллектуальную атмосферу

Норман Домби,
почетный профессор Университета Сассекса

Я познакомился с Алешей случайно ранним летом 1989 года. Я зашел к Эллиоту Лидеру в Биркбек-колледж в Лондоне, чтобы пригласить его в Брайтон, где в июне в Сассекском университете должна была состояться церемония вручения Андрею Сахарову степени почетного доктора наук. Это был первый и единственный раз, когда Сахаров посетил Британию. Мы только что узнали от британского посольства в Москве, что Сахарову разрешили приехать, и надо было собрать представительную аудиторию для этого события. Поэтому физики Сассекского университета пригласили друзей-физиков из других университетов. В кабинете Эллиота я и встретил Алешу и Володю Грибова, которые оба гостили этим летом в Биркбек-колледже: они тоже получили приглашение на церемонию вручения Сахарову почетной докторской степени в июне 1989 года.

Это было первое из многих Алешиных посещений Сассекса. Он разделял многие наши интересы в области физики: вариации Стандартной модели электрослабой теории, свойства частицы Хиггса и связь между свойствами элементарных частиц и распределением галактик в космологии. На самом деле, в одной из наиболее известных поздних работ Алеши о рождении классических пионных полей в столкновениях тяжелых ионов (*Phys. Lett. B.* 1991. V. 266. P. 482–484) он указал Сассекс как свой адрес. Мы с ним сотрудничали только в двух работах: одна, совместно с Эллиотом Лидером, – о вкладе аномалии в массу Z_0 -бозона (*Phys. Lett. B.* 1993. V. 312. P. 232–234), а другая, во время его последнего визита в Сассекс незадолго до смерти, – о том, как дать релятивистское описание связанным состояниям фермионов с обменом псевдоскалярных частиц (*J. Phys. G.* 1999. V. 25. P. 513–523). Но мы порознь работали над моделями составных кварков и калибровочных бозонов, над расчетом дипольного момента нейтрона и над моделью Кобаяши – Маскавы с четырьмя поколениями кварков.

Алеша и его жена Мила чувствовали себя в Британии как дома. Они с удовольствием ходили в английские пивные – пабы и в театр. Им нравились английская природа, книги, литературные интересы британцев. Когда Алеша приезжал к нам в Сассекс, то обязательно надо было найти в окрестности традиционный паб с хорошим пивом из боч-

ки вместо газированной жидкости, которую пьют в других странах. (А мне полагалось завестись к его приезду хорошим солодовым виски.) Мила и Алеша гостили у нас в доме, который мы снимали в Дартмуре летом 1995 года (они этот дом называли «наша английская дача»), где останавливалась тоже моя теща Джанет Адам Смит – литературный критик и редактор поэм Роберта Льюиса Стивенсона. Мила и Алеша произвели на нас большое впечатление, продекламировав наизусть балладу Стивенсона «Вересковое пиво»:

From the bonny bells of heather
They brewed a drink long-syne,
Was sweeter far than honey,
Was stronger far than wine.

Как Алеша сам сказал Всемирной службе Би-би-си в 1991 году: *«Когда я впервые оказался в Лондоне в 1968 году, я немедленно почувствовал себя как у себя дома, потому что я понимал точку зрения моих британских коллег, а они понимали мою. Это происходило не только от общности профессиональных интересов: наше видение окружающего мира было очень похожим. Поэтому я должен сознаться, что мне часто бывает легче найти общий язык с моими британскими коллегами, чем с моими соотечественниками. До недавнего времени такое признание было бы ужасной ересью, но я думаю, что это вовсе не плохо! Потому что эта солидарность основана на общности подхода к миру, а солидарность на основе интеллектуальных интересов – шаг вперед по сравнению с солидарностью, основанной на проживании в том же месте».*

Алеша рассказывал о своем первом приезде в Британию осенью 1968 года по приглашению Эллиота Лидера. Это было сразу после вторжения в Чехословакию, из-за которого многие приглашения официальным советским лицам в западные институты были отменены. Когда выяснилось, что Лидер не отменил свое приглашение, Алеше впервые выдали заграничный паспорт. Но прежде чем получить разрешение на выезд, его вызвали в КГБ. «Что бы вы сказали, если бы вас спросил британец о вторжении?» – спросил его сотрудник органов. Алеша в свою очередь спросил: «А что вы советуете сказать?» И оказалось, что представителю интеллигенции разрешено было высказывать сомнения.

С Алешей всегда было радостно и интересно, тем более что он всегда создавал интеллектуально стимулирующую атмосферу. Всем его британским друзьям его очень не хватает.

Он был моим крестным отцом

Ю. Л. Докшицер,

к. ф.-м. н., ведущий научный сотрудник ПИЯФ

Я часто вспоминаю Алексея Андреевича. Для меня он был, что называется, крестным отцом. За глаза мы – его ученики – называли его Алеша. Я последнее время взял и перешел с ним на «вы».

Да, он был моим крестным отцом... Без него мне не видать нашего института как своих ушей.

Когда я поступил в аспирантуру, мне руководителем назначили В. Н. Грибова. Он был учитель великий, но суровый. В результате в течение первых двух лет я так и не определился, чем же хочу заниматься. Все никак не мог себя найти. Но вот моя аспирантура подходит к концу. Я понимал, что меня скоро вышибут из нее. И тут мне в качестве спасательного круга предложили в руководители Алексея Андреевича, который, как мне говорили, быстренько придумает задачку, которой надо заняться. Ему пришла мысль, что я должен повторить некоторые вычисления (теперь это называется теорией сильных взаимодействий), которые наши корифеи, В. Н. Грибов и Л. Н. Липатов, сделали несколько лет назад, но теперь сделать это в более простой и понятной форме. Алексей Андреевич спросил у В. Н. Грибова: «Можно ли такую задачу дать аспиранту?» Грибов ответил: «Нет, это невозможно!» Он спросил Л. Н. Липатова. Лев Николаевич ответил: «Там нечего делать!» Тогда Алексей Андреевич понял, что это именно то что надо для диссертации.

Я стал работать над этой темой, и мы начали часто общаться. Я познакомился с его семьей, я помню его родителей, которые представляли ярчайший образец настоящей интеллигентности, – все это оставило глубокий след на всю мою жизнь. Меня ранили всякие истории, связанные с моей «неправильной» национальностью, Алексей Андреевич всегда приходил на помощь в самых трудных ситуациях.

Надо сказать, что наши научные интересы очень быстро разошлись. Направление, которым я начал заниматься, у меня как-то хорошо пошло, и я остался сам по себе.

Наша последняя встреча на Зимней школе запомнилась как поразительный пример жизнелюбия и жизнестойкости. Зная ситуацию со своим здоровьем, Алексей Андреевич тем не менее был полон оптимизма. О своей проблеме говорил так: «В России есть одно лекарство, которое может человека в течение двух лет поддержать в приличном состоянии.

В Америке есть два лекарства. Вот пошел четвертый год, как я держусь. Может быть, придумают третье?» Похоже, не успели...

Он прекрасно понимал свое положение, но тем не менее искрился юмором, счастьем, смеялся над своим внешним видом. У него была особая жизненная школа. Да, преподавал он нам урок напоследок!

Для меня Алексей Андреевич – Учитель, который научил меня жить

А. А. Иогансен,

к. ф.-м. н., научный сотрудник ПИЯФ с 1981 по 2003 год

Я был, наверное, последним учеником Алексея Андреевича, и история, как я стал его учеником, – довольно своеобразная и ярко характеризует его личность.

Это было в конце семидесятых годов. Я был студентом матмеха, но хотел заниматься теоретической физикой. Это был трудный момент в моей жизни, потому что я потратил много энергии и сил, чтобы перевестись на физфак... И все же я окончил матмех, но попал в ученики к Алексею Андреевичу, в аспирантуру. Я сдал теорминимум и ждал, когда же произойдет знаменательный поворот в моей судьбе, когда я стану сотрудником Ленинградского института ядерной физики. Алексей Андреевич помог мне получить шанс стать аспирантом. Этот шанс я благополучно упустил, завалив экзамен по истории КПСС.

Через несколько месяцев, это было лето 1981 года, мы уже с Алексеем Андреевичем регулярно встречались и делали науку вместе. Както я приезжаю к нему домой, а он говорит: «Я тебя поздравляю!» Самое интересное то, что за несколько дней до этого я женился. Я отвечаю: «Спасибо!» Алексей Андреевич был очень удивлен, что я говорю спасибо, хотя не знаю ситуации. Оказалось, что примерно в это же время, когда я женился, Алексею Андреевичу удалось для меня добыть место в Теоротделе института. Со стороны Учителя это потребовало немалых усилий. Он мне потом рассказывал, как он начальству клялся, что я не еврей. Действительно, я не еврей. У меня датская фамилия... В то время это было непросто, а он вступился за меня и повлиял на ситуацию таким образом, что меня взяли. По его мнению, свой экзамен в аспирантуру я провалил по той же причине, но там некому было всту-

питься. Преподаватель-историк считал, что я еврей и что с такой нехорошей фамилией человек не должен идти в науку.

Нам легко работалось вместе и нам было приятно встречаться вне работы. Мне было комфортно с ним. Как настоящий интеллигент, он говорил с другим человеком на его языке, и тот не чувствовал разницы. Так было и со мной.

Алексей Андреевич – потомственный ученый, а мои папа и мама были инженерами. Он вводил меня в мир науки, который отличался от всего, что происходило вокруг. Он широко смотрел на мир – этому он учил и меня. Он умел прощать мне какие-то глупости, понимая отношение к людям и лично ко мне. Только сейчас я с гораздо большей ясностью понимаю, что значило для меня добытое им место физика-теоретика и какую роль это обстоятельство сыграло в моей жизни.

Я восхищался его мужеством. Я видел его за несколько недель до того, как ему стало совсем плохо. Мы встречались, по-моему, даже выпивали. Он потрясающе держался. Могу сказать про себя: в какой-то момент жизни проигрываешь разные сценарии – мог бы я себя вести так, как вел себя Алексей Андреевич? Не знаю, не уверен. Он, конечно, жил, осознавая, что ему отпущено очень мало времени, а вел себя как ни в чем не бывало, как нормальный человек. Это потрясало. Он занимался наукой, он писал статьи. Мы с ним беседовали, спорили и ругались на равных, как это принято у физиков-теоретиков.

Учитель написал совершенно замечательную популярную статью о теории относительности. Это была не только популярная статья – попытка удара по мракобесию в нестабильном обществе, в нашей стране. Мой сын, которому было тогда шестнадцать лет, прочитал ее и с удовольствием спорил с ним, а Алексей Андреевич задавал вопросы.

По прошествии времени невольно оцениваешь, какое место заняли те, кто ушел от нас... Но по каким критериям мерить? Есть люди, которые сделали одну-две работы и которые перевернули основополагающие представления в физике. Другие написали очень много работ. Алексей Андреевич написал много работ, и многие были выдающимися. Скажем, есть гении – Ньютон, Эйнштейн. Алексей Андреевич не был Эйнштейном, что тут поделаешь. Но главное в деятельности Учителя не то, насколько выдающиеся его работы, а то, какое влияние он оказывал на физику. Он был активен. Он участвовал в процессе развития физики, понимания того, как устроена природа. Во времена, когда творил Алексей Андреевич, возможность сделать великие от-

крытия сильно уменьшилась. Быть может, было важнее формировать движение физики в правильном направлении, осознавая, чего же мы хотим.

Для меня Алексей Андреевич – мой Учитель, который научил меня жить...

Его имя в нашей семье святое

Н. Н. Николаев,

д. ф.-м. н., главный научный сотрудник ИТФ им. Л. Д. Ландау РАН

По сравнению с учениками, сотрудниками и петербургскими друзьями Алеша, я – удаленный наблюдатель. И только потому, что в опыте моего общения с Алешей и Милой Ансельм есть по-своему уникальные штрихи и его имя в нашей семье святое, я решаюсь рассказать об одном из них.

Весна 1972 года. Мы с женой – аспиранты второго года в Институте теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ). Нашим близнецам по три года. Снимаем квартиру в Москве. Мой научный руководитель, Лев Борисович Окунь, ныне академик, устроил мне полставки в ИТЭФ и реферирование в ВИНТИ, но денег катастрофически не хватает. Родители нам помогать не в состоянии, и долги растут. Часть долгов надо именно сейчас вернуть, хуже того, хозяева квартиры возвращаются в Москву с Севера – надо переезжать на новую квартиру и заплатить вперед за год. Кредиторы в Москве исчерпаны. Что делать?

В то время в Ленинградском институте ядерной физики (ЛИЯФ) я не был ни разу, но Алексей Андреевич Ансельм у нас в ИТЭФ бывал с докладами на семинарах несколько раз в год, в общей толпе слушателей мог меня и видеть. Может, мы даже и несколькими фразами обменялись, может, я даже рискнул задать великому ученому пару вопросов. Не более того, но было в Алексее Андреевиче что-то такое, что позволило мне броситься именно к нему с мольбой: «Выручите!»

И я не ошибся! А нужно мне было для спасения ни много ни мало две с половиной тысячи рублей (для справки: по тому времени это была почти двухгодичная зарплата младшего научного сотрудника или же половина стоимости трехкомнатной кооперативной квартиры), притом

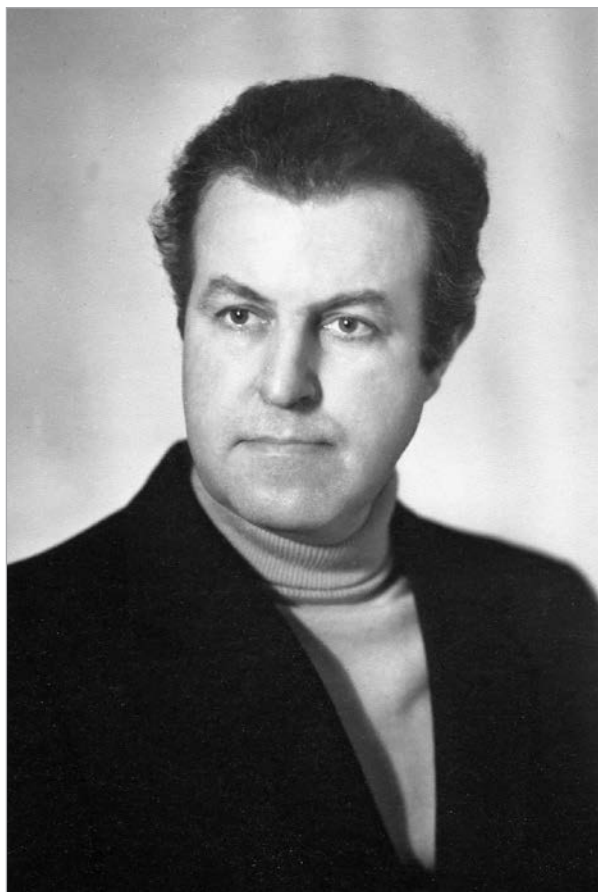
с совершенно сомнительными шансами этот долг в разумное время вернуть.

Алеша выслушал по телефону мои сбивчивые пояснения – я был для него полужнакомым аспирантом второго года в Москве, с неясными перспективами на будущее, пусть даже близкого друга Л. Б. Окуня, – и сказал просто: «Сам я столько дать не могу, но перезвони через часок». И через час: «Приезжай послезавтра». И продиктовал адрес, где они в то время жили, на Маяковской, и приказал с поезда идти к ним завтракать (что я делал впоследствии в каждый свой приезд в Ленинград). Так я познакомился с Милой и с Алешей, так попал в первый раз в ЛИЯФ. Получил я свой кредит со словами: «Если сможешь, то вернешь».

Смог вернуть только через шесть лет, в 1978 году. Алеша отказался говорить, у кого он собрал эту сумму, – если кто из читателей узнает себя, низкий мой ему поклон.

Наша с Алешей последняя встреча была в Юлихе, куда он приезжал в качестве директора своего института.

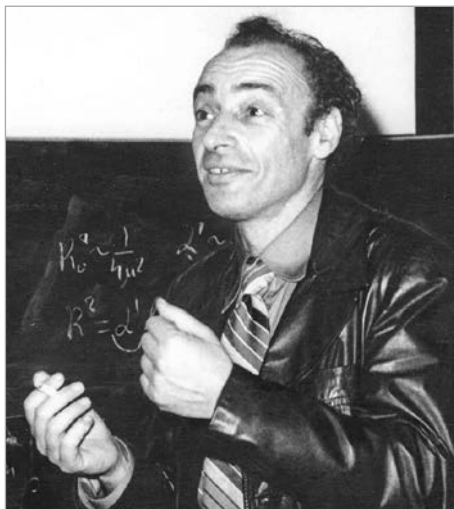
В Германии сейчас в большой моде своего рода тимуровское движение – общества взаимопомощи, но с немецким учетом оказанных услуг, измеряемых в «талантах», большие общества для этого держат счетоводов на зарплате. Мои рассказы об Алеше у зарубежных коллег понимания не вызвали – даже для близкого друга никто из немцев не стал бы рисковать и парой месячных вкладов.

Профессор А. А. Ансельм – директор Петербургского института
ядерной физики им. Б. П. Константинова РАН (1992–1994)

Заседание Ученого совета (1971)

В. Н. Грибов

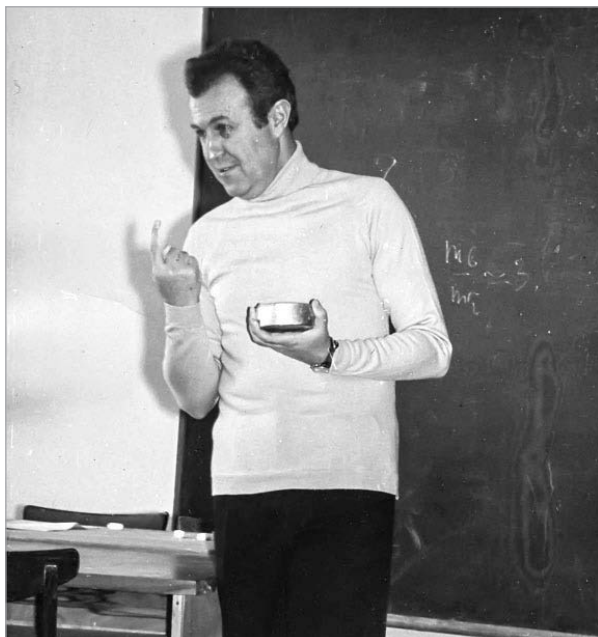
В. М. Шехтер

Семинар Теоротдела. В первом ряду (слева направо): Я. И. Азимов,
Р. М. Рындин, Г. С. Данилов, Д. И. Дьяконов, А. А. Ансельм

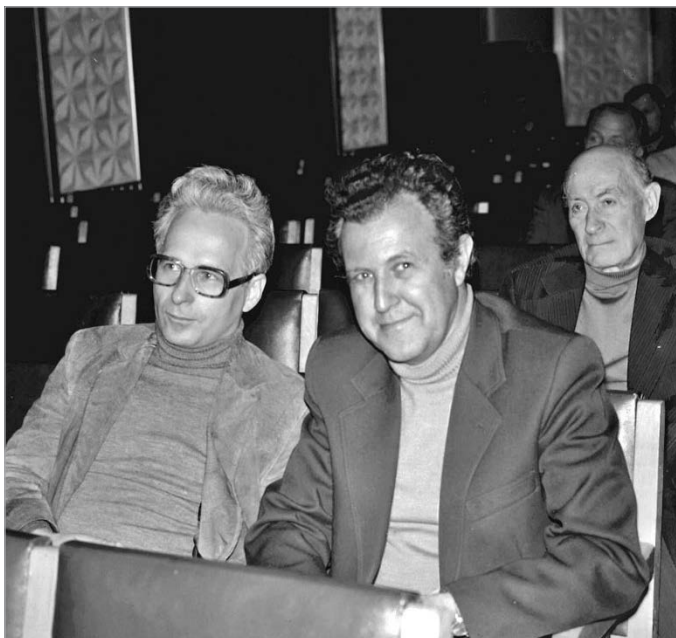
Торжественное собрание, посвященное 20-летию
Лаборатории физики высоких энергий (1985)

На семинаре Теоротдела (80-е годы)

Академик Е. Б. Александров

В. А. Назаренко и А. А. Ансельм

Конференция с участием немецкой делегации (1993)

Международная конференция по физике высоких энергий.
Первый ряд (слева направо): Ю. Нири, А. А. Ансельм, А. Мюллер (90-е годы)

Н. П. Попов

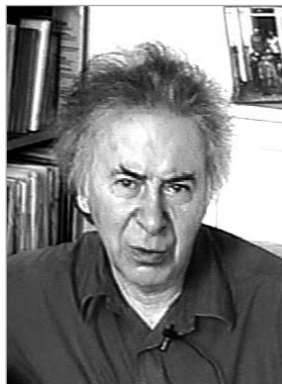
Д. И. Дьяконов

А. А. Мигдал

В. Б. фон Шлиппе

Н. Домби

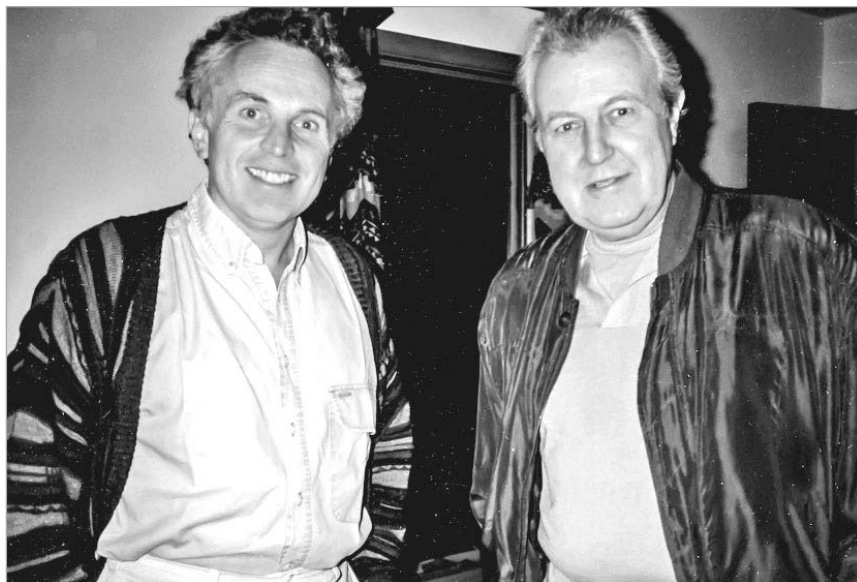
А. А. Иогансен

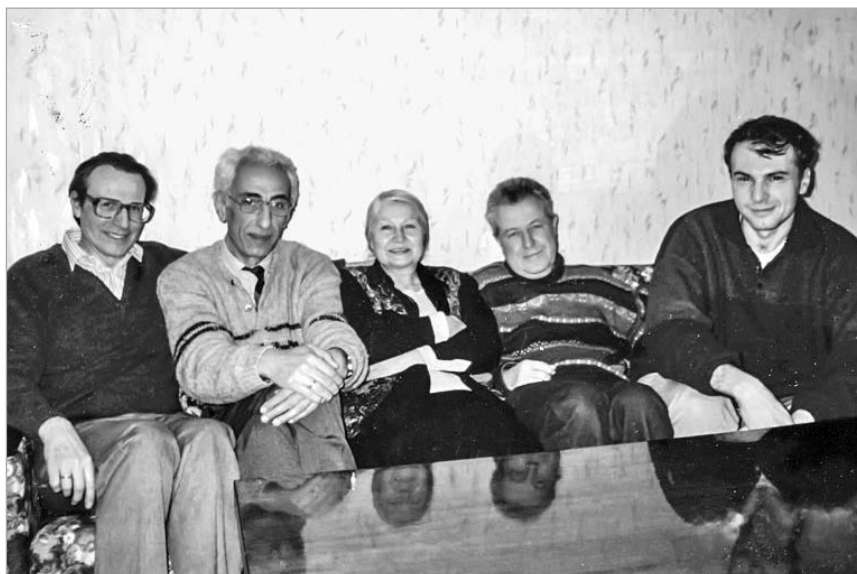
Ю. Л. Докшицер

Э. Лидер и А. А. Ансельм (США)

А. М. Поляков и А. А. Ансельм (Принстон, США)

На Зимней школе ПИЯФ. Слева направо: В. Б. фон Шлиппе, Дж. Л. Чкареули, супруги Ансельм, З. Г. Бережiani

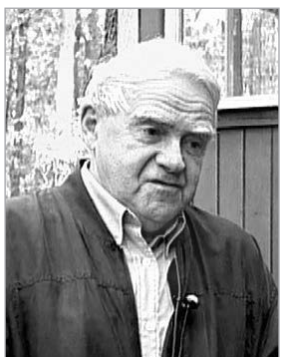
А. Г. Раппапорт

Г. Р. Доброва

Г. Э. Грикуров

Даниил Гранин

Александр Кушнер

Юрий Колкер

Татьяна Толстая и А. А. Ансельм (Принстон, США)

Александр Мелихов и А. А. Ансельм

А. А. Ансельм (Принстон, США)

Могила А. А. Ансельма ("Anselm Alexey, 1934–1998")

Мне его жизнь всегда чем-то напоминала шампанское

Г. Р. Доброва,
д. ф. н., профессор РГПУ им. А. И. Герцена

Алеша Ансельм... Так его называли очень многие. Алексей Андреевич... Так называли его реже, и то к концу его жизни. Но для меня – не так и не эдак. Для меня – дядя Алеша.

Наверное, легче начать писать о человеке, с которым ты познакомился. «Я познакомилась с таким-то тогда-то и там-то». Но я-то с ним не знакомилась. Ну или познакомилась, когда мне было несколько дней. Для меня дядя Алеша был данностью, он был для меня всегда, всегда был частью моей жизни. И писать я буду не об ученом, не о физике, имя которого известно очень многим, а о члене семьи.

Строго говоря, мы с ним даже не очень близкие родственники: он мой двоюродный дядя, двоюродный брат моей мамы. Но на самом деле дядя Алеша всегда воспринимался мною как очень близкий родственник. Дело в том, что его мать (Ирина Викторовна Мочан) и моя бабушка (Наталья Викторовна Мочан) были не просто родными сестрами – они были очень дружны. Всю жизнь. И у обеих было только по одному ребенку – дядя Алеша у бабы Иры и моя мама Нина у моей бабушки. Поэтому, наверное, моя мама воспринимала Алешу скорее как своего брата, а не как кузена. Я никогда за всю жизнь не слышала, чтобы моя мама сказала о нем «мой двоюродный брат» – только «мой брат». В детстве они проводили много времени вместе: их вывозили до войны на дачу общие дедушка с бабушкой (Виктор Осипович и Берта Григорьевна Мочан) – в Мельничный ручей, на Сестрорецкий курорт. А в конце войны, когда все вернулись из эвакуации и мои бабушка с дедушкой поселились в своей квартире в Ленинграде, на улице Некрасова, а родители дяди Алеши – рядом с Физтехом (ужасно далеко от города по тем временам), было принято решение, что Алеша некоторое время поживет с моими бабушкой и дедушкой.

Дядя Алеша всегда присутствовал в рассказах моей мамы о детстве и юности. То она рассказывала, как они на даче бегали втайне от бабушки в цыганский табор, то вспоминала Дуню – Дуняшу, бывшую няню дяди Алеши, так его любившую, что она (после войны, когда он уже подросток) потихоньку от него бегала за ним на его первые свидания с девушками («чтобы с ребенком ничего не случилось»). Но нет. Наверное, об этом мне писать не надо. Это же должны быть мои воспоминания, а не мамыны.

А что, собственно говоря, помню я? Помню не так события, как ощущения. Дядя Алеша всегда воспринимался мною как человек-праздник. Как только он появлялся, начинался праздник. Он был очень живым, красивым, веселым, светлым, солнечным. И казался каким-то очень легким человеком, хотя на самом деле, безусловно, таковым не был. Да, вроде бы я с детства знала, что и у дяди Алеши были в жизни какие-то проблемы (например, его, сына немца и еврейки, не приняли на физфак – пришлось поступать на географический, а потом «перепрыгивать»), но на меня он всегда производил впечатление какого-то беззаботного человека. Казалось, ему было так легко идти по жизни... Есть любительское видео, где дядя Алеша с тетей Милой играют с маленькой Иркочкой, бегают, улыбаются. И они там такие молодые-молодые. В особенности дядя Алеша. Даже не по возрасту, а по поведению. Вот такими и были мои первые впечатления-ощущения о дяде Алеше – как о беззаботном, молодом, веселом. Возможно, он и был в те годы таким, а менялся уже потом? Не знаю. Мне запомнилось именно так.

Если вспоминать какие-то факты, то начну, наверное, с такого. Дядя Алеша всегда принимал активное участие в эпопее под названием «Переезд на дачу – переезд с дачи». Теперь, когда у всех свои дачи и свои машины, трудно представить себе, почему это было таким сложным мероприятием. Но это была каждый раз воистину эпопея. Кто-то из родственников должен был заранее заказать на определенный день грузовик, к этому дню складывали вещи. Когда приезжал грузовик, вещи надо было быстро в него погрузить, чтобы он не простаивал, а перед этим, когда переезжали из города на дачу (которую в те годы снимали на лето), спустить их вниз по лестнице. Лифты в те годы были редкостью. Тасканием вещей обычно занимались мужчины. Но в нашей семье мужчины не было: мой отец умер, когда мне было шесть лет, а дед к тому моменту был очень стар и еле ходил. Поэтому помогали мужчины-родственники – два моих дяди (муж папиной сестры и дядя Алеша). Помню, как появлялся дядя Алеша: всегда с улыбкой, с шутками, с хохотом. Он всегда с показным ужасом смотрел на кучу вещей, которые

собирали к его приходу мои бабушка с мамой (они абсолютно не умели паковать вещи: у них получалась куча каких-то неуклюжих сумок, сумочек и котомочек), и спрашивал что-то типа: «Наташка, а ты что, все собрала, что у тебя дома было? Ничего в городе не оставила?» На что моя бабушка (в шутку, конечно) всегда с гордостью отвечала: «Я люблю жить с удобствами!»

Но рассказать я хочу об одном конкретном переезде – о переезде с дачи в Зеленогорске в город то ли в 1967-м, то ли в 1968 году. В тот год каким-то образом нам сообщили, что грузовик задерживается. Все сидели на вещах и покорно ждали. И тут появляется дядя Алеша. Но не просто дядя Алеша, а дядя-Алеша-с-огромным-арбузом. Здесь мне придется сделать небольшое лирическое отступление. В семье Мочан были какие-то традиции, которые все по мере сил старались соблюдать. И к таким традициям относилась (и относится по сей день) традиция «переездного арбуза». Традицию завел еще до революции мой прадед (дедушка дяди Алеши и моей мамы Виктор Осипович Мочан): в день переезда в город с дачи покупается первый арбуз, который открывает арбузный сезон и символизирует собой начало нового учебного года. Так вот, именно такой «переездный арбуз» и притащил дядя Алеша. Помню, как была потрясена моя мама: дядя Алеша сообразил, что из-за задержки машины мы, приехав в город, арбуз добыть не успеем. С тех пор, кстати, всегда покупаем арбуз заранее. Однажды я забыла это сделать. Приезжаем в город, а там нас ждет купленный моим сыном арбуз. «Что я, хуже дяди Алеши?!» – сказал он мне гордо.

А следующее воспоминание – уже более позднее – относится к 1970-м годам. Мы много лет (в обоих смыслах слова «лет») жили на даче у Ансельмов в Комарово. Помню день, когда моя мама надумала варить клубничное варенье. Не знаю почему, но это было какое-то торжественно-священное событие, во время которого нельзя было шуметь, мешать маме и вообще лишний раз шевелиться. И вот в этот святой момент на веранду, где мы жили, входит дядя Алеша и говорит: «А не поехать ли нам сейчас на Голубые озера?» Помню свой ужас: такое заманчивое предложение, а у нас это чертово варенье. И вдруг моя мама неожиданно для меня заявляет: «Ну и черт с ним, с этим вареньем, – поехали». Она решительно выключила плитку (варенье потом спокойно доварилось вечером, но в тот момент у мамы был вид человека, идущего на подвиг), и мы поехали. От этой поездки мне почему-то на всю жизнь запомнилось, как мы четвером (дядя Алеша, тетя Мила, моя мама и я) шли от машины к озеру. У дяди Алеши, по-видимому, было веселое настроение, и он громко запел: «На Дерибасовской откры-

лася пивная...» и далее по тексту. Пел он очень воодушевленно, с потрясающей мимикой и, как мне вспоминается, не очень музыкально. Но мы с мамой до того эту песню никогда не слышали, и я вспоминаю, как мы буквально катались от хохота. Не помню, чтобы когда-то я так смеялась – ни до того, ни после.

Интересно, почему мне все время вспоминается какая-то ерунда? Наверное, другие вспоминают какие-то более серьезные вещи? Попробую и я. Дело опять же происходило на даче у Ансельмов в Комарово. Дядя Алеша созвал нас всех на веранду, где стоял обеденный стол, и пообещал кое-что рассказать. И рассказал о том, что откуда-то узнал (не помню уже откуда), что Маргарет Тэтчер очень хорошо отозвалась о нашем новом генеральном секретаре Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Помню радостное выражение лица дяди Алеши. Для меня слом эпох произошел именно в этот момент.

Еще вспомню о событиях более поздних. Дядя Алеша уже был тяжело болен и жил в основном в Америке. После приезда в Петербург мы провожали его и тетю Милу в аэропорт, и я попросила дядю Алешу дать совет, какую лучше выбрать специальность для моего сына Алешки, который тогда был в выпускном классе и мучительно колебался, куда поступать (замечу в скобках, что мой сын назван в честь дяди Алеши: я всегда хотела, чтобы и у моего сына была такая же яркая, бурная и интересная жизнь, как у дяди Алеши). Помню его ответ: он говорил о том, что сейчас в «основных» науках уже по большей части все открыто, что все интересное сейчас – на стыке наук (например, физики и биологии и т. п.). В результате мой сын, кстати, поступил на математическую лингвистику, и, думаю, выбор был правильным. И еще мне запомнилось из того же разговора... Я сказала об одном человеке, что как-то у него в жизни все получилось неудачно, что он мог достигнуть гораздо большего... И помню удививший меня тогда ответ дяди Алеши. Он сказал, что так не бывает, что человек всегда достигает ровно того, чего он достоин, – ни больше ни меньше. Как бы ни сложилась его судьба. Если чего-то не достиг – это не случайность. Тогда я очень удивилась. Теперь понимаю и принимаю.

Дядя Алеша умер в 1998 году, его мама (баба Ира) – в 1978-м, а его отец (дед Андрей) – в 1988 году. То есть ровно каждые десять лет кто-то из Ансельмов умирал. И моя мама, будучи немного суеверной, все время спрашивала меня в начале 2000-х годов, кто же умрет через следующие десять лет – в 2008 году. Умерла она сама...

У меня было немного близких родственников – одна тетя и один дядя. Тетя дожила до девяноста четырех лет, а дядя – дядя Алеша –

умер в шестьдесят четыре года. Но она всю жизнь «тлела»: жила тихо и неинтересно, мало ездила куда-либо, берегла себя, провела на пенсии больше сорока лет. А он (дядя Алеша) прожил интересную, бурную, насыщенную, яркую жизнь. Мне его жизнь всегда чем-то напоминала шампанское... И я точно знаю, за какой из этих вариантов жизни голову я.

Мы учились в одном классе

Г. Э. Грикуров,

к. г.-м. н., заслуженный геолог РФ

В 1949 году в связи с переездом нашей семьи на Петроградскую сторону я поменял место учебы и поступил в девятый класс мужской школы № 79, которая располагалась на углу Введенской улицы и Большого проспекта над известным в те (и последующие) годы гастрономом, занимавшим полуподвальный этаж. На фоне многих новых знакомств почти сразу установились близкие дружеские отношения с двумя сверстниками – Эриком Рудзитом и Алешей Ансельмом, и наше трио все более укреплялось на протяжении остававшихся двух лет учебы. Помимо юношеского родства душ, существовала и некоторая утилитарная составляющая: Алеша был несомненным лидером в математике и физике, Эрик первенствовал в литературе и истории, а я был вроде главного корректора по русскому языку, так что в совокупности мы обеспечивали друг другу успеваемость по основным предметам, среди которых печальным исключением была химия.

Налаженная система взаимопомощи в приготовлении уроков реализовывалась в ходе обширного внешкольного общения, так что значительную часть времени мы практически не расставались. Сначала собирались «по делу» у кого-нибудь дома, а потом вместе расслаблялись. Думаю, что серьезный вклад в нашу дружбу внесли родители, которые между собой никогда не встречались, но неизменно приветствовали наше шумное присутствие, в каком бы из домов оно ни происходило.

Одной из наиболее популярных форм расслабления были прогулки в парке Ленина и на Заячьем острове, перед Петропавловской крепостью. Я жил ближе всех к этим местам, и у нас в семье была собака – добродушнейший немецкий боксер. Породистые собаки в послевоенном

Ленинграде были большой редкостью, так что, когда мы втроем и пес отправлялись гулять, к нам охотно присоединялись девочки из соседних женских школ, нас принимали в любой волейбольный круг, и пес терпеливо ждал, пока мяч вылетит подальше и у него появится возможность его как следует обслуживать.

Со временем, когда сформировались более или менее устойчивые знакомства, по завершении прогулки и водворении зверя домой направлялись в гости к кому-нибудь из девочек, где нас почему-то тоже хорошо встречали и поили чаем. Если в доме оказывался рояль или пианино, то Эрик с неповторимым апломбом брал несколько весьма сомнительных аккордов, а Алеша мощным баритональным тенором исполнял последние фразы арии Каварадосси («Мой час настал...»). В итоге мы приобрели микрорайонную известность как «труппа имени Каварадосси» и поддерживали эту шутливую саморекламу при ставших уже нерегулярными встречах в институтские годы.

Вскоре после окончания института Эрик Рудзит переехал в Москву, но каждый его редкий приезд обязательно отмечался традиционным выступлением «труппы» в какой-либо из наших семей. Потом Эрик как-то постепенно потерялся, так что стабильные дружеские связи сохранились у меня только с Алешиной семьей и продолжают уже почти двадцать лет после его смерти.

Возвращаясь в 1949–1950 годы, вспоминаю первое ощущение чего-то для меня совершенно непонятого, но волнующего, когда Алеша в порыве просветительского энтузиазма пытался втолковать мне основы теории относительности на примере наблюдателя, в ночное время видящего проносящийся мимо поезд, в освещенных окнах которого виден идущий по вагону человек. Как тогда, так и теперь, шестьдесят пять лет спустя, я интуитивно чувствую некое таинство, скрытое в этом образе, но постичь его своим разумом не могу, равно как и более поздние Алешины старания объяснить различия между ньютоновской и квантовой механикой и многое другое, что мне всегда было интересно слушать (или читать в его популяризирующих статьях), но внятного впечатления не оставляло. Зато возникало восхищение тем непостижимым для меня складом ума, которым Алеша, как и другие физики-теоретики, располагал в полном объеме. Знакомство с его коллегами (В. Грибовым, Г. Биром, Ю. Петровым, Р. Казариновым) только усугубляло мое недоумение – обаятельные, обыкновенные в повседневной жизни люди, про которых знаешь, что голова у них устроена не так, как у тебя, и они могут мыслить совершенно другими категориями, загадочными и потому особенно привлекательными.

Отдельное место в памяти об Алеше и его семье занимает время на Алешиной даче, которая была недалёко от нашей, веселые новогодние празднования в компании физиков с наготовленной Милой и другими женами едой. Не обходилось (правда, не под вдохновенный аккомпанемент Эрика) и без Алешиного «Мой час настал...» с темпераментом, пропорциональным количеству выпитого. А в летние месяцы мы с женой и дочкой, снимавшие дачу в Зеленогорске, приезжали просто так и тихо проводили время с Алешей и Милой, Андреем Ивановичем и Ириной Викторовной, а потом уже без нее, но о ней много говорили. Было хорошо.

И еще одно воспоминание: 26 апреля 1986 года, около девяти утра. Звонок телефона – Алеша из Гатчины: «Закройте окна, форточки, внука на улицу не выпускайте, сами по возможности сидите дома, как что узнаю – позвоню еще раз». Он многим в этот час звонил.

В начале 1990-х – еще несколько встреч, уже в городе. Алешин кабинет с двумя окнами на площадь и огромным письменным столом с листами, исписанными формулами. Эти листы он называл «Пишу статью», хотя слов там не было, что в моем естествоиспытательском сознании никак не вязалось с понятием «статья».

Потом уже не виделись. Я знал, что Алеша в Америке, но мне была известна в основном формальная сторона: как выдающийся ученый, получил green card и уехал с Милой к дочке и внучке – о главной причине событий я осведомлен не был. Осенью 1998 года из разных источников – Физтеха, мехмата, откуда-то еще – почти одновременно пришли вести о его кончине. Летом 2001 года мы с женой были в Бостоне, Мила отвезла нас на Алешину могилу. Зеленый газон, гранитная глыба со словом *Anselm*.

Светлая память другу Алеше – потомственному интеллигенту с выдающимся умом и видением мироздания, недоступным простому смертному.

Мы учились с Алешей в одной школе

А. Г. Раппапорт,

д. иск., главный научный сотрудник НИИТИАГ

Наши учителя в массе своей были замечательные. Это были люди, как правило, старого петербургского, еще дореволюционного разлива. Они не в силах были противостоять нашему детскому бандитизму. В основном мы только находились под влиянием какого-нибудь хулигана, но справиться с нами было практически невозможно. Мы доводили порой своих учителей до иступления, до инфаркта. Но попадались люди железные. Был у нас один учитель, который запомнился всем выпускникам этой школы. Он преподавал у нас историю, чуть было не сказал «историю партии». Такого предмета у нас, конечно же, не было, но идеалом у него была история партии.

Он преподавал у нас историю СССР. Он был сам делегатом каких-то там съездов, боев или битв – не знаю. У него был протез. Звали его Дмитрий Борисович Гандман, но вся школа называла его просто по инициалам – Д. Б. Г. О нем складывались стихи, на него рисовали карикатуры, многие ученики нашей школы настолько его ненавидели, что всерьез клялись по окончании школы сделать ему какую-нибудь гадость, но, как правило, на второй день после окончания школы забывали все на свете, в том числе и своего мучителя Д. Б. Г.

Младших учеников, которые от него бегали, он немилосердно щипал, оставляя синяки. А старших третировал другим способом. Мы не понимали всего его коварства, но и сейчас страшно вспомнить, как он, оставив на школьника свой колючий взгляд, спрашивал о каком-то съезде партии. И если ученик, например, ошибался в дате, то Д. Б. Г. шутил таким образом: «Клевета на партию!» Подлинного смысла этих слов мы не понимали – мы думали, это просто шутка. Но такие шуточки могли очень дорого стоить его ученикам, да и ему самому. То были страшные пятидесятые, до разоблачения культа личности было еще далеко. Так что наш Д. Б. Г. любил «шутить» в таком духе. Его «крылатые выражения» с детства врезались в нашу память навсегда.

Когда я встретил Алешу Ансельма в Лондоне, в начале девяностых, мы как-то быстро, с первых слов, установили, что учились в одной школе на Петроградской, тут же всплыла в памяти фигура Д. Б. Г. Мы упали друг другу на грудь, как будто родились в одной семье или выросли в одном детдоме, – настолько глубоко врезался этот человек в нашу память. Тут другой рекомендации было не нужно, сразу же стало

ясно: мы замешаны с ним из одного теста и вскормлены молоком одной кормилицы – этим странным человеком и учителем Дмитрием Борисовичем Гандманом, к счастью никому жизни не испортившим, но все же крепко мы его не любили.

Мы вспомнили с Алешкой и наших учителей физики. Один из них – Сергей Сергеевич, у него учился в свое время Ансельм, мне же удалось поучиться всего один год – плохо его помню. Но его замечательные принципы врезались в память. Он считал, что всем ученикам нужно ставить только пятерки. На вопрос «Почему только пятерки?» он отвечал обычно так: «Если ученик понял, он должен получить пять, а если не понял, я должен получить двойку. А ученики не виноваты».

Для меня школа просвистела как-то мимо, как дождь за окном. В конце концов я стал архитектором, был сотрудником Би-би-си. Воистину неисповедимы пути-дороги...

Мне нравились широта его мысли, его взгляд на мир

А. А. Мигдал,

д. ф.-м. н., бизнесмен

Мы с Алешкой, что называется, были друзьями. Мы нравились друг другу. Мне нравилось, как он говорил, мне нравилась его широта мысли, мне нравилось его внутреннее благородство, его взгляд на мир. Мне нравилось то, что он, так же как и я, вырос в научной семье и был романтиком. Мы получили этот романтизм от наших родителей, который в полной мере нами не использовался, но передался. И еще у нас с ним было одно общее – интуиция. У него было понимание людей, была доброта, была широта. Мне кажется, у меня тоже были качества, которые ему нравились. Мы могли посмеяться друг над другом.

Был один эпизод в ночь накануне первого апреля. По законам нашего быта можно было разыгрывать человека в любую минуту первого апреля. Скажем, в двенадцать ноль одну можно уже человека разыграть: утром он будет начеку, но в первые минуты бдительность потеряна. Я ему позвонил, извинился за поздний звонок. Часы только что пробили двенадцать ночи, уже было первое апреля – я все специально продумал, подготовился, сфабриковал историю...

Алеша тогда разрабатывал теорию, которая позволила бы вычислить мировые постоянные, в том числе постоянную тонкой структуры. Он также занимался расчетами свойств ядер, пытался построить теорию, которая бы это объясняла. Он был очень увлечен этой работой. Мы, как теоретики, знали, что если формула верна, то она должна выглядеть так-то и еще там должно быть некое рациональное число. Я взял свой компьютер и подобрал с пятью знаками такое число, чтобы получилось. Мое коварство заключалось в том, что я сделал еще одну маленькую ошибку. Итак, я ему звоню в двенадцать ноль одну и говорю: «Вот, Алеша, я взял формулу, которую ты мне вчера дал, сделал расчеты, и у меня получилась вот такая цифра, – говорю ему цифру, – но ты ведь знаешь, я в Питере в гостях, и у меня нет с собой ни учебников, ни калькулятора. Попробуй посчитать на калькуляторе, правильны ли мои вычисления». Он клюнул и стал считать. И вдруг я слышу: «Мила, это получилось! Сашка, не может быть, получилось!» И началось невообразимое: ликование и радость. Я принимал как мог участие в этой радости. Потом мы повесили трубки, но через пять минут он мне позвонил и сказал приблизительно так: «Ты низкий человек! Если бы не Мила, я бы до самого утра в это верил, я бы не спал всю ночь. Ты низкий человек!» Ну конечно, женская интуиция немедленно поставила фантазера на место, подсказав, что, скорее всего, это первоапрельская шутка. Мне же на всю жизнь запомнилась радость нашего ликования. Хотя я был настоящим обманщиком и «низким» человеком, но в тот момент я как бы забыл об этом и вместе с ним был преисполнен чистой радости научного открытия.

То, чем мы жили все эти годы и чем занимались, для меня заключено не в формулах, которые мы писали. Эти формулы как звуки музыки, как песня, но это не то, что остается. После крупного физика остаются не многочисленные формулы, а пара формул или теорем. Остаются не формулы, а идеи как формы языка. Вот мы, все вместе, развивали какую-то идею, какую-то мысль – она-то и осталась жить после нас. Я говорю «осталась», потому что я тоже ушел из физики на несколько лет раньше. Теперь я занимаюсь совсем другим делом. Я свою прежнюю жизнь кончил. Я умер и снова родился. Теперь я совершенно другой человек, я иначе смотрю на мир. Между мной и тем миром, как говорят физики, большая гора. Здесь, в Америке, происходит перекачка информации из той Вселенной, о которой я говорю, в ту, в которой я сейчас живу.

Теперь, глядя со стороны, я могу объективно оценивать, что же было замечательного и важного сделано в те годы. Ни одна конкретная

формула, ни одно уравнение не остались в учебниках, однако мы делали очень важное дело – мы создавали язык...

Вот стих Бориса Пастернака, который я очень люблю:

И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье – лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.

Вот мы накапливали эту страсть... А когда и где она разрядится – это не наше дело.

Для меня Алексей Андреевич был мыслитель, способный судить о многом

Юрий Колкер,

поэт, ведущий программы «Парадигма» на Би-би-си

Я опубликовал некролог о его смерти в Америке на основе личных воспоминаний. Английские газеты писали о нем. Я что-то взял из английских газет, добавил свое и напечатал о нем некролог.

Я ведь неплохо знал его. Мы вместе сделали около двадцати интервью для передачи «Парадигма». Моей программы уже не существует. Она выходила с девяностого по девяносто девятый год. Алеша был самым ярким и замечательным ее участником. Он был артистичен, увлекался во время своего рассказа, был чрезвычайно образован. Он не относился к так называемым узким специалистам, которые дальше своего направления мало что знают. Алеша знал все! Он мог поговорить на любую тему, живо откликался на все вопросы, возникающие в ходе прямого эфира радиопрограммы. И эта быстрота реакции, а главное, широта и глубина его знаний были исключительными. Помню, как он особенно горячился, когда разоблачал шарлатанов. Не секрет, что за границей, на Западе, увлекаются астрологией и часто верят во все эти чудеса. Алеша категорически выступал против этих вещей. Он часто рассказывал о том, что в шестидесятые годы было повальное увлечение телепатией. Попадались на эту удочку и некоторые ученые. Академика Аркадия Бейнусовича Мигдала убедили, что есть-таки телепатия. Он сказал, что

если есть телепатия, то он должен непосредственно поставить эксперимент на себе. Вместе с женой они тут же поставили эксперимент, и тут же выяснилось, что никакой телепатии в этом эксперименте не обнаружилось. Алеша с большим чувством юмора и с невероятным артистизмом пересказывал мне и многим другим эту историю.

Знаете, сейчас, когда Алексея Андреевича не стало, я могу точно оценить его влияние на меня. Я у него многому научился. Для меня он был глубокий мыслитель, способный судить о многом. Я не хочу, не решаюсь давать общую оценку того, что он сделал; хотя я физик по первоначальному образованию, но я не в состоянии этого сделать – слишком сложная наука, которой он занимался. Его философские мысли... здесь есть над чем задуматься и о чем поспорить, но общую оценку я не решаюсь дать... Уверен, что он был значительный человек.

Здесь приводится одно из последних выступлений А. Ансельма на Би-би-си.

– Сегодня у нас в передаче пойдет речь о физике элементарных частиц... Предоставим слово специалисту. У нас в студии побывал известный ленинградский физик Алексей Ансельм. Алексей Андреевич, что привело вас в Англию?

– Ну, естественно, прежде всего общие научные интересы. Надо сказать, что область, которой я занимаюсь, – это теоретическая физика элементарных частиц. И специфика этой области состоит в том, что именно здесь проходит граница нашего познания природы в самом принципиальном смысле этого слова. Конечно же, и в других областях физики могут делаться самые неожиданные открытия, подчас очень важные для практики, и все же надо сказать, что в этих других областях любое явление в принципиальном смысле может быть объяснено уже известными фундаментальными законами физики. А в физике элементарных частиц ситуация прямо противоположная. Здесь любое новое экспериментальное открытие может привести к открытию принципиально новых или пересмотру старых, самых общих законов физики. И это делает физику элементарных частиц для многих, в частности и для меня, столь привлекательной. И это же объясняет, почему, несмотря на непрактичность этой области науки, на нее тратятся такие громадные деньги. В качестве примера могу назвать новый строящийся в США ускоритель: его стоимость будет составлять десять миллиардов долларов. Я не оговорился: да, именно десять миллиардов, а не миллионов.

В последние годы в физике частиц сложилась некая почти парадоксальная ситуация. С одной стороны, все существующие экспе-

риментальные факты укладываются в рамки существующей теории, которая носит название «Стандартная модель», а с другой стороны, совершенно очевидно, что Стандартная модель не является последним словом науки.

Многие теоретики, и я в том числе, пытаются выйти за рамки Стандартной модели и построить несколько более общую теорию. Именно здесь пересекаются мои научные интересы с интересами профессора Нормана Домби, с которым я сейчас работаю. Одно из направлений, которое разрабатывалось как профессором Домби, так и мной, – это идея составных кварков, лептонов и некоторых других частиц, которые в настоящее время считаются элементарными.

Со школы мы знаем, что любое вещество состоит из молекул, молекулы – из атомов, атомы – из ядер и электронов, ядра – из протонов и нейтронов. За последние два-три десятилетия мы узнали, что протоны и нейтроны тоже состоят из других частиц, которые получили название кварков. Но являются ли составными сами кварки, или электроны, или некоторые другие частицы, например зет-бозон, – это особенно интересует профессора Нормана Домби. Ответить на этот вопрос нелегко.

– Каким образом участвует в этой модели теория? Насколько я понимаю, вы идете от эксперимента. Как только появляется новый неожиданный эксперимент, подключаются теоретики, и они пытаются развить существующую модель или построить новую.

– Тут бывает часто взаимно. Бывает с двух сторон. Давайте я приведу конкретный пример. Несколько лет тому назад мне удалось сформулировать особые условия, которым должны удовлетворять так называемые преоны – это те гипотетические частицы, из которых мы будем строить кварки, электроны и т. д. Это очень общие условия, которым должны удовлетворять эти самые частицы. В дальнейшем эти условия, в более законченной форме, были сформулированы голландским ученым-физиком Герардом Хоофтом, и теперь они стали основой для построения любой модели составных кварков и лептонов.

– Правильно ли я вас понял, что упомянутый вами голландский ученый развил вашу модель?

– Нет, он это сделал независимо и лучше, чем я.

– Но, по существу, вы соавтор этой модели?

– Некоторые так считают, но я думаю, что он сделал больше в этом вопросе. Но дело не в этом. Чисто из теоретических соображений ока-

залось возможным очень сильно ограничить класс моделей, которые могут вообще рассматриваться как подходящие кандидаты для создания вот такой картины составных кварков и лептонов. Это одна сторона, а другая сторона развивалась профессором Домби, который изучал, в частности, такой вопрос: представим, что зет-бозон является составной частицей. Какие экспериментальные следствия мы можем тогда ожидать, что нужно делать экспериментаторам, чтобы подтвердить или отвергнуть такое предположение? На основе этих общих интересов, я думаю, возникла идея моего приглашения сюда, в Брайтон.

– У вас есть совместные публикации?

– У нас пока нет совместных публикаций, но к моему отъезду из Брайтона, я надеюсь, что-нибудь возникнет.

Теперь о попытке выхода за рамки Стандартной модели. Эта попытка привела к предсказанию нового типа частиц, очень легких, или безмассовых, частиц особого типа, которые очень слабо взаимодействуют с обычным веществом. Это сюжет, которым я занимался в течение многих лет. А вот недавно оказалось, что существование таких частиц можно попытаться связать с совершенно другой областью физики – с астрофизикой. Именно с некоторыми замечательными наблюдениями, сделанными совсем недавно астрономами, а именно в 1990 году. Эти астрономы утверждают, что если рассматривать Вселенную в очень крупном масштабе, то она представляет собой правильную слоистую структуру. Большинство галактик расположено в относительно тонких слоях, и толщина этих слоев заметно меньше, чем расстояние между слоями, так что получается нечто такое, что напоминает гигантский слоеный пирог. Вот, оказывается, представьте себе, что существование такой правильной периодической структуры можно попытаться связать с существованием почти безмассовых частиц, о которых речь шла выше.

– Это тоже старый сюжет: дракон, кусающий себя за хвост. Бесконечно большое смыкается с бесконечно малым. Как сказал один астрофизик, кажется академик Дмитрий Варшалович: «Физика сегодняшнего дня устремлена в небо».

– Я говорил раньше, что есть область, где возможны абсолютно новые фундаментальные законы, где возможны явления, которые не описываются в принципе теми законами, которые нам известны. Я немножко погрешил против истины, потому что вторая такая область – это область космологии. Потому что смыкающиеся самое малое и самое большое – вот это и есть те области, где проходит граница нашего познания...

Для меня существовала другая сторона его жизни, не профессиональная, а личностная

Даниил Гранин,
писатель

Алексей Андреевич, а для меня Алеша – из семьи потомственных физиков. Вообще, потомственные профессионалы-специалисты – это самое лучшее, что может быть. Потомственные врачи, учителя, потомственные физики. Я хорошо знал его отца, Андрея Ивановича, хорошего физика, и его мать, Ирину Викторовну.

Между прочим, Андрей Иванович жил на этой даче, занимался, когда у них не было еще своей. Алеша тоже на моих глазах рос, рос и вырос в замечательного ученого. О его научной стороне мне говорить трудно, о ней должны говорить специалисты. Для меня же существовала другая сторона его жизни, не профессиональная, а личностная.

То, что происходило с А. Ансельмом в шестидесятые – восьмидесятые годы, очень важно понять, поскольку это было характерно для всей нашей физики. Но особенно это касается физиков-теоретиков. Для теоретиков больше, чем кому бы то ни было, необходимо общение с коллегами не только своего института, а общение на мировом уровне. Потому что нет такого понятия «советский физик», «русский физик», это глупое понятие. Есть физик, и всё.

Он рассказывал мне, что в течение многих лет его не выпускали за рубеж. Сколько приглашений он получал на всякие симпозиумы, встречи, предлагалась работа за границей! Ни при каких обстоятельствах его не выпускали, но точно узнать причину нам не дано. Возможно, это связано с его фамилией. Возможно, с какими-то его разговорами и настроениями. Надо сказать, что физики семидесятых – восьмидесятых годов были наиболее передовой и радикальной частью нашего общества. Это началось еще в 1953–1956 годах, когда они смело выступали против Лысенко. Они поддерживали диссидентов, они позволяли себе открытое недовольство режимом.

Однако одно время я очень разочаровался в физиках. Особенно меня разочаровала вся эта история с А. Д. Сахаровым. Наши физики казались мне очень сплоченными и твердыми и, значит, людьми принципиальными, а они предали Сахарова, подписали эти позорные письма. Это было большим разочарованием для меня. Я очень любил Андрея Дмитриевича и читал его. Вы скажете, что не все физики вели себя подобным образом и из Академии его не вывели. Да, это так, но таких

было очень мало. Алеша был в их числе. Но большинство же в Академии повели себя не очень достойно в этой ситуации.

Я помню, как после возвращения Андрея Дмитриевича из Горького в Москве был какой-то конгресс. Я был приглашен на этот конгресс, там я увидел Андрея Дмитриевича и подошел к нему. Он стоял один, вокруг него была пустота. К нему подходили иностранные журналисты, но из наших никто к нему не подошел. Позже, когда мы с ним стояли вместе, подошли еще люди, но, когда нас стали фотографировать, они ушли, а остался только один Алесь Адамович. Вот мы троим и сфотографировались. Несмотря на то что Андрей Дмитриевич вернулся официально, инерция страха продолжала его окружать...

Иногда мы собирались у нас дома. В основном были разговоры о политике, о том, что творилось при Брежневе, потом при Андропове и при прочих наших вождах. Бывали острые разговоры и споры. Как-то у нас пел Александр Галич, проводили общие застолья с Сашей Кушнером. Бывали прелестные питерские вечера, они отличались какой-то внутренней наполненностью. Это не было просто болтовней, выпивкой и жратвой – это всегда было интеллектуально-возвышенное общение. Алеша был человеком широких интересов: к литературе, к театру, к истории, много читал. Приятельствовал очень живо и интересно со всей культурной элитой города, которая была тогда доступна.

Для Алеша начался совершенно новый период, когда он стал директором Института ядерной физики имени Б. П. Константинова. Он пришел в нужный час и нужный день. Его приход фактически решил для института болезненную проблему: уходил один директор, А. А. Воробьев, и еще был не готов второй директор, В. А. Назаренко. Алексею Андреевичу предложили взять на себя эту роль. Он эту роль здорово выполнил, а когда выполнил – спокойно и легко ушел. Но это была внешняя легкость – он болел и страдал институтом. Он рассказывал нам, как в этот тяжелейший переходный период для страны, а значит, и для института он начал зарабатывать какие-то деньги для сотрудников, для молодых теоретиков. Зимние школы физиков во время его директорства стали международными.

Для меня Алеша остался в памяти человеком европейским. Он очень выделялся среди нашей публики своей удивительной породой, смелостью суждений, какой-то эlegantностью. Он очень быстро адаптировался в Европе и в Америке. Как истосковавшийся по ним человек, он легко и органично вписался в европейский стиль жизни.

Стал бы ли я о нем писать? Не знаю. Это довольно болезненно, очень больно. Чтобы писать, надо отстраниться...

Он был мне родная душа

Татьяна Толстая,
писательница

Наши судьбы переплелись случайно. Пересеклись дороги, и дело даже не в обстоятельствах. Он был мне родная душа, сразу, в ту же минуту. Для этого были тысячи бессознательных причин. Одна из причин была та, что он напомнил мне моего папу, а с папой мне было всегда очень легко, потому что ему было все интересно, мир интересен! Эта же черта, которая довольно редко встречается в людях, была и у Алеши. Это такая особенность характера, когда человеку интересен не он сам, а то, что находится за пределами его Я. Это может быть что угодно: от теоретической физики до мелких букашек. Вокруг существует мир, и этот мир удивителен! Как же им не интересоваться, как же его не любить, как же не тратить на него свое время, весь свой интерес, чтобы попробовать его понять и другим об этом рассказать.

Меня всегда очень интересовал вопрос мироздания. Хотя это мне не по специальности, но если появлялась возможность об этом что-то узнать, то я приставала с соответствующими вопросами к отцу, к моим знакомым. Надо сказать, что мой отец, и Саша Мигдал, и Алеша Ансельм, несмотря на фантастическую разницу научной направленности, потому что я филолог, а они большие физики, никогда не отказывали мне рассказать про то, как мир устроен. Да, как устроен этот мир и что они про это знают.

Есть какие-то основные вещи, которые не могут не волновать человека. Это пространство, возможность обратного хода времени, тот материал, из которого сделан мир. И почему все так, а не иначе? Электричество, гравитация, микрочастицы. Почему в вакууме ничего нет, но все равно рождаются частицы?

Я старалась задавать вопрос, который не был бы возмутительно глупым. Для меня главное было получить на него ответ, который я как-то понимала. Но все это были разговоры физика с филологом. В таких разговорах требуется некоторое усилие – популяризация такая его, когда пытаешься сложные вещи объяснить понятным языком. Алеша умел это делать, и поэтому всегда была база для разговора. Я уже не говорю о тысяче других тем, особенно о литературе. Алеша любил литературу и знал ее.

В нем была удивительная черта – ощущение вечной юности. Да, он понимал, что мир, который он узнаёт, интересен, но до конца непозна-

ваем, он бесконечен, а человеческая жизнь коротка. Это была юмористическая досада: «Ну что же ты, Господи, послал мне такой короткий срок?»

Ощущение конечности бытия старость отрицает, старости вообще быть не должно. Мешает, что срок жизни ограничен, а так было бы интересно жить дольше, узнавать и узнавать новое.

Мой отец любил повторять одну фразу: «Старость – это дурные манеры», и, если подумать, эта парадоксальная мысль очень верна. Если человек воображает, что он старый, и хочет, чтобы он был старым и все об этом знали, то это он выражает в виде дурных манер: нарочно кричит, публично жалуется на боли в спине, коленках, даже если они настоящие, но это дурная манера играть в старика. У Алеши было полное нежелание стареть...

Истинный любимчик богов

Александр Мелихов,
писатель

Я часто вспоминаю Алешу Ансельма с чувством совершенно детской обиды на судьбу: зачем ей понадобилось послать мне этого чудного человека, чтобы так скоро отнять его?.. Но тут же спохватываюсь: насколько беднее была бы моя жизнь без этой кратковременной дружбы! До сих пор стоит в глазах наша первая встреча: в respectableм черном плаще он ждет меня на улице, а не дома – чтобы мне не пришлось потратить лишние три минуты на розыски его квартиры.

Мы сблизились в таком возрасте, когда нормальные люди почти не сближаются: у каждого уже устоялся вполне достаточный круг проверенных связей, каждый уже по горло сыт и очарованиями, и разочарованиями... Но с Алешей с первой же минуты оказалось настолько легко, что предохранительная сдержанность улетучилась прежде, чем я успел это заметить. Как всякий по-настоящему крупный человек, он абсолютно не важничал, сосредоточиваясь исключительно на предмете беседы – вернее, на предметах, ибо разговор наш сразу же начал проделывать самые удивительные зигзаги и пируэты, и не находилось, кажется, ничего, что он, почтенный профессор, не бросался бы обсуждать с чисто студенческим азартом.

Оказалось, что он – в точности как я в студенческие годы – ненавидел философов, считая, как и я когда-то, что миру более чем достаточно ученых (надо ли разъяснять, что учеными мы считали только тех, кто занимается лишь естественными, а еще лучше – точными науками). И сегодня, когда я все чаще размышляю об опасностях, которые несет дух науки, стремящийся разрушить все иллюзии – в том числе и те, на которых держится мир, – я мысленно то и дело обращаюсь к Алеше. И каждый раз ощущаю почти не слабеющую боль: вот и сейчас мне не удастся поделитьсь понятием, услышать, что он думает на этот счет...

Но как ни жаль мне бывает себя, когда я думаю об этой потере, неизмеримо более сильную жалость я испытываю к нему. Хотя я и не раз слышал, что жалеть следует только живых, я думаю, что мы остаемся людьми лишь до тех пор, пока не утрачиваем наш высший дар ощущать как реальность то, чего уже нет – и даже, может быть, никогда и не было. Мне мучительно жаль, что Алеша уже никогда не испытает радости от высокоумного разговора, от веселого застолья, от хорошей книги, от красивого города – он умел всему этому радоваться, как мало кому отпущено. И боюсь, что думаю так себе в утешение, но у меня сложилось полное впечатление, что этот талант радоваться жизни не оставил его даже перед лицом надвигающейся смерти.

Помню, я ушам своим не поверил, когда узнал, что в последний вечер на свободе – назавтра он ложился в больницу на операцию, которая должна была определить, жить ему или погибнуть, – так вот, в такой отнюдь не самый веселый вечер Алеша отправился на прием во французское, что ли, консульство. «И тебе удалось там что-то проплотить?..» – чуть не спросил я его, но понял – вполне удалось. «А чего дома маяться!» – ответил он на мой, вероятно, изумленный взгляд.

Ум, глубина и умение наслаждаться простыми радостями бытия – эти вещи сочетаются лишь в истинных любимчиках богов. И Алеша, мне кажется, долго оставался одним из таких любимчиков. (Хотя что такое «долго» по сравнению с вечностью! А человек, по моему глубокому убеждению, должен жить вечно.) Он был так щедро одарен не только умом, талантом, но и аристократической внешностью, что я ничуть не удивился, обнаружив у него еще и великолепный певческий голос: создавая такой образцовый экземпляр, природе было бы глупо на чем-то экономить.

Кстати говоря, аристократический орлиный нос открывал Алеше фамильную возможность дотянуться до его кончика кончиком языка, что он с полной непринужденностью и проделал в одну из наших пер-

вых же встреч. А вот я, томимый завистью, так и не решился признаться, что в детстве проводил многие часы в тщетных усилиях, пускай уж пальцами, подтянуть проклятый скользкий язык хотя бы до основания своего плебейского носа.

Алеша был столь страстным читателем и таким классным рассказчиком, что я ничуть не сомневаюсь и в его литературных дарованиях. Когда-то мне казалось странным, что решительно все мои друзья-физики и литературно одарены явно щедрее, чем подавляющее большинство известных мне писателей, исключая, разумеется, несколько штучных мастеров, но теперь я просто убежден, что за той всенародной, а может быть и всемирной, сказкой, какой на рубеже шестидесятых была физика, потянулись самые романтические, самые одаренные, кто вошел бы в элиту любой творческой профессии, если бы только она оказалась оваянной достаточно мощной поэтической грезой.

Цвет нации, каждый раз думал я, глядя на Алешу, составляют примерно одни и те же люди, в разные времена принимающие разные обличья: то они воины, то путешественники, то поэты, то ученые... Они бывают и политиками, когда у политики достает чарующей силы. И, к слову сказать, одна из многих опасностей сегодняшней политической ситуации в России заключается в том, что политика практически не поддержана поэзией: заправляющие там «прагматики» добились того, что политика сегодня способна привлекать лишь таких же «прагматиков», то есть людей заведомо второго сорта.

О политике с Алешей мы тоже многократно дебатировали – он и на нее смотрел очень романтически. Что, собственно говоря, совершенно правильно: прокладывать путь целой стране невозможно, уткнувшись себе под ноги. Но Алеша, мне казалось, излишне идеализировал диссидентское движение. Что, впрочем, тоже, возможно, правильно. Однако Алеше, как всякой светлой личности, готовность идти на риск представлялась чем-то вроде абсолютной ценности. Я же, как личность более темная, полагал, что никакая готовность идти на жертвы во имя идей не гарантирует высокого качества не только самих идей, но даже и побуждающих к борьбе мотивов. Увы, вековой опыт показывает, что жизнь постоянно порождает индивидов с амбициями настолько грандиозными, что для них невыносимо даже вполне обеспеченное (а тем более скромное) существование в мире, в котором распоряжаются другие. А потому все лишения и опасности противостояния власти для них все равно наименьшее зло.

Но оставим эти, увы, весьма распространенные варианты и возьмем идеальный случай: безоговорочно отвратительная власть, в знак

протеста против наглых злоупотреблений которой безоговорочно благородный юноша сжигает себя на площади. И происходит чудо: власть гибнет, а юноша, наоборот, остается жив. Благодарный народ осыпает его всевозможными почестями, а в довершение избирает председателем Ученого совета по теоретической физике...

– Ну уж это дудки! – ни мгновения не колеблясь, гневноотреагировал Алеша.

– Но почему же тогда, – напирал я, – борцы с советским режимом автоматически обретают несоразмерно солидный вес и в совершенно конкретных политических, социальных вопросах? Ведь даже самая бескорыстная готовность к жертвам еще не делает человека обладателем какого-то особого знания, и, более того, жертвы гораздо чаще приносятся во имя недостижимых утопий, ибо такова уж природа человека – греза способна воодушевить его несравненно сильнее, чем реальность. Поэтому впадать в утопизм антиутопизма, утопизм мелкотравчатого прагматизма тоже не следует: коллективные фантомы были и должны оставаться одной из главных движущих сил истории – тот, кто не желает кормить свои фантомы, обречен кормить чужие... Человека и отличает от животного главным образом способность и склонность относиться к плодам своей фантазии более серьезно, чем к реальным предметам; начиная жить исключительно реальностью, он становится просто нежизнеспособен, даже самые элементарные социальные функции требуют участия каких-то грез. Но в вопросах, требующих специальных знаний, требующих умения предвидеть реальные последствия, борцы с советским режимом, для противостояния которому было достаточно трюизмов, должны идти уже на равных с прочими. Пытаться возместить недостаток знаний (ума) совестью... Когда при том нет даже уверенности, больше ли там совести или просто меньше сомнений... Темперамент борца и не позволяет человеку что-то долго изучать, вдуываться – он должен утверждать то, что уже и так знает...

Случалось, мы оба начинали горячиться, но даже в пылу спора мне хотелось, чтобы прав оказался он, а не я, – настолько привлекательной, благородной была картина мира, в которой он жил. Было невероятно трогательно слышать, как этот добившийся международного признания ученый, краснея, каялся, что не принимал участия в диссидентском движении. Сказка о том, что единственная достойная интеллигентного человека форма деятельности есть борьба с властью, поразительно живуча у нас в России. Борьба с невежеством, борьба с болезнями, борьба со всеми мыслимыми формами хаоса не сумели создать для себя хотя бы вполовину мощных и долговечных сказок, отсутствие таких сказок

общенационального масштаба – еще одна из наиболее труднопреодолимых российских проблем.

Дорого бы я дал, чтобы вернуть наши тогдашние счастливые пре-
пирательства... Но надо сказать, уже приговоренный к смерти, Алеша
продолжал самым азартным образом обсуждать всевозможные жи-
вотрепещущие вопросы, уже, увы, не имеющие никакого отношения
к его личной судьбе. Этот редкий человек и уходил на редкость краси-
во, никогда не пытаясь грузить окружающих своей бедой. Он до конца
и во всем оставался образцовым экземпляром человеческой породы.
Утратив от химиотерапии свою роскошную шевелюру, предмет моей
особо острой зависти, он вполне готов был подшучивать над обретен-
ным сходством с Фантомасом. До крайности, впрочем, лестным для зе-
леного чудовища.

Последние месяцы своей жизни Алеша лечился в Соединенных
Штатах (Америки, разумеется), принятый туда в качестве «особо цен-
ного иностранца». Там, окунувшись в телевизионную стихию торже-
ствующего плюрализма, согласно которому нет ни ума, ни глупости,
ни эрудиции, ни невежества, но исключительно равноправные альтер-
нативные точки зрения, Алеша предпринял героическую и в своем роде
диссидентскую попытку в одиночку противостоять четвертой власти
(а пятой не бывает) полужнаек, освещающих достижения науки в мас-
сах, полных невежд. Последние его работы, опубликованные в том чис-
ле и в «Звезде», можно было бы отнести к жанру научно-популярному,
если бы их серьезность не переводила их в жанр философии науки, столь
ненавидимой им философии. Алеша до последнего дня думал о своей
работе, о выживании науки в социальной среде невежд, наконец-то до-
бившихся равноправия, а следовательно, доминирования. Алеша снова
подтвердил ту тривиальную когда-то истину, что стойкость перед лицом
смерти человеку придает только дело, которым он живет.

Страшно подумать, во что мы все превратимся, если до конца по-
верим, что человек должен служить лишь самому себе...

У нас было сходное понимание устройства мира

Александр Кушнер,
поэт

Саша, дорогой!

Сегодня провел утро в госпитале, получил свою еженедельную порцию «яда». Это длится около двух часов. Ощущение не из самых приятных, но сегодня мне эту процедуру скрасило одновременное чтение твоей статьи в «Знамени», о Бродском. Статья, по-моему, замечательная. И какими идиотами надо быть, чтобы свести ее к дискуссии о злополучном «Письме в оазис»? Даже если увидеть в твоей статье лишь полемику с Бродским о поэзии, то почему же все ограничивать этим несчастным «Письмом»? Да ведь не в этой полемике только суть статьи – мне, например, интереснее твои воспоминания. Из них так видны твои восхищение и любовь к Иосифу, что просто диву даешься, как можно усмотреть в этом какую-то чуть ли не склоку? Но каждый меряет по своему душевному масштабу, вот и виден масштаб всей этой окололитературной шати-братии. Ну да черт с ними.

Мне очень близки твои мысли о языке и жизни в целом. Конечно же, жизнь не исчерпывается языком, и действительно душа поет, а не язык. Нет ничего одного, что может заменить жизнь во всей ее многогранности: ни язык, ни музыка, ни живопись, ни вообще искусство, ни наука, ни любовь, ни смерть. Из этого ряда ощущение приближающейся смерти, наверное, все-таки ближе всего по уровню ко всей жизни, но и смерть уступает жизни. Жизнь – больше. Для меня вся красота жизни именно в ее несводимости ни с какими, даже самыми замечательными, ее сторонами. Меня поражает отсутствие окончательных высказываний о жизни. Жизнь не... то, другое, третье, она и то, и другое, и третье. И каждая конкретная жизненная ситуация всегда имеет много сторон, как в том анекдоте: «И ты прав, и ты прав...»

Эта неокончателность стала для меня с годами почти религией и порядочно мешает мне жить. Как оценить ситуацию, когда видишь сразу столько аспектов проблемы? Хуже всего было мне во времена моего директорства, очень трудно принимать решения, глядя сразу, как стрекоза, во все стороны. Вот написал и подумал: но ведь не избавляет нас это от необходимости и возможности иметь кое-какие оценки? Чем-то же отличаются для нас любовные похождения Клинтона и Бе-

рии? И я-то знаю, что Достоевский лучше Толстого, хотя ты знаешь обратное. Нет, положительно ничего нельзя сформулировать окончательно!

Вот только если – красота. Как-то удивительно много объединяет это емкое слово: и искусство, и науку, и любовь... и смерть? Иногда даже кажется, что это просто синоним жизни, оттеняющий какую-то важнейшую ее сторону.

Я давно не испытывал такого счастья, как когда писал недавно заметки «Что такое время?». (Я говорил тебе о них.) Я совершенно забыл, что это не я придумал, а Эйнштейн, да и, по правде говоря, какая разница? Если такая красота! Мне кажется, что нам, очень конкретно физикам-теоретикам, да и то далеко не всем, дано великое счастье видеть красоту мироздания в некотором аспекте, неведомом другим. Но ведь то же самое и для поэтов, разве твое видение поэзии можно сравнить с видением и ощущением поэзии случайного, даже вполне интеллигентного, человека? Мне кажется, мы говорили как-то с тобой об этом.

Что-то я расфилософствовался. Нетрудно, впрочем, догадаться почему. Пора, пора, пора! Творцу отдать билет! Не потому, что хочется, а потому, что пора. И тут опять какие-то есть спасения в ощущении высшей гармонии и красоты мира.

Как-то раз Эйнштейна спросили, как он относится к смерти. Он ответил, что смерть отдельного человека так мало меняет его картину мира, что она не очень его волнует. Не сомневаюсь в его искренности, он вообще был очень искренний человек. И тут, надеюсь, нет принципиальной разницы между Эйнштейном и мной: если ты можешь ощущать эту красоту, можно пренебречь тем, что не ты ее открыл. Красота выше вопроса об авторстве! А смерть – она как рама, ограничивающая полотно жизни. Рама играет не последнюю роль в восприятии картины, но обязательно должна соответствовать картине.

Мне кажется, нельзя победить страх смерти, пытаясь забыть о смерти, но только пристально разглядывая ее вместе с жизнью. А в остальном... Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря. Что мы и делаем.

Какая же это все-таки провинция Бостон, по сравнению с имперским Санкт-Петербургом! И какое счастье, что Петербург существует во всей своей красе и величии и что в Петербурге есть вы и еще пара любимых друзей. Я только и молюсь, чтобы еще хоть раз вернуться в свой город, «знакомый до слез... У меня еще есть адреса, по которым

найду мертвецов голоса». Видишь, как красота искусства скрашивает жизнь? Вот такие выпретенные мысли разбудил ты во мне своей статьей.

Целую вас обоих, дорогие, и Милка, конечно, присоединяется.

Ваши Алеша.

(Из письма Алексея Ансельма Александру Кушнеру.
Начало 1998 года)

Дорогой Алеша,

я очень обрадовался твоему письму. Боже мой, как мало на свете людей, глядящих на мир без предвзятости, без «закидонов», а следящих за своей маленькой оптикой, не позволяя ей исказить реальность. Твое присутствие в этом мире для меня очень важно – время от времени можно свернуть свой взгляд на вещи с твоим, оцутить под ногой твердую почву. Мне кажется, мы похожи, наше отношение к жизни совпадает, и ты прав: поэзия и теоретическая физика – сестры. Замечательно, что к мирозданию, его красоте, о которой ты так точно пишешь в письме, можно подойти с разных сторон – и убедиться в тождественности результата, в наличии некоторой объективной реальности.

Очень хочу прочесть твои заметки «Что такое время?». Как бы их получить, не дожидаясь, пока они будут опубликованы?

Спасибо тебе за горячий отклик на статью о Бродском. Твое мнение мне очень дорого и перекрывает злословие людей, все меряющих на свой железный аршин.

Твои мысли по поводу «высказываний о жизни» мне очень близки. И на высоком, метафизическом, и на самом обычном, житейском уровне. Я тоже нахожусь в противоречивом состоянии, в нерешительности – и это, как ты пишешь, порядочно мешает писать. Зато два соседних стихотворения нередко спорят друг с другом – и возникает куда более правдоподобная картина мира, не застойная, а проточная, не застывшая раз и навсегда, а способная к движению. Догадываюсь, что и в физике происходит то же самое. Но в жизни, увы, это оборачивается «соглашательством», уступками, неумением «постоять за себя» и т. д.

О смерти я думаю всю сознательную жизнь. Можно ли представить жизнь без нее? Какой это был бы ужас! Все равно, ни в двадцать, ни в тридцать лет я не был к ней готов, но к сорока годам уже написал в одном стихотворении:

*Я столько раз в других мерцал и умирал,
 Что собственную смерть сносил наполовину.
 Помят ее рукав и вытерт матерьял.
 В ночь выходя, ее, как старый плащ, накину...*

Постепенно начинаешь кое-что понимать. Ведь нет ни одного исключения! Миллиарды людей умерли до меня, в том числе, допустим, такие, как Платон или Пушкин. Чем же я лучше? И еще: вот я знал такого-то и такую-то, в том числе какую-нибудь Марью Петровну, – и она справилась с этим, умерла. Чем же я хуже ее или трусливей? Помню, как мне помогали «стоики», особенно Сенека. Я читал его, когда умирал мой отец.

И еще: жизнь с годами лучше не делается – чем дальше, тем она для нас трудней и унижительней. Зоценко, умерший в 64 года, сказал: «Надо умирать раньше. Я слишком долго живу». То есть он считал, что, умри он раньше – и у него не было бы всех его чудовищных бед и неприятностей. Ты замечательно написал: «Нельзя победить страх смерти, забыв о смерти, но только пристально разглядывая ее вместе с жизнью».

Ну хватит об этом. Мне, Алеша, очень не хватает тебя. И я, и Лена – мы ждем вас, тебя и Милу. Очень надеемся, что вы приедете, и еще не раз, в город, «знакомый до слез».

Сейчас готовится и издается книжка моих стихов и статей последнего времени, куда я включил стихотворение, которое решил посвятить тебе, надеюсь, ты не будешь против этого. Посылаю его тебе с этим письмом.

Целую тебя и Милу, и Лена тоже целует вас обоих.

Твой Саша.

*Дорогому Алеше Ансельму с любовью,
 А. Кушнер*

*Мир, – как сказал знакомый физик, –
 Пространство – время – вещество,
 И Колизей его коллизий,
 И гладиаторы его,
 Набор иллюзий и Элизий
 Возникли вдруг, из ничего.*

*Я так и думал, что без плана,
Подготовительных работ!
Стихотворенье из тумана
Так возникает и растет.
От первовспышки – до дивана.
И виски в рюмочке, вот-вот!*

*Все эти радости, листочки,
Обиды, ужасы, моря,
Больницы, звезды, одиночки,
Где плачут, с Богом говоря, –
Всё – из одной случайной точки.
Не уверяй меня, что зря.*

(Из письма Александра Кушнера Алексею Ансельму.
14 апреля 1998 года)

Знаете, мне всегда кажется, что существует какой-то узор в жизни и судьба посылает необходимых тебе людей, а с тем, с кем не надо, и не знакомит.

Так случилось и у нас. Моя жена дружила с Алешей. Она знала его раньше, потому что их родители тоже дружили. Позже и я познакомился с Алешей, и так мы прикипели друг к другу, что это знакомство вылилось в нашу дружбу.

Мне было интересно с ним, и, надеюсь, ему было интересно со мной. Я вдруг понял, что не важно – пишешь ты стихи или занимаешься теоретической физикой, оказывается (я не люблю слово «творчество», слишком высокое слово), тем не менее в творческом процессе, в творческой работе всегда есть что-то общее. Я знаю, что Алеша записывал в свой блокнот мысли так же, как я записывал свои стихи. Часто набрасывал что-то в этот блокнот, и становилось ясно: его вдруг посетила творческая мысль. Но главное – у нас было сходное понимание устройства этого мира. Я не умею читать формулы, и, разумеется, для меня это все китайская грамота. Но Алеша умел как-то понятно все объяснить, и некоторые физические «уроки» я усвоил именно от него. Для Алеши, в свою очередь, может быть, было важным то, что я говорил о стихах...

Вот и получается, что физика и поэзия говорят примерно одно и то же о том, как красив этот мир. Как он необыкновенно устроен, загадочен и прекрасен!

Мы говорили с ним и о Боге. Я помню эти слова. Алеша говорил: «А что, если Бог все устроил так, чтобы мы могли объяснить этот мир без его участия?.. Бог не тщеславен и не честолюбив, он ушел в тень. И мир может быть объяснен и без него. Так, как будто он здесь вообще ни при чем. А может, это так и есть?»

Он замечательно говорил, что нельзя задавать этому миру бессмысленные вопросы. Можно спросить, какой по счету этот меридиан, но нельзя спросить, какого он цвета. Точно так же нельзя спросить, что было до Большого взрыва, до момента образования Вселенной. Мы не знаем, это находится за горизонтом нашего понимания. И это похоже на стихи Баратынского: «Когда возникнул мир цветущий / Из равновесья диких сил...» А какие такие дикие силы, откуда они взялись – неизвестно!

Алеша считал, что физика постепенно постигает и открывает что-то новое на пути к истине. И это очень важно, и человек за это в ответе. Вот точно так же устроена и поэзия, и работа над ней. Да, прежде всего не хочется лгать в стихах, а хочется быть точным, хочется отвечать за каждое слово.

Вспоминаю, как он рассказывал мне о реликтовом излучении, о том, что до нас доходит это излучение и мы можем восстановить первоначальные процессы, самые удаленные события во Вселенной. Это похоже на то, с чем мы имеем дело в литературе, когда говорим, например, об Одиссее или, допустим, о древнегреческом лирике Архилохе. От него осталось всего несколько строчек, и вот по этим стихам мы кое-что восстанавливаем в его облике и мировоззрении. А по сути, постигаем неизменную и вечную сущность лирики. Благодаря этим архаическим строчкам гораздо лучше понимаем вообще поэзию, в том числе и современную.

Я любил эти разговоры. Мне было интереснее говорить с ним, чем читать некоторых философов, которые заняты метафизическими и религиозными спекуляциями, вымыслами и при этом ни за что не отвечают. Беседы с Алешей были тем хороши, что это всегда был ответственный разговор о свойствах мироздания.

Его смерть сразила меня. То одна из самых больших утрат в моей жизни. Мне его не хватает, мне хочется поговорить с ним не только на большие темы, но и поговорить о будничных, текущих делах, о стране, о власти, о политике – о чем угодно. Я всегда знал, что получу разумный, точный ответ на любой вопрос.

О смерти мы тоже говорили с ним, не обходили молчанием эту мрачную тему. Я знал, что он умирает, а уж он-то знал об этом лучше

всех – и принимал трагическую необходимость с поразительным мужеством. Иначе и быть не могло, потому что этот человек умел мыслить, не отводя глаз от ужаса, от пустоты, от Ничто, потому что мир его интересовал больше, чем собственное место в нем. Он знал, что всему есть начало и конец, знал – все обречено: камень разрушается, горные хребты стираются, звезды гибнут. Можно ли желать избежать общей участи? Он умирал так же мужественно, как умирают поэты. А поэты умирают как офицеры: Пушкин, Лермонтов, Фет, Маяковский, Цветаева, да все – мужественно, твердо... Может быть, это происходит потому, что им удается обмануть смерть, пройти по той тропе, на которой она беспомощна. Я имею в виду созданные ими стихи, которые способны пережить прах и «убежать тленья». Так же беспомощна она в отношении любого творческого дела – и Алеша сделал так много, что она его не достала. А самое главное – он сумел посмотреть ей в глаза, не отводя взгляда, – и смерть такого взгляда не выдерживает. Ее победа, можно сказать, бесславна. Все, что я сказал, не избавляет меня от горечи и горя, что его нет рядом: мир опустел.

Мы с ним любили общаться просто за столом, выпивали, с ним было весело. Есть люди скучные, зануды, чего-то им не хватает, а вот Алеша был легкий, красивый человек. И походка была у него легка, и манера себя вести. Он любил жизнь и терпеть не мог нытье. Любил свою жену Милу, а мы любили их обоих.

А что касается его письма из Бостона, хотелось бы кое-что разъяснить. Он прочел мою статью о Бродском и встал на мою сторону. Я спорил с Бродским, который считал, что поэт ведет язык, что язык диктует стихи и является музой поэта. Я же, безусловно соглашаясь, что язык – это главное орудие поэтического труда, считал, что есть нечто более важное, что диктует стихи, – это душа. Может быть, душа – понятие и банальное, вышедшее из моды, тем не менее «Нет дня, чтобы душа не ныла, / Не изнывала б о былом», – сказано у Тютчева. Язык не ноет, а душа ноет, душа болит. Вот Алеша разделял эту мысль, и мне это очень дорого. И еще мне хотелось бы напомнить его слова: *«Нет ничего одного, что может заменить жизнь во всей ее многогранности: ни язык, ни музыка, ни живопись, ни вообще искусство, ни наука, ни любовь, ни смерть. Из этого ряда ощущение приближающейся смерти, наверное, все-таки ближе всего по уровню ко всей жизни, но и смерть уступает жизни. Жизнь – больше. Для меня вся красота жизни именно в ее несводимости ни с какими, даже самыми замечательными, ее сторонами. Меня поражает отсутствие окончательных высказываний о жизни. Жизнь не... то, другое, третье, она и то, и другое, и третье.*

И каждая конкретная жизненная ситуация всегда имеет много сторон, как в том анекдоте: «И ты прав, и ты прав...»

Эта неокончателность стала для меня с годами почти религией и порядочно мешает мне жить. Как оценить ситуацию, когда видишь сразу столько аспектов проблемы? <...> Нет, положительно ничего нельзя сформулировать окончательно!

Вот только если – красота. Как-то удивительно много объединяет это емкое слово: и искусство, и науку, и любовь... и смерть? Иногда даже кажется, что это просто синоним жизни, оттеняющий какую-то важнейшую ее сторону».

Мы сходились на том, что людям, так думающим, труднее живется, потому что окружающие ценят окончательные, четкие высказывания. Если ты оставляешь некоторые сомнения, если в твоём тоне есть неуверенность, если ты обращаешься часто к вводным предложениям и в голосе нет металла, то плохи твои дела. Алеша не боялся быть интеллигентным человеком, неуверенным в окончательности своих мыслей и знаний.

До меня от него дошел «реликтовый» привет. В девятом номере журнала «Звезда» за 1998 год опубликована, уже после его смерти, замечательная статья «Что такое время?». Размышляя на темы близости фундаментальной науки и искусства, столь его волновавшие, он вспоминает меня, и я этим был чрезвычайно тронут: *«Мне приятно констатировать, что эту точку зрения разделяют не только ученые, но и люди искусства. Мы находимся, например, в полном согласии с моим другом, поэтом Александром Кушнером. Существование параллельных видов красоты: красоты безграничного, окружающего нас мира и его отражение в искусстве и красоты фундаментальной теории, лежащей в основе этого многообразия, просто поразительно!»*

Памяти Алексея Ансельма

Он, любивший ночное небо, его устройство,
Разговаривавший со звездой, как с подругой детства,
То есть знавший ее заскоки, дурные свойства
И достоинства, и предлагавший ее как средство
Нам от умственной лени, гордыни, тоски и скуки,
Он, заведомо знавший, во что она превратится
Через тысячи лет: эти черные дыры, муки
И страдания материи, – с зоркостью очевидца,
Он, рассказывавший о реликтовом излученье
За столом, – и бокал у него под рукой светился,
Он, он, он... задохнусь – нас оставил на попечение
Этих толп, этих толщ, этих полчищ, а сам затмился.
И теперь я смотрю на звезду – и звезда, тревожа
И смущая меня, задает мне из тьмы загадки,
И, уставясь во тьму, говорю: – Это ты, Алеша?.. –
Нет, не я. Нет меня. Я с тобой не играю в прятки.
Ты не женщина, чтобы надеяться и страшиться
И менять из-за смерти добытое в жизни мненье.
Отсверкавший огонь, перевернутая страница –
Мои братья теперь, да уволенное волнение.
Обещай же смотреть, как умели смотреть на вещи
Мы, без принятой пошлости, твердо и неподкупно,
Не заискивая: потому-то и звезды блещут,
Что умеют гореть горячо, ошибаться – крупно!

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
У меня это была большая любовь... <i>Людмила Ансельм</i>	7
Нас отличает особый дух. <i>А. А. Ансельм к 25-летию ПИЯФ</i>	66
Алексей Андреевич был прирожденным учителем. <i>Д. И. Дьяконов</i>	70
Мы дружили с ним четверть века, для меня это невосполнимая потеря. <i>А. М. Поляков</i>	77
Мне было поручено предложить А. А. Ансельму стать директором нашего института. <i>В. А. Назаренко</i>	81
Наше знакомство пережило несколько периодов. <i>Е. Б. Александров</i>	83
Не могу не отметить его выдающуюся работу по проблеме нуль-заряда. <i>Н. П. Попов</i>	86
В течение трех месяцев нас радовало присутствие Алеши. <i>Эллиот Лидер</i>	88
Будто недавно только попрощались. <i>В. Б. фон Шлиппе</i>	90
С Алешей всегда было радостно и интересно, он создавал интеллектуальную атмосферу. <i>Норман Домби</i>	94

Он был моим крестным отцом. <i>Ю. Л. Докищцер</i>	96
Для меня Алексей Андреевич – Учитель, который научил меня жить. <i>А. А. Иогансен</i>	97
Его имя в нашей семье святое. <i>Н. Н. Николаев</i>	99
Мне его жизнь всегда чем-то напоминала шампанское. <i>Г. Р. Доброва</i>	113
Мы учились в одном классе. <i>Г. Э. Грикуров</i>	117
Мы учились с Алешей в одной школе. <i>А. Г. Раннапорт</i>	120
Мне нравились широта его мысли, его взгляд на мир. <i>А. А. Мигдал</i>	121
Для меня Алексей Андреевич был мыслитель, способный судить о многом. <i>Юрий Колкер</i>	123
Для меня существовала другая сторона его жизни, не профессиональная, а личностная. <i>Даниил Гранин</i>	127
Он был мне родная душа. <i>Татьяна Толстая</i>	129
Истинный любимчик богов. <i>Александр Мелихов</i>	130
У нас было сходное понимание устройства мира. <i>Александр Кушнер</i>	135

Страницы истории

Выпуск 3

**Счастье видеть
красоту мироздания**

Памяти физика А. А. Ансельма

Автор-составитель Л. Н. Ансельм

Редакторы: Н. В. Силинская, Е. С. Степовая

Техническое редактирование, обложка: Т. А. Парфеева

Компьютерная обработка и верстка: Е. В. Веселовская

Отпечатано в типографии
НИЦ «Курчатовский институт» – ПИЯФ

188300, Гатчина Ленинградской обл., мкр. Орлова роща, д. 1

Зак. 211, тир. 150, уч.-изд. л. 8,2; 27.06.2018 г.

Формат 60 × 90 1/16, печать офсетная

Выпуски серии «Страницы истории»

Выпуск 1. Реактор ВВР-М и нейтронные исследования.

2016. 240 с., 139 ил. ISBN 978-5-86763-378-3

Выпуск 2. Биологическая наука в ПИЯФ.

2017. 224 с., 66 ил. ISBN 978-5-86763-384-4